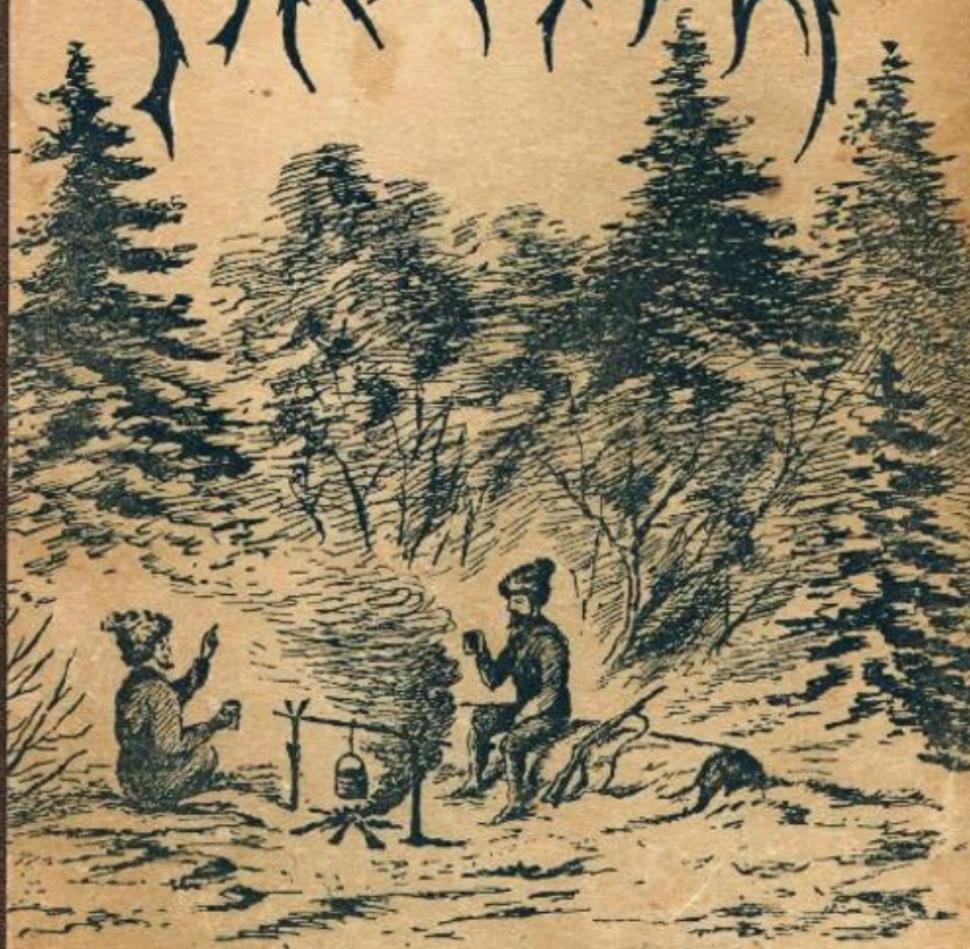

Н.БАЙКОВ.

ЧКАСТРА

Н. Байков

У КОСТРА

Книгоиздательство
„Наше Знаніе“

279, Victoria Road. B. C.
Tientsin, N. China

Всѣ права сохраниены
за автором
All rights reserved

Обложка работы автора.

Книга отпечатана
в Российской Типографии
„Наше Знаніе“
г. Тяньцзинь

От автора.

Дорогой читатель, здѣсь ты найдешь
мои воспоминанія и беспѣды у костра
в глухую таежную ночь Маньчжуріи.

Оглавление.

1. Діана.	...	...	...	...	...	...	1
2. Рассказ шоффера.	...	...	...	...	...	...	13
3. Судьба	...	...	...	...	...	...	21
4. Ночь у костра.	...	...	...	...	...	...	26
5. Хунхузы.	...	...	...	...	...	...	35
6. Ланцелупы.	...	...	...	...	...	...	46
7. На облавѣ.	...	...	...	...	...	...	51
8. Контрабандисты.	...	...	...	...	...	...	56
9. Страшная находка.	...	...	...	...	...	...	66
10. Встрѣча Нового Года.	...	...	...	...	...	...	72
11. Черная смерть.	...	...	...	...	...	...	78
12. На палубѣ парохода.	...	...	...	...	...	...	84
13. Затерянный в океанѣ.	...	...	...	...	...	...	89
14. Во власти змѣй.	...	...	...	...	...	...	107
15. Клятва Гассана.	...	...	...	...	...	...	113
16. В старом замкѣ.	...	...	...	...	...	...	125
17. Заклинатель змѣй.	...	...	...	...	...	...	130
18. Сказочная быль.	...	...	...	...	...	...	138
19. Воспоминаніе о Менделѣевѣ.	...	...	...	...	...	...	144
20. Клад корсаров.	...	...	...	...	...	...	152
21. Подвиг маленькаго Микки.	...	...	...	...	...	...	160
22. Быдло.	...	...	...	...	...	...	166
23. Месть креолки.	...	...	...	...	...	...	172
24. Perpetuum mobile.	...	...	...	...	...	...	178
25. Маіор Бутлеров.	...	...	...	...	...	...	182
26. У Тигровой горы.	...	...	...	...	...	...	188
27. Графскій особняк.	...	...	...	...	...	...	194
28. Голгофа женщины.	...	...	...	...	...	...	203
29. Тайна бутылки.	...	...	...	...	...	...	209
30. Портрет Императора.	...	...	...	...	...	...	218
31. Самурай.	...	...	...	...	...	...	221
32. На границѣ.	...	...	...	...	...	...	230
33. Большое сердце.	...	...	...	...	...	...	240

ДІАНА.

В одну из морозных декабрьских ночей, мы добрались, наконец, до верховьев Хамихеры и, найдя в одном глубоком ущелье полуразрушенную фанзу звѣролова, рѣшили в ней заночевать.

Через час, разведя огонь в очагѣ и натопив хорошенъко кан, мы чувствовали себя „на седьмом небѣ“ и благодушествовали, послѣ сытнаго ужина из пельменей и неимовѣрнаго количества чая, едва утолившаго нашу жажду. Тайга, по прежнему, шумѣла и леденящій вѣтер, пронизывая убогую фанзу сквозь щели и окна с прорванною бумагой, заставлял нас ежиться и разжигать очаг до краснаго каленія; но это мало помогало; пришлось снова идти в тайгу, для сбора моха и листьев, которыми кое как заткнули щели и окна; только послѣ этого можно было снять полушибки и раздѣться. Мой компаньон, с которым я случайно познакомился в Харбинѣ, был большим любителем природы и охоты. Узнав, что я живу на лѣсной концессіи, он уговорил меня взять его с собой в тайгу, не столько ради охоты, как для прогулки и знакомства с первобытным лѣсом и условиями его быта.

Повидимому, этот человѣк был вполнѣ обезпечен материально и не стѣснялся в расходах при покупкѣ дорогого оружія и походнаго снаряженія. Всѣ данные говорили за то, что мой новый знакомый не новичок в скитаніях и имѣет значительный житейскій опыт. Я буду называть его Александром Ивановичем К., не называя его полной фамиліи,

по нѣкоторым соображеніям, которыя станут по-
нятными в дальнѣйшем.

Наружность его производила благопріятное впе-
чатлѣніе и вполнѣ гармонировала с окружающею
дикою природой. Он был футов шести ростом, ши-
рокоплеч и силен. В темно-русых волосах его и в
черной бородкѣ пробивалась сѣдина. Голубые глаза
и тонкій профиль изобличали сѣверянина. Обру-
чальное кольцо на правой рукѣ выдавало его се-
мейное положеніе.

Вот все, что я о нем знал, когда углубился с
ним в нѣдра дремучей тайги, к югу от станціи Ши-
тоухэцы, зимою 1928 года.

Совмѣстная скитальческая жизнь сближает лю-
дей духовно - братскими узами, сохраняющими эту
дружбу иногда втеченіе всей жизни. Так и в данном
случаѣ, под конец наших блужданій по лѣсной
пустынѣ, мы стали друзьями, близкими друг другу
по міропониманію и пережитым впечатлѣніям.

Но все-же, не смотря на это, я знал о нем
меньше, чѣм он обо мнѣ, или вѣрнѣе, я о нем не
знал почти ничего, что, без сомнѣнія, немножко ох-
лаждало наши взаимоотношенія, ставя между на-
ми барьер недосказанности и даже недовѣрія. Это
понимал мой пріятель и искал случая пополнить
этот пробѣл, но как-то не было времени для его
исполненія.

Теперь, когда мы кайфовали на теплой лежан-
кѣ, прислушиваясь к неумолчному шуму тайги,
случай этот представился.

— Тебя, конечно, интересует мое прошлое, мое
curriculum vitae! — произнес, наконец, мой спут-
ник, закуривая короткую трубку и пуская клубы
дыма ароматнаго англійскаго табаку — Я дол-
женъ это сдѣлать из чувства дружбы и солидар-
ности, хотя по „закону тайги“, кажется, не при-
нято вспоминать свое прошлое? Но я вѣдь не
„таежник“, а потому могу нарушить этот закон

без особаго ущерба для кого бы то ни было! Итак, слушай, если тебя вообще интересует моя „стремянка“ жизнь! —

— Я давно уже жду этого случая! — отвечал я, укладываясь поудобнее на горячем канѣ и подстилая под себя шкурку горала. — Рассказывай все подробнее, повидимому это будет чрезвычайно интересно! —

— Ну, нет! — возразил он, задув предварительно огарок, отчего в фанзѣ стало темно, не смотря на свѣтлую звѣздную ночь. — Моя жизнь мало интересна и шаблонна, а потому я ограничусь только наиболѣе выдающимися эпизодами, в стилѣ Джека Лондона и Кервуда! —

— Тебѣ уже известно, что я уроженец ярославской губерніи. По окончаніи гимназіи, поступил в казанскій университет и пробыл на медицинскомъ факультетѣ два года; затѣмъ война, революція, Добропольческая армія, эвакуація, и вотъ я очутился заграницей въ Англіи. Здѣсь я узналъ, что мой двоюродный братъ живетъ въ Африкѣ, въ Трансваалѣ, въ качествѣ врача-хирурга, и пользуется тамъ извѣстностью. Мы списались и я поѣхалъ къ нему. Въ началѣ я былъ его помощникомъ въ госпиталѣ въ Кимберлеѣ, а затѣмъ это мнѣ надоѣло и я ушелъ въ степи Зулуланда, гдѣ охотился съ бурами и зулусами на крупныхъ звѣрей Африки. Въ одну изъ такихъ охотничихъ экспедицій, мы зашли далеко, въ глубину запретной терраторіи „Южно-африканского алмазного треста“, и тамъ намъ посчастливилось случайно напасть на богатую алмазную розсыпь. Само собой разумѣется, мы этимъ воспользовались и набрали себѣ порядочное количество драгоценныхъ камней. Но это намъ обошлось недешево: выдержавъ бой съ охраной, мы потеряли половину своего состава. Я уцѣлѣлъ и возвратился въ Кимберлей богатымъ человѣкомъ. Въ карманахъ моей охотничьей куртки находилось около двадцати крупныхъ и мелкихъ алмазовъ. Половину камней я подарилъ

брату, который продал их в Лондон за десять тысяч фунтов. Свои алмазы я не хотел продавать и прятал их у себя, но потом должен был положить их в сейф. Жизнь в Африке, в концѣ концов, мне надоела и я решил отправиться путешествовать. Но куда деть камни? Долго мы с братом ломали свои головы над этим вопросом, и в результате он предложил мне спрятать их в моем собственном теле, путем хирургической операции.

Конечно я согласился, и втечениe недели шесть наибольшее крупных алмазов были врезаны между мускулами моих рук и ног. В начале я чувствовал некоторую неловкость, а потом привык и теперь совершенно не ощущаю их присутствия. Их можно нашупать при надавливании. Если хочешь, можешь провбрить! — С этими словами мой собеседник зажег свой электрический фонарик, при свете которого я нашупал на его мускулистых руках как-то твердые тела, находившиеся под покровом мышц. — Как видишь, — продолжал он, — я представляю собой ходячий живой сейф, реальная ценность которого определяется в 6-7 тысяч фунтов стерлингов. По meiner надобности я могу вынуть любой камень, произведя пустячную операцию. Само собой разумеется, мой сейф секретный, и никто не знает о его существовании, кроме меня самого, брата, жены и тебя! Если-бы об этом узнали многие, жизнь моя находилась-бы под угрозой, и за мной охотились-бы, как за зверем.

Из Кимберлея, имея в кармане чеки на английские банки, я отправился путешествовать. Объехав Индию и Индокитай, я остановился в Сингапуре, где предполагал отдохнуть и осмотреться.

Как-то раз мы с приятелями зашли в бар, или попросту кафэ-шантан, туда имелась сцена. Мы заняли столик и потребовали себе сода-виски. В это время наш слух терзали всевозможные певицы и певички, исполнявшие самые пошлые циничные

номера программы, под звуки дикаго джасса. Все это в концѣ концов нам надоѣло и мы собирались уходить. Замѣтив наше намѣреніе, управляющей баром, смуглый брюнет международного типа, по-дошел к нашему столику и проговорил на чистѣйшем англійском языкѣ:

— Г. г. джентлемены! Я прошу вас не уходить! Сейчас будет самый интересный номер: красавица Діана исполнит свой танец с боа-конструктором! При этом на бронзовом лицѣ его изобразилась хищная улыбка и сверкнули из под черных усов ослѣпительно-блѣлые зубы.

Мы конечно остались. Минут через десять взвились занавѣс и, при ярком свѣтѣ краснаго рефлектора, мы увидѣли дѣйствительно эффектную картину. Посреди сцены стояла полунасвая женщина, держа в руках огромнаго удава, кольца котораго, сверкая чешуей, обвивали ея плечи, грудь и бедра. Голова змѣи находилась в рукѣ женщины на уровне с шеей. Пышные блокурые волосы ея, в видѣ мантіи, ниспадали вниз, покрывая ея фигуру. Это была красавица в полном смыслѣ слова, сложенная, как греческая богиня. Мы конечно не пожалѣли, что остались.

Весь бар притих, затаив дыханіе. Затѣм раздались оглушительныя рукоплесканія. Зрители, прия в неистовый восторг, на разных языках, выражали свои впечатлѣнія.

Когда восторги толпы стихли, начался танец. Это было что-то вакхическое, олицетворявшее древнєе поклоненіе богу любви и сладострастія. По мѣрѣ ускоренія темпа и развитія танца, гигантская змѣя сжимала свои смертельныя кольца и объятія ея угрожали жизни танцовщицы. Наконец этот кошмар окончился. Полузадушеннная могучими объятіями своего опаснаго партнера, Діана еле живая скрылась за кулисы.

Произошло нечто невероятное: экспансивная южная толпа, не будучи в состоянии сдерживать свои порывы и восторги, ринулась на сцену, с намерением освободить свою любимицу от смертельной опасности, но хладнокровие и находчивость хозяина бара предотвратили катастрофу; через несколько минут порядок был восстановлен и на сцене снова появилась Диана, но без своего страшного кавалера. Ее буквально забросали цветами и оваций не предвиделось конца.

Не ожидая ничего более интересного, мы двинулись уже к выходу. В это время я находился близко от сцены и взглянул на Диану, желая ее получше разсмотреть. Взгляды наши встретились и я почувствовал на себе силу этого взгляда. Я остановился и стал рассматриваться в ее глаза, в лицо и ее фигуру. Чем больше я смотрел на эту женщину, тем настойчивее вставал передо мной образ девушки, которую когда-то знал в России и картины недавнего прошлого воскресли в моей памяти. Я был студентом казанского университета, а она гимназисткой. Мы часто встречались у родных. Взаимная симпатия перешла в любовь, первую любовь юности. Надо ли говорить, что это длилось недолго. Война и революция разъединили нас и мы потеряли друг друга, повидимому навсегда.

Сходство этой женщины с гимназисткой Маней было до того поразительно, что я решил выяснить этот вопрос во что бы то ни стало.

Заметив мое намерение, Диана в один миг скрылась за кулисы и больше не показывалась. На мой вопрос к хозяину бара: — Где Диана? — он грубо ответил мне: — Не знаю! Да и вообще это вас не касается! Получив такой отпор, я решил изменить тактику и подкупил китайца боя, который согласился передать мою визитную карточку Диане. На карточке я написал карандашем: „Если Диана помнит Казань и желает видеть своего друга,

то не откажет прийти в парк к 10 ч. утра завтра! В ожидании этого свидания, я был сам не свой и нигде не находил себя места. Я почти не сомневался, что Диана и моя невеста Маня П. одно и тоже лицо! Скорее, я чувствовал это своим сердцем.

На следующий день, в девять с половиной, я был уже в парке и флорировал по главной аллее, в тени кокосовых и саговых пальм.

Через полчаса я увидел Диану. Она шла по аллее и, заметив меня, остановилась, нервно обманиваясь японским веером. При первом же взгляде на нее, я уже не сомневался в своем предположении. Это была Маня. Она меня также узнала сразу, еще в баре, но, в силу некоторых обстоятельств, должна была это скрыть.

Мы встретились, как старые друзья, и, сидя на скамейке, под покровом гигантского банана; передавали друг другу все, что было у нас на душах и в сердцах. Время летело быстро и мы не заметили, как наступил вечер. Надо было разставаться. Диана спешила в свой бар, для подготовки к предстоявшему представлению.

Встреча эта подтверждала избитую поговорку, что „старая любовь не ржавеет“. Но, к сожалению, на нашем пути встретились серьезные препятствия. По словам Дианы, она была связана договором с дирекцией бара и, что самое главное, сам хозяин, будучи неравнодушен к своей артистке, имел намерение на ней жениться. Очевидно предстояла борьба, исход которой всецело зависел от выдержки, хладнокровия и решительности действий. Зная нравы и обычай этих полудиких экзотических стран, я был готов ко всему и, не откладывая в долгий ящик, начал борьбу.

Переговоры с дирекцией не привели ни к чему: хозяин цинично заявил мнѣ, что Диану он никому не уступит исоветовал мнѣ не вмешиваться в это дело и даже, без всяких церемоний, намекнул, что

он не остановится перед примѣненіем оружія. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы объявить ему войну.

Зная, что малѣйшая неосторожность с моей стороны могла погубить все дѣло, я прежде всего постарался заручиться союзниками в лицѣ мелких служащих бара, китайцев-боев. Один из них взялся помочь мнѣ за извѣстную мзду и, кроме того, из личной ненависти к хозяину, мистеру Хозэ, жестокому и корыстному человѣку, уголовного типа. Мѣстная полицейская власть отнеслась к моей просьбѣ о содѣйствіи болѣе, чѣм равнодушно, что заставило меня дѣйствовать самостоительно, не надѣясь на чью-бы то ни было помощь.

Дѣло усложнилось тѣм, что Діана исчезла и я ни от кого не мог добиться свѣдѣній о ея мѣсто-пребываніи. Наконец тот-же бой Ли-Сун сообщил мнѣ, что Діану увезли на сосѣдній остров Бинтанг, лежащей в Малакском проливѣ, к югу от Сингапура.

Надо было во что-бы то ни стало наладить непосредственную связь с моей невѣстой, для чего Ли-Сун был самым подходящим персонажем. На мое предложеніе отвезти письмо Діанѣ, он сначала категорически отказался, ссылаясь на трудность выполненія и опасность предпріятія; но золото и тут сдѣлало свое дѣло: он взялся не только доставить письмо, но и получить на него отвѣт. Получив от меня задаток и письмо, он отправился на джонкѣ к упомянутому острову.

По предположеніям Ли-Сун должен был вернуться через три-четыре дня, но прошла уже недѣля, и о нем не было ни слуху, ни духу. Я считал его погибшим и все дѣло проигранным, но на десятый день он явился ко мнѣ с извѣстіем от Діаны. Он передал мнѣ коробку от сигарет, на днѣ которой рукою Мани было написано:

„Юго-западная часть остр. Бинтанг. Я в плѣну, жду освобождения. 2-го ноября 3-4 ч. ночи в бухтѣ у камня. Приходи джонкой. Твоя Маня“.—

Оказывается, Ли-Сун, пребравшись на остров, разузнал о мѣстопребываніи Діаны, под видом старика нищаго проник во двор дома, гдѣ она содержалась и улучшив момент, передал ей мое письмо. Через два дня он опять был там-же и получил от Діаны коробку сигарет.

Без всякаго сомнѣнія, Ли-Сун рисковал своей головой, но тѣм не менѣе добросовѣстно выполнил свое обязательство, за что я его наградил по царски, послѣ окончанія всего этого дѣла. Без него я не освободил-бы из плѣна свою невѣstu!

Это было 22 октября, в моем распоряженіи оставалась всего одна недѣля, втеченіи которой надо было подготовить все необходимое для освобождения плѣнницы.

Я совершенно забыл тебѣ сказать, что за все это время я подвергайся покушеніям на свою жизнь, в видѣ подсыпаемых убийц, пытавшихся проткнуть меня отравленным кинжалом. Зная это, я все время и днем и ночью был на чеку, и всѣ покушенія были неудачны. Один раз даже в номер отеля, гдѣ я жил, подбросили живую кобру и только благодаря случайности я не был укушен. За мной слѣдили неотступно, а потому вмѣсто джонки, я рѣшил воспользоваться быстроходным катером, которым управлял мой пріятель русскій шоффер.

Кромѣ меня и Ли-Суна, на катерѣ были еще двое любителей приключений, один молодой англійскій офицер и русскій эмигрант, брат шоффера. Мы были вооружены карабинами и револьверами и никакія опасности нас не страшили. Запасшись достаточным количеством патронов, провизіей, водой, бензином для мотора, электрическим прожектором и другими необходимыми предметами, в свѣт-

лую звездную ночь 30 октября мы вышли из Сингапура, держа курс на юго-восток к острову Бинтанг, гористая очертания которого вырисовывались в лазурной дали горизонта.

Погода нам благоприятствовала. Море было спокойно и легкая зыбь, идя навстречу, слегка покачивала наш катер, обдавая нас солеными брызгами. До северных берегов острова было около 75 километров, а до той бухты, куда мы должны были пристать, и въех сто.

Развивая среднюю скорость, мы, на следующий день к вечеру, достигли берега острова и, войдя в густые мангровые заросли, бросили якорь. До установленного срока оставалось еще двое суток. Это время мы использовали для разведки берегов и, спустив с катера Ли-Суна, перебрались в ту бухту, которая была указана в записке Дианы.

Место это было безлюдное, заросшее по низким берегам едва проходимыми джунглями, где водилось много обезьян, крики которых раздавались в тишине тропического леса.

В глухую ночь, в назначенный срок, мы причалили к берегу и стали ждать установленного сигнала, в виде крика серебристой цапли.

Ждать пришлось недолго. В тишине ночной мы услышали этот сигнал, и при ярком свете прожектора, на темном фоне зарослей, обрисовались две фигуры. Это была Диана в сопровождении второго Ли-Суна.

Она была одета в костюм китаянки, что облегчило ей бѣгство из плена. Так как в этом месте катер не мог пристать к берегу из-за мелководья, Дианѣ пришлось разделиться и вплавь идти к катеру. Для безопасности, в виду обилия у берегов крокодилов, мы все окружили Диану кольцом, и под нашим конвоем она благополучно доплыла до судна.

Через полчаса мы мчались уже полным ходом к Сингапуру, держа курс на север.. Но не успели мы отойти и двадцати километров от острова, как нам наперерѣз устремились двѣ джонки, очевидно поджидавшія нас всю ночь. Их намѣреніе было очевидно: онѣ шли на всѣх парусах, разсчитывая опрокинуть и потопить катер. Надо было во что-бы то ни стало избѣжать столкновенія посредством искусственных маневров. Шоффер наш был опытный, но не менѣе опытны оказались и рулевые на джонках. Столкновеніеказалось неизбѣжным. Разстояніе между нами сокращалось. Надо было предпринять что-то героическое, чтобы предотвратить гибель.

В руках у нас были зажаты карабины и мы готовы были дорого продать свою жизнь. Джонки приближались. Настал момент дѣйствовать.-Лочти одновременно грянул залп наших карабинов и затѣм мы начали осыпать джонки мѣткими пулями. Одна из джонок, потеряв рулевого, круто повернула в сторону и, захлестнутая волной, легла на бок, погрузив свои мачты с парусами в воду. Этим моментом воспользовался наш шоффер и вывел катер из вилки, образованной джонками. Развив максимальную скорость, мы неслись по волнам, едва касаясь их бортами, с поднятым к верху носом. Вскорѣ опасность миновала и джонки остались позади. В ту-же ночь мы прибыли в Сингапур и, не заѣзжая в отель, устроились на пароходѣ, отправлявшемся в Шанхай. В благодарность за самоотверженную службу и преданность, я подарил Ли-Суну один из мелких алмазов, который был им продан за 300 фунтов. Дальнѣйшее не представляет особаго интереса. В Шанхаѣ мы повѣнчались и прожили там полгода. Теперь жена моя в Японіи, гдѣ я нанял для нея дачу на морском курортѣ близъ Нагасаки, а самъ прїѣхал в Маньчжурію, с цѣлью познакомиться с жизнью русских эмигрантов. В концѣ концов мы поселимся здѣсь, гдѣ нибудь на

лонѣ природы, до первой возможности отправиться в Россію, когда там будет свергнута совѣтская власть и возстановится нормальный государственный порядок. Теперь я с удовольствием брошу с тобой по тайгѣ и слушаю чудную музыку первобытнаго лѣса! Она напоминает мнѣ шум наших хвойных лѣсов и мои юношескія скитанія, в погонѣ за зайцами и утиными выводками. Через мѣсяц я єду в Японію за женой. Думаю, что ей здѣсь понравится, так как она такая-же любительница природы, как и я. Между прочим, я забыл тебѣ сказать, что Ли-Сун опять вернулся ко мнѣ и теперь служит у меня в качествѣ боя, являясь преданнѣйшим человѣком. Сейчас он с женою в Японіи, нянчит моего сына, которому пошел уже второй год. Как видишь, свой долг перед тобой я выполнил и раскрыл перед тобой главные этапы своей жизни...

А теперь, кажется, пора спать! Уже поздно! Спокойной ночи!" С этими словами мой собесѣдник повернулся на другой бок, носом к стѣнѣ, закрылся с головой полушибуком и вскорѣ захрапѣл.

В фанзѣ было темно, но во многія щели и трещины в стѣнах пробивался лунный свет, бросая бліки на кусочки льда, разбросанные по полу, и снѣг, набившійся из оконной рамы.

Из тайги доносились какіе-то неясные звуки, шорохи и шелест сухой листвы. Надѣв шапку и ватенки и взяв в руку винтовку, я вышел из фанзы и стал прислушиваться. В вышинѣ по прежнему шумѣли темныя вершины гигантских кедров и издалека доносился одинокій вой краснаго волка. Чудная таежная ночь медленно плыла над дремавшею землей.

РАЗСКАЗ ШОФФЕРА.

— В Восточной Африкѣ,—так начал свой рассказ мой пріятель, старый шоффер,—куда я попал случайно, волею судьбы, долго мнѣ пришлось слоняться без дѣла. Наконец, в одной из кофеен порта Мэмбас, я познакомился с агентом компанії Кука и разговорился с ним. Узнав, что я шоффер и к тому же безработный, он предложил мнѣ мѣсто на машинѣ в охотничьей экспедиції внутрь Африки. Разумѣется, я принял это предложеніе, и мы заключили контракт на четыре мѣсяца; ударили по рукам и роспили бутылку сода-виски.

Через час я уже осматривал свою машину, на которой должен был отправиться в качествѣ шоффера в дебри „Чернаго материка“.

Охотничій автомобиль компанії Кука представляет собой большую, сильнѣйшую машину, снабженную всѣм необходимым для путешествій по пустыням, горам и лѣсам Африки и для производства охот по крупному звѣрю, включительно до слона.

Экспедиція состояла из четырех легковых машин для пассажиров и четырех грузовиков. Людской состав доходил до 30 человѣк, не считая четырех охотников—спортсменов из Америки, для которых устраивалась охота.

Нас довезли до станції ж. д. Найроби, откуда мы выступили к юго-западу, в охотничьи уголья Викторія Ніанца и Танганайка. Я не буду описывать вам всю нашу дѣятельность и скитанія по

степям и пустыням Центральной Африки в течение двух с половиной месяцев, а только передам некоторые эпизоды из многочисленных охот по крупному зверю. В моей машине сидел американский джентльмен, типичный янки с головы до пят,—высокий, худой, бритый, надменный и жестокий.

Особенно запомнилась мне охота на антилоп в степи Зеренгети, где убито было невероятное количество зверя.

Как только яркое африканское солнце показалось на горизонте, мы выехали из лагеря в степь. Перед нами разстилалась необозримая травянистая равнина с редкими рощами. Мистер Рид, почти не отрываясь, смотрел в бинокль на горизонт, подернутый утренней мглою.

— Стоп! — услышал я короткое приказание охотника.

Остановив машину, я взглянул вперед, но кроме белесоватого тумана ничего не мог разобрать.

— Антилопы и зебры! — произнес опять охотник и прибавил, указывая направление: — Вперед! Тихий ход!

Машина тихо поползла по траве, как кошка. Сухие стебли шуршали по кузову и глухо потрескивали сучья под упругими шинами.

Стройные мимозы все боле и боле выплывали из сего тумана и вскоре я увидел на желто-зеленом фоне равнины белые силуэты антилоп и полосатые фигуры зебр. Их было очень много, вероятно несколько тысяч, так как весь горизонт был от массы животных.

Они замечали нашу машину, безшумно подползшую к ним, и очевидно были в недоумении. Головы их, с настороженными ушами, были обращены на нас. Они стояли неподвижно, как изваяния, не предполагая никакой опасности. Надо полагать, что машину они принимали за какого нибудь

звѣря. Разстояніе между нами сокращалось, и, по мѣрѣ нашего приближенія, между ними началось смятеніе.

Когда мы подошли к ним вплотную, т. е. шагов на сто, только тогда они поняли опасность и обратились в бѣгство; но было уже поздно: заработал ружье - автомат в руках охотника, затрещали сухіе выстрѣлы и животныя, пораженные на смерть, или раненые, падали одно за другим, устилая равнину мертвыми тѣлами.

Мы метались по степи, от одной группы животных к другой, и разстрѣливали их в упор, давя раненых и нагоняя убѣгавших.

В воздухѣ стоял сплошной гул от тѣлota копыт по сухому грунту, который сливался с трескотней автомата.

Через минут десять от стада не осталось и слѣда, оно унеслось быстрѣе вѣтра в глубину степи.

— Полный ход! — слышу я над своим ухом окрик охотника, и машина, рванувшись вперед, как бѣшеный звѣрь несется вслѣд за убѣгающими стадами. Им не уйти от быстроходной машины, и вскорѣ мы догнали скачущих животных и врѣзались в самую их чашу. Снова затрещал автомат и началась новая бойня беззащитных прекрасных звѣрей.

Это был какой-то кошмар! Я дѣйствовал, как во снѣ, управляя машиной, почти не отдавая себѣ отчета во всем происходящем.

Таким образом, мы еще нѣсколько раз догоняли антилоп их избивали и десятками.

Наконец, мистеру Риду это надоѣло и он дал отбой. Мы остановились, а стадо понеслось дальше, ища спасенія в бѣгствѣ.

За нами слѣдовал грузовик, подбирал убитых и пристрѣливал раненых. Мы двинулись назад, к

лагерю. Мистер Рид был очень доволен результатами охоты и потирал руки. Через два часа возвратился грузовик, наполненный дичью. При подсчетѣ оказалось—186 антилоп и 32 зебры! Остальные охотники имѣли также успѣхи. И эту бойню почтенные джентльмены называли охотой!

Но не всегда эти охоты кончались благополучно. Я помню случай, когда раненый лев умертвил шоффера и едва не расгирзкал самого охотника. Разведчики-негры сообщили, что километрах в десяти в кустарниковом лѣсу залегли львы, в количествѣ пяти штук. Из лагеря двинулись туда два автомобиля. Я был на одном из них с мистером Ридом.

На опушкѣ лѣса нас ожидала группа негров, вооруженных кольями и щитами. По их словам, львы залегли в самом центрѣ лѣса, в зарослях рѣчной уремы. Рѣшено было двигаться к центру с двух противоположных сторон.

В началѣ кустарник был рѣдкій и машина шла свободно, но затѣм пришлось неграм прочищать путь, вырубая деревья и кустарник.

Очевидно этот шум потревожил хищников и они снялись с места, с цѣлью выйти из лѣса, но очутились в кольцѣ негров, прочищавших дорогу.

Видя безвыходность положенія, звѣри пошли на пролом и бросились на беззащитных негров, среди которых оказалось два убитых и четверо раненых. В это время машины подходили уже к центру и львы, держась в группѣ, окружили один из автомобилей, в котором находился известный спортсмен Африки, мистер Броун, который открыл стрѣльбу по хищникам.

Два молодых льва было убито наповал и ранена львица, но старый лев в это время бросился сзади на автомобиль, ударом лапы сбил мистера Броуна, а затѣм, насыв на шоффера, перекусил ему шейные позвонки. Здѣсь надо удивляться храброс-

ти негров! Видя, что старый лев расправляется с несчастным шоффером, они бросились к машинѣ и ударами своих копій закололи хищника.

Другой лев вышел на нашу машину. Я увидѣл его только тогда, когда он прилег, готовясь к прыжку и, признаться, струсил, так как взоры звѣря были обращены на меня. Я намѣревался уже пригнуться к сидѣнью, чтобы предотвратить первый удар страшного хищника, но в это время раздался над моим ухом выстрѣл и лев, полу́чив смертельную пулю в голову, свалился на бок и вскорѣ затих.

Так окончилась наша охота на львов. Мистер Броун отдѣлался сравнительно легко: у него была вывихнута лопатка и сорвана кожа с лѣваго плеча. Его шоффер поплатился жизнью. Это был мой товарищ по африканским скитаньям, русскій эмигрант, И. П. Костров, 25 лѣт. Он служил раньше в Бѣлої Арміи на югѣ Россіи и вмѣстѣ со мной был эвакуирован в Египет. Жаль парня! Славный был человѣк. В Александріи у него осталась жена и малолѣтній сын, которых он содержал, высылая туда почти все свое жалованье.

Надо отдать справедливость американским джентльменам! Они, по возвращеніи в Найроби, выслали вдовѣ 4 тысячи американских долларов, сверх жалованья, и предложили ей обеспеченную службу в Америкѣ.

На другой день послѣ охоты, мы похоронили бѣднаго Кострова в степи, на высоком берегу рѣчки Уджиджи, впадающей в Танганайку. Над ним поставили большой и тяжелый камень, чтобы кости его не потревожили гіены и шакалы. Когда опускали его в могилу, военный салют из 12 ружей огласил африканскую степь, нарушив дѣвственную тишину пустыни. Мнѣ, как единственному русскому православному, пришлось прочесть над ним отходную молитву.

С грустью разставался я с этой одинокою монгилой в дебрях далекой Африки.

Помню еще один интересный случай, когда на мою машину бросился раненый носорог и едва не опрокинул ее.

Это было уже под конец экспедиции, когда мы возвращались назад к станции Найроби. Моя машина шла впереди колонны. Вдалеке не видны были одиночные силуэты антилоп — гну, но они нас не интересовали и мы продолжали путь по компасу, направляясь к северо-востоку.

Мистер Рид изрѣдка смотрѣл в бинокль и дымил своей неизмѣнной сигарой. Вечерѣло. Солнце спускалось к горизонту, бросая на степь красноватые косые лучи. Замѣтив невдалекѣ группы мимоз и кустарник, мы направились туда, с цѣлью устроить там ночевку.

Подходя к этому мѣсту, мы замѣтили среди кустов двух пасущихся носорогов. Они были увлечены Ѣдой и не замѣтили нашего приближенія.

Мистер Рид первый их обнаружил и, выскочив из машины, стал подходить к ближайшему звѣрю. Тот насторожился и поднял голову, вооруженную длинным кривым рогом. Раздался выстрѣл и послѣ того я почувствовал страшный удар в бок машины, отчего она приподнялась, покачнулась и откатилась назад. Тогда только я сообразил, что раненый носорог бросился на охотника, который отскочил в сторону; по инерціи грузный звѣрь налетѣл на машину и ударил в нее с такою силой, что вдавил ея бок и смял кузов. К счастью, вторая пуля одного из охотников положила чудовище на мѣстѣ, а чтобы оно надѣлало нам не мало бѣд. Весь слѣдующій день прошел в починкѣ машины и в препарированіи черепа и шкуры носорога.

Через три дня мы были уже в Найроби и, погрузив в поѣзд свои машины и многочисленны

трофеи, в видѣ черепов, шкур и рогов африканских звѣрей, отправились в Момбас, гдѣ нас ожидал уже океанскій пароход, совершающій рейсы между Марселем и Африкой.

Получив разсчет от фирмы Кука в американской валютѣ, я распрошался с Африкой и направил свой путь в другую сказочную страну — Индію.

Припоминая наши странствованія по степям Африки и охотничьи экспедиціи европейцев, обставленные со всей роскошью и комфортом современной техники и науки, я невольно дѣлаю сравненіе с охотою наших промышленников, стрѣляющих уссурійских и маньчжурских тигров из немудреной „берданы“, или в лучшем случаѣ из казенной трехлинейки. Эти люди идут в одиночку в самыя дебри тайги, выслѣдывают хищника и бьют его так-же спокойно, как всякаго другого звѣря, ни- сколько не сомнѣваясь в вѣрности своего выстрѣла и не задумываясь о смертельной опасности такой охоты.

В Туркестанѣ, Приморье и в Маньчжуріи есть не мало смѣльчаков - охотников, ставших профессионалами такой охоты и убивших на своем вѣку нѣсколько десятков тигров! В Индіи на этого звѣря охотятся со слонами, при участіи сотни загонщиков — шикари, причем стрѣлок, сидя на спинѣ слона, бьет загнанного тигра, без всякаго для себя риска. Может быть мнѣ возразят, что в этом и заключается культурная охота, как спорт и развлеченье, но я смотрю на это дѣло иначе и мнѣ кажется, что в этой охотѣ сказывается характер народа и его национальные особенности. В охотѣ на медвѣдя и на тигра русскій охотник, помимо выгоды материальной, проявляет свою удаль, молодечество и страсть натуры. А уссурійскіе тигроловы, берущіе звѣря голыми руками, без всяких хитрых приспособленій и уловок, развѣ это не „чудо-богатыри“

народных сказок, одолѣвающіе „змѣя-горыныча“ и „соловья-разбойника“!

Нѣт, господа европейскіе и американскіе спортсмены, вам далеко до этих, сѣрых на вид, богатырей духа! Вы не пойдете на медвѣдя с рогатиной и на страшнаго уссурійскаго тигра с „берданой“! Вы стрѣляете тигров и львов, не ставя на карту свою драгоценную жизнь и не подвергая опасности свою особу! Психология у вас совсѣм другая и вам непонятны тѣ стимулы и тѣ побужденія, которыя заставляют русскаго человѣка вступать в единоборство с медвѣдем и тигром!

Про людей слабых духом наши russаки говорят, что у них „тонка жила“. Так вот, господа джентльмены, оказывается, что у вас эта самая „жила тонка и тут ничего уж не подѣлаешь!“ —

Этими словами мой пріятель шоффер закончил свое повѣствованіе.

СУДЬБА.

Можно вѣрить или не вѣрить в судьбу, или предопредѣленіе, но я хочу разсказать вам случай из своих наблюдений, который невольно наводит на размышенія.

У меня был знакомый охотник-звѣробой, Степан Желѣзняков, промышлявшій в районѣ станціи Мулин. Окончив службу в Охранной стражѣ К. В. ж. д. и выйдя в запас, он остался в Маньчжуріи, обзавелся кое-каким хозяйством и занялся промысловою охотой, что давало ему возможность жить припѣвающи с женой и двумя ребятами.

В физическом и духовном отношеніи это был один из тѣх крѣпких людей, которые сами куют свою жизнь, создавая свое гнѣздо собственными руками, без посторонней помощи и участія.

Будучи отличным стрѣлком и неутомимым лѣсным бродягой, он легко добывал крупнаго звѣря, вывозя его на линію дороги лошадьми, зимою на санях, а осенью волокушей.

Я познакомился с ним случайно на охотѣ, когда уставшій, в поисках ночлега, набрел на его зимовье, пріютившееся на окраинѣ дремучаго кедровника, в верховьях рѣки Мурени.

Уже стемнѣло совершенно, когда я увидѣл сквозь дубовые заросли еле мерцающій огонек, в окнѣ убогой лѣсной избушки.

На мой стук в дверь, обитую медвѣжьей шкурой, из зимовья вышел высокій, плечистый бородач, с ясными, нѣсколько суровыми, сѣрыми глазами.

— А кто тут? — проговорил он, стараясь разсмотреть меня в темнотѣ. Я назвал себя, послѣ чего он радушно пригласил меня к себѣ. Пропустив меня вперед, он плотно закрыл за собою дверь, повернув задвижку.

Вся внутренность жилища говорила о профессіи хозяина и напоминала историческія описанія становищ наших первобытных предков, в древнѣйшую эпоху пещерного медвѣдя и мамонта, но присутствіе кerosиновой лампы, жестяной посуды и огнестрѣльного оружія говорило о современности и достиженіях культуры.

Разоблачившись и сняв с себя все лишнее, так как в зимовье было жарко от пылавшей печки, я, совмѣстно с гостепріимным хозяином, принялъся за уничтоженіе вкуснаго шашлыка из кабанятины; послѣ чего мы приступили к безконечному чаепитію и засидѣлись далеко за полночь, бесѣдуя и прислушиваясь к шуму лѣса и вою красных волков, доносившемуся из глубины тайги.

— Давно уж не было здѣсь волков, вот опять пришли! — проговорил Желѣзняков, закрывая тряпкой дымоход, для отепленія зимовья. — Должно быть пришли и тигры, так как волки всегда идут за ними, в надеждѣ поживиться остатками их добычи. Теперь, значит, моя охота пропала, надо уходить отсюда! — Сказав это, звѣробой улегся на свою таежную постель из медвѣжьих шкур и собирался уже спать, но я помѣшил ему, так как мнѣ хотѣлось узнать, почему охота его пропала и он должен уходить, когда самая цѣнная дичь-тигры-появились в его районѣ.

— Я вас не понимаю! — сказал я ему, прикручивая по его просьбѣ лампу: — Почему вам надо уходить, когда можно добыть цѣннаго тигра?

Помолчав немного и укрыв меня мѣховым одѣялом, он отвѣчал:

— Дѣло в том, что тигров я не стрѣляю, послѣ того, как со мной случился один казус. Как-то раз охѣтился я около Мулина на фазанов. Взяв десятка полтора, я собрался уже возвращаться домой. Только взвалил их себѣ на спину, как услышал треск валежника в чащѣ и оттуда вышел прямо на меня тигр. Я обалдѣл и стоял, как истукан. Он тоже видно не ожидал и, остановившись, смотрѣл на меня своими круглыми желтыми глазами. Опомнившись, я понял весь ужас своего положенія: я был безоружен, т. к. ружье висѣло на деревѣ, рядом с тигром! Смотря в упор на хищника, я начал отступать, пятясь назад и стараясь прятаться за деревья. Тигр слѣдовал за мной в двадцати шагах, почему-то не рѣшаясь на меня броситься.

Так прошел я шагов сто или двѣсти, не помню. Тогда только я почувствовал, что фазаны давят мое плечо и мѣшают идти! Я их сбросил на землю и спрятался за ствол старого дуба. Тигр все время шел за мной по пятам и наткнулся на брошенных мною фазанов. Пошевелив их лапой, он схватил одного фазана в пасть и начал его жрать.

Замѣтив, что он остановился, я прибавил шагу и, в концѣ концов, пустился бѣжать, сначала скрываясь за деревьями, а потом во весь дух, нигдѣ не задерживаясь до самой станціи. Тигр меня больше не преслѣдовал.

Это было утром. Послѣ обѣда, взяв с собой собак, с двумя другими охотниками, я отправился туда опять, чтобы выручить ружье, которое мы нашли на том же мѣстѣ. От фазанов остались только крылья и хвосты, все остальное было съѣдено тигром, но его самого и слѣд простыл. Тогда только я понял, что мою жизнь спасли фазаны. С тѣх пор я не могу стрѣлять в тигра! Как вспомню его взгляд, — мороз продирает по кожѣ, руки и ноги слабѣют, сердце падает! Послѣ того я много бил всячаго звѣря, одних медвѣдей почитай до сорока,

а вот тигра ни одного, хотя и мог бы взять их не мене́е десятка! Тут уж ничего не подълаешь: видно так мнѣ на роду написано! Товарищи смеются надо мной, называют трусом! Но я не трус, не даром-же имѣю солдатского Егорія за храбрость!" — Сказав это, звѣробой умолк и занялся раскуриваніем трубки, отчего бородатое лицо его озарялось красноватым свѣтом.

Вскорѣ я заснул, завернувшись с головой в мѣховое одѣяло, и засыпая слышал, как шумѣл дремучій кедровник и плакали в далеких падах красные волки.

На слѣдующій день мы занялись вывозкой битых звѣрей на станцію Мулин, а вечером, распрошавшись с новым своим знакомым, я уѣхал к себѣ домой на ст. Ханъдаохэцы.

Через два года, проѣздом через станцію Мулин, я вспомнил о звѣробоѣ Желѣзняковѣ и спросил о нем у одного из мѣстных аборигенов.

— Степан Желѣзняков? — отвѣтил мнѣ мулинскій обыватель — Да он пропал без вѣсти вот почитай уже год тому назад!

— Как-же это случилось? Вѣдь он был дѣльным и серьезным промышленником! Если время у вас имѣется, разскажите, я с удовольствіем послушаю! — Задал я вопрос своему собесѣднику.

— Отчего-же, могу! Время у нас не покупное! — отвѣчал мулинец, усаживаясь рядом со мной на шпалы, сложенные для ремонта пути у восточного семафара.. — В прошлом году, как-раз перед Святками он уѣхал в тайгу на промысел и взял с собой собак. Кѣмпаньонов он не любил, всегда промышлял один. Обѣщал вернуться к Новому Году, да видно уж так ему суждено. Не вернулся до сих пор. Кони и собаки вернулись домой сами; тогда жена, взяв с собой трех знакомых охотников, побѣхала в

тайгу, искать мужа, да так и не нашла! Как в воду канул! Пропала с ним и винтовка.

Обыскали они всю тайгу, верст на двадцать в окружности, но не нашли ничего. Так и порѣшили,— либо хунхузы его угробили, либо напоролся он на тигра! Только послѣднее вѣрнѣе, так как из собак вернулись только двѣ, а двѣ пропали, должно-быть тоже тигра задрала. Тайга велика, — гдѣ уж там найти человѣка! Все равно, что иголку в стогѣ сѣна! А жаль его! Хорошій был человѣк! Царство ему небесное! Жена осталась молодая. Сначала бѣдная маялась одна с дѣтьми, а потом вышла замуж! Что-ж, ничего не подѣлаешь: видно уж такая его судьба. — Сказав это, мой собесѣдник распрошался со мной и пошел своей дорогой.

Я остался один и долго еще сидѣл на шпалах, любуясь красавицей Муренью, катящей свои чистыя прозрачныя воды по каменистому руслу.

НОЧЬ У КОСТРА.

Дѣвственная, первобытная природа, оказывая на культурного человѣка живительное благотворное вліяніе, влечет его к себѣ неудержимо, несмотря на всевозможные препятствія и рогатки, стоящія на этом пути между человѣком и его матерью - природой.

Задыхаясь в прямом и переносном смыслѣ, в культурных условиях жизни большого города, он ищет воздуха и свѣта и, как рыба выброшенная из воды, жадно раскрывает рот, хватая воздух, насыщенный пылью, міазмами и всевозможными отбросами современного города.

Но многие горожане, оторванные от природы и изуродованные культурной городской жизнью, попадая в лоно этой природы, не только чувствуют полную свою беспомощность и несостоительность, но нерѣдко ставят себя в огнечайное безвыходное положеніе и даже погибают, не будучи подготовлены к диким примитивным условіям борьбы за существованіе.

Здѣсь я описываю характерный случай общенія с природой человѣка высококультурного, но „глупаго“ и „неразвитого“ с точки зрењія „закона тайги“.

Как раз под Рождество, прїѣхал ко мнѣ из Варшавы, один из богатѣйших польских магнатов, граф П., с цѣлью поохотиться на крупнаго звѣря. Я жил тогда в самом центрѣ лѣсов Шухая, на станціи Шитоухецы и располагал всѣми средства-

ми и возможностями, для производства охот в каком угодно масштабѣ.

Граф П. привез с собой из Польши опытного и преданного слугу-лакея, на руках которого находилось все имущество магната, как-то: одежда, бѣлье, обувь, снаряжение, оружіе и даже деньги. Это был типичный лепорелло, или Санчо Панчо из Дон-Кихота, по своей наружности.

Внѣшность графа также была типична, как и его слуги. Высокого роста, стройный блондин, с породистым лицом польского дворянина, он производил прекрасное впечатлѣніе, не только своей импонирующей внѣшностью, но также своими изысканными манерами, воспитаніем, характером и деликатностью.

По телеграммѣ, я его встрѣтил на вокзалѣ и мы представились друг другу. Узнав, что я живу один в большой казенной квартирѣ, он согласился поселиться у меня. В его распоряженіи были двѣ комнаты, гдѣ он расположился со всѣми вещами и со своим „лепорелло“, как он его называл сам. Приняв с дороги ванну и надѣв свой мягкий шелковый халат, причесанный, побритый и надушенный, он вышел ко мнѣ в столовую, гдѣ я ожидал его с ужином. Удовлетворив свой голод, мы перешли в кабинет, гдѣ мой гость мог любоваться трофеями моих охот, в видѣ шкур и голов звѣрей и чучел птиц, висѣвших на стѣнах всей моей квартиры. Больше всего конечно понравился графу мой тигр, гигантская шкура которого висѣла над письменным столом и голова, с раскрытым пастью и оскаленными огромными клыками, как живая, смотрѣла из угла, сверкая желтыми стеклянными глазами.

Долго с любопытством разматривал эту голову европейскій гость и, гладя ея широкій лоб, произнес, пыхтя дорогою гаванскою сигарой:

— Вот такой трофеи я с удовольствием повез-
бы с собой в Варшаву! Наши Немвроды, даже
побывавшие, как и я, в Африкѣ, лопнули-бы от за-
висти и с досады! А между тѣм у нас имѣются и
львиныя шкуры, вывезенные из Абиссиніи!

— Так в чём-же дѣло, граф! - отвѣчал я своему
знатному гостю: - От вас зависит пріобрѣсти такой
трофеи в нашей тайгѣ! Если желаете, послѣ завтра
мы с вами отправимся на „полеванье“? Теперь
как раз сезон звѣровой охоты и я увѣрен, что вы
будете имѣть успѣх!

— Я с большим удовольствием! - поспѣшил он
с отвѣтом — Но я еще не посвящен во всѣ детали
охоты в тайгѣ и желал - бы знать, какіе способы
практикуются у вас и в чём состоит охота „скра-
дом.“

Когда-же он узнал, что придётся идти пѣшком
и, дѣляя по 20 - 30 верст в сутки, нести на себѣ
продукты и оружіе, ночевать на снѣгу под откры-
тым небом и стрѣлять звѣря в упор, нерѣдко один
на один, он видимо пріуныл и увлеченіе его по-
остыло. Он задумался и, пуская клубы ароматного
дыма кольцами, должно быть рѣшал кардинальный
для него вопрос: согласиться-ли на мое предложе-
ніе, или нѣт? Я понимал его психику и не мѣшал
ему думать.

Послѣ нѣскольких минут раздумья, он положил
свою недокуренную сигару на пепельницу и, смотря
на меня своими свѣтлыми голубыми глазами,
заговорил.

— Признаться, я не ожидал ничего подобнаго
и думал, что здѣсь охотятся также, как во всѣх
странах, т. е. с гончими, облавой, загоном, или,
как в Индіи, с сѣтями и охотниками - шикари, кото-
рые выгоняют звѣря на стрѣлков! Но раз я сюда
пріѣхал из Европы, то не возвращаться - же мнѣ
обратно за 8 тысяч верст, не солено хлѣбавши и
с пустыми руками! Я принимаю Ваше предложеніе

и готов идти с вами не только на тигра, но и на самого черта! Я хочу испытать эту таежную охоту скрадом! Кромѣ того, что скажут мои коллеги в Варшавѣ, если я пріѣду отсюда „попом“?! Вѣдь это будет позор для меня и для всего нашего рода!

Через день мы с графом П. чуть свѣт выѣхали на концессію по вѣткѣ, которая углублялась в тайгу на 35 верст. Отсюда из тупика мы вышли ясным морозным утром по лѣсовозной дорогѣ, подымаясь на перевал Лянзалин.

Картины дремучаго темнаго кедровника, открывавшіяся перед нами, поразили своим величием и красотой даже такого бывалаго, видавшаго всяkie виды, путешественника, каким был магнат П.

— Да, так вот она ваша маньчжурская тайга! говорил, шагавшій за мною мой гость. — Теперь я вижу, что вы правы, воспѣвавае ее в своих поэтических рассказах и очерках! Я много путешествовал и видѣл прекрасныя страны во всѣх частях свѣта, но здѣсь этот первобытный лѣс производит особенное впечатлѣніе! Колossalные кедры и лиственницы, обвитые виноградом и ліанами, так и просятся на картину! Жаль, что здѣсь не побывал Шишкин и Клевер, для них здѣсь неисчерпаемый источник сюжетов! А вот эти гранитныя скалы с кедрами и елями, развѣ онѣ не заслуживают кисти художника! Так разсуждая и высказывая свои восторги, слѣдовал за мной мой спутник, постоянно спотыкаясь на скрытые в снѣгу камни и стволы деревьев.

Все обстояло благополучно, пока мы двигались по тропѣ, но когда свернули в сторону и пошли по слѣдам изюбра, перескочившаго через тропу, дѣло приняло скверный оборот. Мой компаньон подвигался медленно, часто останавливался, обливался потом, не смотря на сильный мороз и, в концѣ концов, объявил, что дальше идти не может.

Что с ним было дѣлать? Возвращаться назад на вѣтку не было смысла, т. к. мы прошли уже верст десять! Надо было идти вперед и, перевалив через хребет, спуститься в падь, гдѣ устроен был лѣтник, в котором можно было передохнуть и подкрепиться.

Только под вечер добрались мы до лѣтника. Солнце стояло низко и ночь приближалась. Надо было позаботиться о ночлегѣ.

Мой спутник стоически переносил страданія и только добродушно улыбаясь, говорил: „Ничего, ничего, не беспокойтесь! Так мнѣ и надо! Не зная броду — не суйся в воду! Все-же я доволен! Я был в дикой тайгѣ и испытал охоту „скрадом.“ Это не всякому европейскому спортсмену доступно!“

Заготовив дров и устроив у костра постели из еловых вѣток, я пригласил, упавшаго духом, графа прилечь и ни о чем не думать, кроме отдыха. Тѣм временем неступила ночь и тайга покрылась непроницаемым мраком. Сидя у весело трещавшаго костра и попивая горячій чай с ромом, злополучный охотник как будто оживился и воспрял духом. Он шутил и смеялся над собой, вспоминая свою комичную фигуру, нагруженную мѣшком, в борьбѣ с сугробами снѣга, буреломом и зарослями тайги.

Крик филина в глубинѣ ущелья его заставил насторожиться.

— Это что такое?! — проговорил он, хватаясь за свой великолѣпный штуцер - экспресс и вперив испуганный взор в темноту.

— Не беспокойтесь! — отвѣтил я — Это филин! Здѣсь нам ничто и никто не угрожает! Лучше прилягте и засните, а я буду сторожить вас до полуночи, а затѣм вы меня смѣните, а я лягу отдохнуть, так и скроатем ночь, а утром пойдем к западу и к вечеру достигнем 30-й версты вѣтки Ковальского, гдѣ поѣздом вернемся домой на станцію.

Он, послушаясь моего совѣта, улегся на мягкую таежную постель и вскорѣ заснул, как убитый?

Сидя у костра и поддерживая в нем огонь, я также прилег по другую его сторону и прислушивался к музыкѣ лѣса и к шуму тайги, не смотря на полное безвѣтріе и полную тишину, царящую под ея сводами.

В полночь мнѣ жалко было будить сладко спавшаго графа и я дал ему возможность поспать еще около часу.

Разбуженный мною, он вскочил, как шальной и снова схватился за ружье, с вопросом: „Что случилось?“

— Ничего, ничего! — успокоил я его — Теперь очередь ваша сторожить, а я прилягу. Не забывайте поддерживать костер. Слушайте внимательно вокруг себя и при подозрительных звуках разбудите меня немедленно. От скуки можете пить чай, но ни в коем случаѣ не засните, т. к. вы не в Европѣ, а в Азии и притом в дремучей тайгѣ!

Дав ему еще нѣсколько полезных практических указаний, я улегся на еловой постели и незамѣтно задремал.

Сколько времени я спал, не знаю, но среди ночи меня разбудил граф П., усиленно тряся за плечо:

— Вставайте скорѣе! — взволнованно шептал он, держа в руках свой штуцер: — В лѣсу кто - то ходит, слышен шум и голоса! Я давно уже прислушиваюсь к этим звукам и в концѣ концов рѣшил разбудить вас! Я встал и протер глаза. Было холодно. Костер еле мерцал в темнотѣ. Я также стал прислушиваться, но ничего особенного не замѣчал. Тайга все так-же шумѣла и гдѣ-то вдалекѣ выли красные волки. В горном ручьѣ подо - льдом журчала вода и от мороза трескались деревья, как отдаленные выстрѣлы,

— Успокойтесь, граф! — заявил я своему, неопытному в таежных дѣлах, компаньону: Это тайга шумит и плачет от голода волки! А вот костер наш потухает! Скорѣе подкладывайте дров, иначе мы замерзнем! С этими словами я начал бросать на тлѣвшіе угли сухіе сучья и вѣтки елей, отчего яркое пламя вспыхнуло над костром и снопы искр понеслись вверх, постепенно погасая в темных нѣдрах великанов кедров.

— А я уж думал Бог знает что! — проговорил сконфуженно мой спутник, доставая из портсигара сигару. — Мне казалось, что нас со всѣх сторон окружают враги, готовя нам гибель! Нѣт, видно я никогда не привыкну к вашей тайгѣ и из меня не выйдет ничего хорошаго! Я никогда не сдѣлаюсь звѣробоем! Для этого надо имѣть особые нервы, особую психику и исключительную натуру! Большинство интеллигентіи, как и я грѣшный, выродилось и никуда не годится! Ложитесь спать! Я буду караулить, но беспокоить вас больше не буду! Сказав это, граф П. закурил сигару и сѣл на обрубок дерева возлѣ ярко пылавшаго костра.

Я снова улегся на свое мягкое душистое ложе и заснул, как младенец.

До разсвѣта было еще далеко. Засыпая, я слышал глубокіе вздохи и нервное покашливанье своего знатнаго гостя.

Не смотря на обѣщаніе, он все-же не раз меня будил щелканьем взводимых курков штуцера и разговором с самим собой.

— Посмотрите! — указывал он в темноту дрожащею рукою — Там что то свѣтится, как будто пара глаз! То показываются, то исчезают! Не тигры ли? Мне кажется, что я слышал их ворчанье!

Всматриваясь в глубину черных зарослей, я также замѣтил вдалекѣ пару круглых свѣтящихся глаз. Когда они смотрѣли на нас, в них отражался огонь нашего костра, когда-же они поворачивались

в сторону, то потухали. Судя по всему, их было три пары, одна пара огромные, как фонари, другие поменьше. Я знал, что это не волки, но и не был уверен, что это тигры; но, когда до слуха моего достигло глухое мурлыканье и сдержанное рыканье звёрей, сомнения мои исчезли. Это были тигры, по всей вероятности тигрица с тигрятами. Они ходили вокруг нашего становища на почтительном расстоянии. Намерения их были неизвестны, но во всяком случае следовало принять все меры предосторожности.

— Знаете, граф, — объявил я своему коллеге, подкладывая в костер дрова: — Вы совершенно правы: нас окружают тигры и их сдерживает только огонь костра! Теперь необходимо его поддерживать и следить за всеми движениями звёрей! Напасть на нас они не решатся, но надо быть на чеку и от костра, далеко не отходить! Быда в том, что у нас не хватит на всю ночь дров! Если они вскоре не уйдут, придется нам идти за дровами подальше, а это очень рисковано! Ну, будь, что будет! С этими словами я взял горящую головешку из костра и с топориком в руке отправился за дровами. Граф следил за мной, держа в левой руке головешку, а в правой штуцер с взвешенными куруками.

Воткнув головешку в снег и быстро действуя топором, я рубил сухостой, стараясь не смотреть в чащу леса, где, то появляясь, то исчезая, сверкали глаза хищников. Мой спутник стоял возле меня и, махая во все стороны своим горящим факелом, посыпал нелестные эпитеты осаждавшим нас зверям на польском языке, причем чаще всего я слышал любимое польское ругательство „Пся крев“.

Чтобы иметь побольше запас, мы три раза совершили экскурсию за топливом, причем каждый раз хищники отходили подальше и выражали свой гнев недовольным ворчанием.

. Под утро они ушли и голоса их слышались уже далеко за перевалом, а вскорѣ и совсѣм смолкли.

Когда разсвѣло и ночные тѣни в тайгѣ исчезли, мы пошли по слѣдам звѣрей, удалявшихся в каменные розыпи главного хребта, гдѣ выслѣдить их было чрезвычайно трудно, из-за массы бурелома, сугробов снѣга и непроходимых зарослей.

Мы бросили этот слѣд и к вечеру вышли на 30 версту концессіи, откуда с груженым поѣздом возвратились к себѣ на станцію.

Послѣ этого первого опыта, граф П. охотился у меня еще с мѣсяц и, взяв кое какіе трофеи из шкур и черепов звѣрей, уѣхал во Владивосток, а оттуда в Индію, гдѣ предполагал поохотиться на тигров с комфортом, т. е. при участіи слонов и сотень загонщиков — шикари. Он не хотѣл возвращаться в Варшаву без тигровой шкуры, которую обѣщал своей невѣстѣ.

— Ваши маньчжурскіе тигры-то „псы крев!“ — говорил он, прощаюсь со мною и крѣпко пожимая руку; — Их никак нельзя взять, кроме как „Скрадом!“ А чуть зазѣваешься-и сам попадешь к ним на завтрак! Нѣт, я не охотник до ваших тигров! Слуга покорный! То „псы крев!“

— Я далек от мысли обвинить графа П. в трусости! Он истый спортсмен, смѣлый и отважный охотник, но человѣк „высшей культуры“, избалованный и изнѣженный, т. е. совершенно непригодный для жизни в тайгѣ, с ея первобытными законами.

ХУНХУЗЫ.

Глухая ночь. По едва замѣтной звѣровой тропѣ пробираются два охотника. Темный дремучій кедровник шумит. Стонут вершины могучих великанов. Холодный сѣверный вѣтер качает ими, с ревом проносясь над землей, застывшей под леденящим его дыханіем. Старая угрюмая тайга рокочет, напѣвая свою грозную величавую пѣсню.

— Гдѣ-же фанза? — произнес один из охотников, обернувшись к своему товарищу.

— Должно быть близко! Вот пройдем немножко и за поворотом будет фанза. — Отвѣчал другой, разматривая со спичкой свѣжіе слѣды китайских ул на тропѣ.

Пошли, но фанзы все нѣт; тропа вьется по берегу горной рѣчки, то взбѣгая на крутие, обрывистые скаты, то спускаясь на лед.

Прошло около часу. Изрѣдка перекидываясь словами, шли не спѣша охотники и остановились у раздвоенія тропы.

Куда идти? Вправо или влѣво? Поговорили и условились идти по двум направленіям: один пошел влѣво, по теченію рѣки, другой вправо, по косогору сопки. За охотниками шли двѣ собаки бѣлой масти, типа гольдских лаек. Постояв в нерѣшительности на распутьї, онѣ стремглав пустились вдогонку за охотником, свернувшим влѣво. Жутко одному в темную безпросвѣтную ночь пробираться по звѣровой тропѣ в дѣвственной тайгѣ Маньчжуріи. Стараешься беззвучно ступать мягкими по-

дошвами суконных сапог, часто останавливаешься и прислушиваешься к звукам и голосам таинственных лесных дебрей. Хрустнет-ли валежник под неведомой стопой, прокричит-ли таежный звесь и птица, зашумит-ли ветер в сухой листвѣ прибрежных зарослей, внимательнѣе всматриваешься в темноту, напрягая до крайности зрѣніе и слух. Постоишь, послушаешь, затаив дыханіе, и опять шагаешь по тропѣ, перелѣзая через камни и гигантскіе стволы упавших мѣстных великанов.

Собаки идут сзади; онѣ так-же, как и человѣк, чувствуют свою беспомощность в ночной тьмѣ и чутко прислушиваются ко всему, что улавливает их изошренное ухо. Тонкое обоняніе их, реагируя на малѣйшіе запахи, предупреждает об опасности своевременно и на большом разстояніи. Их не слышно; они останавливаются вмѣстѣ с хозяином и сознательно подражают ему, понимая всѣ его дѣйствія.

Гдѣ-то вдалекѣ прокричал филин, ему отозвался другой в вершинѣ темного кедра.

Тропа, шедшая по косогору, спустилась к рѣчкѣ. Пройдя по берегу еще верст пять, охотник остановился в нерѣшительности. До фанзы было далеко; усталость валила с ног; надо было подумать о ночлегѣ.

Выбор мѣста для ночлега в морозную ночь не так прост и легок, как это кажется новичку и не-посвященному в тайны таежной жизни.

Прежде всего надо обезопасить себя от взоров и внезапного нападенія, для этого необходимо отойти от тропы на такое разстояніе, чтобы огонь костра не был замѣтен; но этого мало, надо, чтобы дым от костра не тянул на тропу, иначе по запаху гари привал будет обнаружен.

Такое мѣсто найдено в двух верстах от тропы, у таежного ключика, журчащаго среди камней под тонкою корою льда.

Найдя уютное мѣстечко под старым кедром и очистив его от снѣга, охотник разложил костер, для чего пришлось воспользоваться сухостоем и смоляными щепками упавшей лиственницы.

Вскорѣ привѣтливый огонек запыпал в чащѣ и закипѣл мѣдный котелок с ароматными пельменями.

От времени до времени охотник уходил в сторону от костра, прислушиваясь привычным ухом к музыѣ лѣса. Собаки настораживались и, отойдя в другую сторону, застывали в позах напряженного вниманія. Умныя животныя отлично уясняли себѣ обстановку, сливаясь в одно цѣлое с человѣком.

Но вот онѣ что-то начуяли и черные влажные носы их обратились в одну сторону, втягивая в себя морозный воздух. Острѣя пушистыя уши их, как радио - пріемники, уставились в одном направлениі. Вся фигура их говорила о высшей степени напряженія и переживанія впечатлѣній.

В таком положеніи онѣ находились довольно долго, пока не уяснили себѣ в точности происхожденія звуков и запахов. Тогда только онѣ отошли к костру и, стараясь обратить вниманіе хозяина, поджав хвости, с поднявшейся на загривкѣ шерстью, стали жаться поближе к ногам человѣка, как будто ища у него защиты.

По поведенію собак охотник сразу сообразил, что к становищу подошел тигр, так как всякаго другого звѣря собаки не испугались-бы.

Надо было принять необходимыя мѣры предосторожности.

Навалив в костер побольше валежнику и увеличив площадь огня, таежник на нѣкоторое время застраховал себя от нападенія хищника; но впереди была еще цѣлая ночь и заготовленных дров могло не хватить. Волей неволей пришлось отойти от костра на значительное разстояніе, для сбора сухо-

стоя и дров. В это время были ясно слышны осторожные мягкие шаги звѣра по мерзлому снѣгу и его сдержанное ворчанье, подобное клокотанью воды в бочкѣ. По временам в темнотѣ свѣтились его круглые глаза, как два фонаря, и затѣм снова быстро исчезали. Хищника привлекали главным образом собаки, которые это чувствовали инстинктивно и искали спасенія у огня, зная, что эта стихія одна может служить надежною защитой.

О снѣ уже нечего было и думать, но усталость брала своё и, лежа на мягкой подстилкѣ из еловых лап, охотник дремал, не выпуская из рук карабина. Собаки пристройлись тут-же у огня и, свернувшись колачиком, лёжали с открытыми глазами, все время поводя ушами в сторону каждого подозрительного шума.

Как только угасал огонь и надвигалась, зловѣща темнота, собаки настораживались и в беспокойстве поднимали головы, прислушиваясь к шуму лѣсных дебрей; тогда просыпался усталый охотник и подбрасывал дрова в потухавшій костер. Огонь разгорался с новою силой; пламя подымалось к темным вѣтвям старого кедра; каскады искр неслись в вышину и враждебная тьма отступала в нѣдра дремучаго лѣса.

Хищник всю ночь бродил вокруг становища, разсчитывая на оплошность человѣка и в чаяніи внезапным нападеніем добыть собак, но спасительный костер горѣл ярким пламенем, удерживая голоднаго звѣра на почтительномъ разстояніи.

Свою досаду и нетерпѣніе он выражал в сдержанномъ ворчаныи, которое иногда переходило в грозное рыканье, приводившее собак в трепет и панический ужас, онъ тогда лезли в самый огонь и шерсть га ихъ бокахъ шипѣла, обугливаясь и распространяя удушливый запахъ.

Владыка тайги предъявлял свои права, но великая стихия огня была враждебна ему, и перед ней он был безыменен.

Это был канун Нового Тода. Декабрьская ночь казалось будет бесконечна. Только перед самым рассветом, когда на востоке зажглась утренняя заря и в небесной вышине начали меркнуть звезды, хищник удалился в горные хребты, откуда, постепенно ослабевая, доносился его грозный голос. Почуяв отступление своего врага, собаки успокоились и улеглись поудобнее в снег, предварительно потоптавшись на одном месте. Теперь уши их бездействовали и были прижаты к голове, пушистые хвосты закрывали нос. Их хозяин также прикурнул у костра, и крепкий но чуткий сон овладел всем становищем.

Костер потухал, еле мерцая в сумерках наступившего дня.

Солнце довольно высоко поднялось над лесом, когда бивак зашевелился и охотник, напившись чаю и покормив собак мерзлым мясом, собрался в дальнейший путь. Осмотрев следы хищника, бродившего вокруг становища, он направился в сторону от тропы на перевал, предполагая выйти напрямик к фанзе, где должен был заночевать его товарищ.

Подъем на перевал был очень крут и усыпан каменными розсыпями. Только к полудню охотник достиг седловины хребта, где по самому гребню извивалась среди каменных глыб и зарослей аралии битая тропа, с ясными следами зверей.

Это была, так называемая, „звериная тропа“, по которой таежный зверь совершает передвижение, избегая глубоких падей, где снег лежит глубокими сугробами.

Здесь собаки насторожились и, почуяв подозрительные запахи, втягивали воздух влажными носами. Постояв на месте и деля свое заключение

об источниках этих запахов, онъ стремглав понеслись по тропъ и исчезли в зарослях аралій. Охотник, выйдя на тропу, остановился в ожиданіи результатов развѣдки своих четвероногих помощников.

Ждать пришлось недолго. Вскорѣ послышался дружный лай собак, и охотник, взяв на изготовку карабин, поспѣдовал за ними.

Какого-же было его удивленіе, когда он, выйдя на гребень сѣдловины, увидѣл своего товарища, привязанного к дереву! Собаки прыгали вокруг него и, выражая свою радость, лаяли, стараясь лизнуть его в лицо.

Когда связанный был освобожден, тогда только он пришел в себя и к нему возвратилась способность рѣчи.

Вот что рассказал он, когда пріятели, послѣ радостной встречи, сидѣли у костра в глубинѣ пади и, „баловались“ чайком с сухарями.

— Послѣ того, как мы разошлись, — говорил он: я направился вправо по тропѣ, которая, перевалив через высокій хребет, спускалась в глубокое ущелье. Я знал, что фанза близко и шел уверенно вперед. И, дѣйствительно, через полчаса показался в темнотѣ огонек. Переходя через ручей, я стал подниматься на крутой берег к фанзѣ. Мои шаги были услышаны и из фанзы, мнѣ навстрѣчу вышло человѣк пять китайцев, с винтовками в руках. Это были хунхузы. Отнявъ от меня карабин и нож, висѣвшій на поясѣ под польшубком, они втолкнули меня в фанзу, гдѣ на канах сидѣло еще человѣк десять полуоголых китайцев. Я понял тогда, что попался в лапы „Коряваго“, самаго жестокаго и дикаго предводителя хунхузских шаек.

Корявый лежал на канах и курил опіум. Его желтое скуластое лицо, изрытое оспой, имѣло звѣрское выраженіе и не предвѣщало ничего хорошаго.

Увидѣв меня, он перестал курить и, смѣшив мою фигуру долгим испытующим взглядом, сказал по китайски:

— Это тот русскій охотник, который выдал наших китайских властям в прошлом году. Пощады ему не будет! Теперь звѣриная ночь и Великому Вану нужна человѣческая жертва. Отведите его на перевал Лao - Сун - Лин и там привяжите к дереву. Если Ван пощадит его, - значит так угодно Всевышнему! Если нѣт, то справедливый суд совершился! Я сказал. Идите!

Сказав это, он снова лег на цыновку и, не обращая ни на кого вниманія, занялся куреніем.

Четверо здоровенных хунхузов, поговорив между собой и связав мнѣ руки крѣпкой веревкой, вышли из фанзы. Затѣм, приказав мнѣ слѣдовать за собой, двинулись по тропѣ, вверх по косогору на хребет. Передній хунхуз освѣщал путь смоляной лучиной, которая горѣла, как факел, бросая красноватые лучи в чащу лѣса.

Шли мы довольно долго, вѣроятно часа полтора, причем, не доходя до перевала версты две, свернули в сторону и, выйдя на тигровую дорогу, быстро достигли сѣдловины. Здѣсь меня поставили спиной к старому кедру и, закинув руки назад, привязали, туго закрутив узлы веревок. Ноги мои были свободны, но я не мог сойти с мѣста и должен был стоять, в ожиданіи прихода Великаго Вана, судьи и палача.

Сдѣлав свое дѣло, хунхузы ушли, пожелав мнѣ на прощанье „Доброй ночи“.

Таким образом, я остался один на высоком горном перевалѣ. Со всѣх сторон смотрѣла на меня темная дремучая тайга. Вверху, над горными хребтами сіяло звѣздное небо. Мороз был сильный, но я не ощущал холода, так как находился в возбужденном состояніи, стараясь освободиться от веревок, крѣпко притянувших мои руки к стволу дерева.

Но, не смотря на все мои усилия, я не мог ослабить веревочных петель! Проклятые хунхузы стянули их „мертвыми узлами“.

Положение мое было безнадежно! Я усердно молился Богу, прося его избавить меня от мучительной смерти в когтях хищника! Почему-то я был уверен, что молитва моя будет услышана!

Всматриваясь в темную чащу леса, я видел там горящие глаза кровожадных зверей и их полосатая могучая фигуры! Но это было только в моем воображении! Недра тайги были по прежнему безмолвны и непроницаемы для взора.

Я чувствовал, что разсудок мой начинает мутиться при одном представлении появления тигра и мучительной смерти от удара его ужасных лап и зубов! Я знал, что по этой тропе каждую ночь ходит старый хищник и просил Бога отклонить его путь в другую сторону.

Как прошла эта кошмарная ночь, я плохо помню, но, когда на востоке загорелась заря, я воспрянул духом и у меня появилась надежда на спасение! Откуда оно должно было прийти, я не знал, но ветра эта, с увеличением светла и наростанием дня, все увеличивалась.

Когда я увидел первый солнечный луч, пробившийся сквозь темную чащу хвои, я понял, что Бог услышал мою молитву и спас меня. Теперь, при свете дня, я с новой энергией начал освобождаться от веревок и освободился - бы, если бы ты не пришел сюда.

Я уверен, что твой путь на перевал указан был тебе Свыше, иначе я не могу объяснить своего спасения. Видно, мнѣ не судьба погибать в когтях тигра!

Так описывал мнѣ свои кошмарные переживания мой товарищ по охоте, но, когда я рассказал ему свою ночевку у костра в ближайшем соседстве

с хищником, он воскликнул, сдѣлав крестное знаменіе:

— Да ! Теперь я вижу, что меня спас сам Бог ! Он отвел тигра, шедшаго на перевал ! Если бы не это, - он растерзал - бы меня, как кот мышёнка !

Я вполнѣ раздѣлял его мнѣніе, еще болѣе убѣждаясь в проявленіи Воли Всевышняго и в неизбѣжности судьбы.

Всматриваясь в своего собесѣдника, я был поражен происшедшем с ним перемѣной: вся голова его, с пышною раньше шевелюрой темно - каштановых волос, была бѣлой ! Он посѣдѣл в одну ночь ! Черты лица его как-будто также измѣнились: морщины на лицѣ, в углах рта стали глубже, нос заострился и в глазах появилось какое - то скорбное выраженіе.

Только сильныя душевныя переживанія и нравственное потрясеніе могли произвести такую небывалую метаморфозу во внешности человѣка ! Впослѣдствіи я замѣтил перемѣну и в его характерѣ: из веселаго жизнерадостнаго юноши он стал угрюмым неплюдимым человѣком.

Этот жизненный эпизод, перевернувшій всю его психику, оказал вліяніе на всю его жизнь: он навсегда отказался от охоты, хотя природу любил по прежнему, до обожанія.

Посидѣв еще немногого у костра, мы двинулись по компасу к сѣверо - востоку, на линію Квжд, избѣгая троп и звѣроловных фанз, гдѣ могли снова встрѣтиться с шайками хунхузов Коряваго.

Через два дня скитаній по тайгѣ мы вышли на станцію Ханьдаохецы, гдѣ, по моему указанію, была сформирована из заамурцев команда развѣдчиков, под начальством извѣстнаго охотника и стрѣлка, поручика Альбова, получившаго заданіе, во что-бы то ни стало уничтожить шайку Коряваго.

Команда его состояла из двадцати надежных солдат, с которыми поручик Альбов и отправился к югу от Ханьдаохецы в дремучие кедровники Мотяньлина, где хунхузы находили надежное убежище.

Задача была нелегкая, так как шайка Коряваго состояла из ста человек, прекрасно вооруженных и знакомых с местностью, но, благодаря находчивости и смелости заамурцев, шайка была ликвидирована.

Головы Коряваго и шести его помощников были принесены заамурцами на станцию Ханьдаохецы и, по приказанию китайских властей вывешены на частокол у китайского поселка, для устрашения других хунхузов, скрывавшихся среди мирного населения.

Эти трофеи долго еще висели на столбах частокола, пугая своим видом мирных обывателей станции.

Огромная скуластая голова Коряваго повешена была выше всех. Открытые глаза ее, с желтыми белками, смотрели мертвым взглядом на далекие лесистые горы и, казалось, веки их шевелились, но это был обман зрения: большая зеленая муха, под лучами весеннего солнца, оживились и летали роями над частоколом, садясь на глаза и оскаленные рты хунхузских голов. Длинные черные косы их, блестя на солнце, извивались, как змеи, в пальцах частокола и налетавший ветер развеивал космы волос, шурша желтою листвой, сохранившейся в ветвях изгороди.

У некоторых голов глаза были выклеваны воронами и они производили еще более страшное впечатление своей дикой уродливостью.

Сбоку на шесте, у самой дороги виднелась доска с китайскими иероглифами, гласившими следующее:

„Здѣсь находятся головы семи разбойников, убитых с оружием в руках, среди них голова главного вождя Коряваго, который не подчинился закону, за что и понес заслуженную кару. Так будет со всяким, нарушившим справедливые законы Китайской Имперіи“.

Русскіе, проходя мимо этого лобнаго мѣста, смотрѣли с любопытством и отвращеніем на головы хунхузов и про себя говорили. „Собакѣ собачья смерть!“ Китайцы читали надпись и, созерцая окровавленныя головы своих соотечественников, глубоко вздыхали и молча продолжали путь.

ЛАНЦЕПУПЫ.

Полстолѣтія тому назад, Восточная Сибирь представляла собой дѣйствительно „Далѣкую окраину“, или „Дальній Восток“, как ее обыкновенно называли россійскіе обыватели. Чтобы добраться до ея крайних восточных предѣлов, т. е. до берегов Тихаго Океана, надо было „скакать“ десять тысячи верст через всю Сибирь, или „болтаться“ по „морю-океану“ сорок дней и сорок ночей! Обыкновенно тѣх, кто рѣшалсяѣхать в эти „гиблыя мѣста“, провожали, как на тот свѣт! И не даром, так как люди, забравшіеся на Дальній Восток, почти никогда не возвращались к себѣ на родину и, постепенно, теряя с нею связь, становились „камчадалами“, т. е. людьми со своей особенной психологіей и міровоззрѣніем.

Эта оторванность от родины, суровыя условия жизни в диком безлюдном kraѣ, отсутствіе культурных интересов и сравнительная материальная обеспеченность, выработали особый тип дальневосточной интеллигенціи, отличавшейся от коренной россійской своим широким размахом, дѣловитостью, энергіей и предпріимчивостью, но в то-же время безшабашным легкомысліем, самодурством и беспечностью.

Служилый элемент, хорошо обеспеченный материально и не угнетаемый исполненіем своих обязанностей, в большинствѣ случаев не знал, куда дѣвать свободное время. Культурных развлечений, библиотек и научно-просвѣтительных учрежденій в

то время здѣсь не было вовсе, но за то в изоби-
лії представлены были кафэ-шантаны, кабачки и
различные игорные притоны, поэтому ничего нѣт
удивительного, что многіе здѣсь опускались окон-
чательно, спивались и влачили жалкое существо-
ваніе.

На этой почвѣ возник здѣсь знаменитый „орден
ланцепупов“, или общество людей, поставивших себѣ
цѣлью, за отсутствіем каких-бы то ни было куль-
турных интересов, сильная ощущенія.

Члены этого необычайного общества давали
клятву подчиняться выработанному уставу, под
страхом жестокой кары, а также хранить тайну
дѣятельности и собраній ланцепупов. В члены об-
щества принимали с большим ограниченіем и раз-
бором, только людей вполнѣ надежных, выдержав-
ших цѣлый ряд предварительных испытаній.

Само собой разумѣется, главным двигателем и
возбудителем энергіи у ланцепупов была водка,
спирт, коньяк и вообще крѣпкіе напитки, под влія-
ніем которых совершались такія дѣла, от которых
трезвый благородный человѣк мог прийти в ужас.
Но надо отдать справедливость господам ланцепу-
пам, всѣ дѣянія их, по существу, не имѣли в себѣ
ничего преступнаго, безнравственнаго и противооб-
щественнаго. Они не задѣвали ничьих интересов и
не причиняли никому зла.

Власть предержащая смотрѣла на них сквозь
пальцы, так как в ланцепупах состояли иногда
люди „с вѣсом“ и с положеніем.

С теченіем времени, когда связь с Россіей была
налажена постройкой Сибирскаго Великаго пути и
КВЖД, когда край пріобщился к культурѣ и прос-
вѣщенію, когда появились здѣсь другие люди, с
иными взглядами, идеями и міровоззрѣніем, ланце-
пупы начали вырождаться, сокращать свою дѣя-
тельность и в концѣ концов исчезли совершенно,

оставив по себе легендарную память, в видѣ трагикомических персонажей далекаго прошлого.

Любители сильных ощущеній искатели приключений, ланцупы пользовались благосклонной снисходительностью общества и до известной степени покровительством сильных міра сего, в силу чего всѣ их причуды и экстравагантныя выходки сходили им с рук и были даже предметом восхищенія скучающей окраинной интеллигенціи.

В своем искаю сильных эмоцій и душевных переживаний, они были чрезвычайно изобрѣтательны и всегда находили способы и случаи испытать свою смѣлость, доходящую до безумія, выдержку и хладнокровіе даже там, где предпріятіе сопровождалось смертельным риском.

Психологически это явленіе можно объяснить избытком потенціальной духовной и физической энергіи, а также отсутствіем культурного развитія большей части нашей дальневосточной бюрократіи, поле дѣятельности которой в диком мало-изслѣдованным краѣ могло быть огромно и даже безгранично.

Азартная игра в карты, безпробудное пьянство, кутежи и опасная охота по крупному звѣрю не удовлетворяли вкусы и желаній ланцупов: они искали болѣе сильных ощущеній, связанных с риском для жизни.

Излюбленным развлечением у ланцупов была „игра в кукушку“, она состояла в том, что играющіе запирались в большую комнату с заряженными револьверами в руках; тушился свѣт; по очереди, один из играющих кричал кукушкой, тогда всѣ остальные стрѣляли на голос; открывался свѣт и повѣрялись результаты выстрѣлов.

Само собой разумѣется, всѣ играющіе были без обуви, чтобы не было слышно шагов; играющій, крикнув кукушкой, моментально бросался в

сторону, или на пол, иначе ему грозил разстрел. Игра продолжалась до тех пор, пока все присутствующие не прокричат „куку“.

Справедливость требует упомянуть, что пьяные в игру не допускались, как и во всех выступлениях ланцепупов.

Игра в „Звездочку“ состояла в том, что участнице садились на пол, ногами друг к другу и головами врозь, посредине ставилось ведро с водкой. Играющие кружками черпали водку и пили до тех пор, пока, потеряв сознание, не откidyвались назад, т. е. на спину. Кто ложился последним, тот выигрывал банк. В конечном результате, под конец игры, играющие располагались на полу, в вид звезды.

Игра в „Тигра“ в общем напоминала игру в „Кукушку“, с тою разницей, что очередной не кричал „Куку“, а бегал среди играющих, которые стреляли в него, по звуку его шагов. Эта игра считалась наиболе опасной и рискованной, так как роковую пулю мог получить не только „тигр“, но и любой из „охотников“.

Не мене опасной была игра в „Рыбку“. Играющие выезжали на шлюпку в море, взяв с собой ведро водки, или коньяку. Пили до тех пор, пока играющие не ложились на дно лодки. Все искусство заключалось в том, чтобы не упасть за борт в пьяном виде. Шлюпка с „мертвым“ грузом носилась по волнам, пока не прибивало ее к ближайшему берегу. Случалось, что ее уносило в море и тогда погибали все играющие.

Летом ланцепупы устраивали пикники в тайгу, которая подходила тогда к самому Владивостоку. Здесь, на лоне природы, они придумали оригинальную игру в „Хунхуза“. Играющие разделялись на две партии и расходились в тайгу шагов на пятьдесят - сто. Посредине между ними на пне дерева ставился банк, т. е. коробка с деньгами.

По свистку играющіе шли к банку, с цѣлью его захватить. Стрѣлять разрѣшалось только один раз на шорох, т. к. игра производилась ночью в глухой чащѣ. Игрок, захватившій банк, дѣлил его между членами своей группы.

Изобрѣтательность ланцупов была неистощима, так что перечислить всѣ их „игры“ нѣт никакой возможности. Достаточно и приведенных, чтобы составить себѣ понятіе о „невинных“ развлеченіях доблестныхъ россіян, заброшенныхъ судьбою на пустынныя берега Тихаго Океана. У моего почтенного читателя вѣроятно явится недоумѣнныи вопросъ: сколько же убитыхъ и раненыхъ оставили послѣ себя храбрые ланцупы?

На это могут отвѣтить только они сами, так как въ свои тайны они никого изъ постороннихъ не посвящали и начальство смотрѣло на всѣ ихъ про-дѣлки „сквозь пальцы“. Лично я не вижу въ этом ничего преступнаго и предосудительнаго. Какъ ни странно, но въ этомъ выражалась широта натуры, удаль и самобытность русскаго человѣка.

НА ОБЛАВЪ.

Неся службу по охранѣ КВЖД, Заамурцы все свое свободное время посвящали охотѣ, что всемѣрно поощрялось Начальником Округа, Генералом Н. М. Чичаговым, видѣвшем в этом спорѣ прекрасную довоенную подготовку. Результаты этого отчасти сказались и в Великую Войну, когда заамурцы обнаружили свои отличныя боевые качества и покрыли себя и всю Русскую Армію неувядаемою славой.

Находясь на постах, по 5-8 человѣк, они не могли организовать групповых охот по звѣрю, и вынуждены были охотиться в одиночку, выслѣживая звѣря скрадом, как это дѣлают сибирскіе таежники. Этот способ персональной охоты, в условіях дикой первобытной тайги, служил прекрасною боевой школой и вырабатывал из заамурцев лихих развѣдчиков и смѣлых охотников-слѣдопытов, настоящих воинов в полном значеніи этого слова.

Когда-же устраивались групповые охоты начальством, или частными лицами, заамурцев привлекали в качествѣ загонщиков на облавах в тайгѣ по крупному звѣрю.

Во всѣх ротах, сотнях и батареях в Харбинѣ, на станціях и на постах, можно было видѣть всевозможных представителей Маньчжурской фауны, в видѣ домашних животных. Особенной любовью пользовался медвѣдь, который по своему характеру и привычкам наиболѣе подходил к характеру самого русского человѣка.

Медвѣдя заамурцы считали своим русским звѣрем, а на тигра и барса смотрѣли, как на „азіатов“, чуждых им по духу животных.

Само собой разумѣется в заамурѣких частях всегда было много собак, которыя несли „охранную службу и не за страх, а за совѣсть“ выполняли свои „солдатскія“ обязанности. Рядом с часовым на посту всегда дежурил вѣрный пес „Барбос“ или „Полкан“, и звонким лаем предупреждал об опасности. Эти друзья человѣчества были вѣрными товарищами и помощниками заамурцев, не раз выручаю их из бѣды, при встрѣчах с хищным звѣрем или хунхузами.

В настоящем очеркѣ я описываю один случай на облавѣ около станціи Шитоухецы, когда охота устраивалась для харбинских гостей.

Распорядителем охоты был ротмистр Черноглов, в качествѣ загонщиков заамурцы 6 роты 5 пѣхотнаго полка.

Перед самой охотой, мои развѣдчики выслѣдили в окладѣ не только кабанов и изюбрей, но и тигра, который залег в неприступных скалах горнаго кряжа, входившаго в раіон оклада.

Харбинскіе охотники были предупреждены об этом и мнѣ показалось, что извѣстіе это не только их не обрадовало, но и поразило, как громом. Прежней самоувѣренности, как не бывало, хотя многіе из них охотились раньше на кабанов и даже на медвѣдей!

Для гостей был предоставлен особый поѣзд, который был подан на вѣтку в самый тупик, на 40-ю версту, гдѣ и предполагалась охота.

Хозяин концессіи, пригласившій гостей, также принимал участіе в охотѣ.

Было устроено три загона и взято порядочное количество трофеев.

К вечеру вся битая дичь заамурцами была доставлена к поезду и погружена в теплушку. Как выяснилось, взято было: 10 кабанов, 4 изюбря и 11 коз. Среди трофеев тигра, конечно, не оказалось, так как этот хитрый зверь не вышел из своего логовища и, пропустив мимо себя загонщиков, пошел в обратную сторону. Этого и надо было ожидать!

Когда гости, послѣ обильного и изысканного обѣда, предложенного им концессіонером, разошлись по своим купѣ в роскошном служебном вагонѣ, я вышел из вагона столовой на свѣжий воздух.

Полная луна показалась из-за гребня лѣсистаго хребта, освѣщая своими голубоватыми лучами тайгу и горы, засыпанныя снѣгом.

Мороз был изрядный и заамурцы—загонщики, выйдя из своей теплушкі, грѣлись у костров, расположенныхъ вблизи лѣсной конторы.

Слышались их веселые голоса, смѣхъ и прибаутки.

Когда я подошел к ним, они замолчали и, видимо, чувствовали себя неловко. Не зная, в чём дѣло, я спросил взводнаго командира Межакова, о чём шла бесѣда, на что он, немного помявшись отвѣтил:—Так что, Ваше Выс-діе, загонщики наши говорят, что видѣли своими глазами, как два харбинских охотника сидѣли на деревах, вместо того, чтобы стоять на своих номерах, где их поставил ротмистр Черноглазов! Вот мы и разсуждаем: с чего-бы это им залѣзать на деревья? Не иначе, как с переляку! Видно, тигра их здорово напужала! Храбости-то в них настоящей и нет, вот что! А ребята наши говорят, что этой самой храбости им и не нужно, так как они не военные, а „шпаки“! А я полагаю, что это не так! Храбрым должен быть всякий, даже баба, если она имѣет свою гордость и свое достоинство! Вот из-за этого самого у нас

вышел спор. А как Вы думаете, Ваше Выс-діе, кто из нас прав?

Сказав это, Межаков уставился на меня своими вдумчивыми сърыми глазами.

Заамурцы ждали моего отвѣта, но я был поставлен в затруднительное положеніе, так как не хотѣл называть вещи своими именами.

— Все-же пришлось дать отвѣт и я сказал:

— Я согласен с мнѣніем вашего взводнаго команда: храбрымъ долженъ быть всякий, такъ какъ трусливость есть порокъ. Я не оправдываю охотниковъ, спасавшихся на деревьяхъ отъ предполагаемаго тигра, но долженъ сказать, что они виновны, но заслуживаютъ снисхожденія, такъ какъ во первыхъ, они „шпаки“, а во вторыхъ, новобранцы въ дѣлѣ звѣровой охоты! А вы сами знаете, что изъ новобранцевъ выходятъ отличные солдаты. Будуки новобранцами, вы тоже полѣзли-бы отъ тигра на дерево!

Мои слова видимо не произвели на заамурцевъ желаемаго дѣйствія, такъ какъ никто изъ нихъ мнѣ не возражалъ и въ выраженіи ихъ лицъ я читалъ недоумѣніе и сомнѣніе.

Въ ожиданіи прибытія нашего паровоза со станціи, харбинскіе гости отошли на покой и заснули сномъ праведниковъ, не интересуясь чудной таежной ночью, развернувшей свой темно-синій пологъ, усыпанный безчисленнымъ сонмомъ звѣздныхъ міровъ, надъ заснувшую землей.

Заамурцы понимали толкъ въ красотахъ окружавшихъ ихъ природы и, подъ обаяніемъ величія Божьяго міра, выражали свое настроеніе и восторгъ въ пѣсняхъ.

Вскорѣ чудные звуки этихъ пѣсень понеслись въ глубину лѣсовъ и многократное эхо откликалось имъ въ далекихъ ущельяхъ Лао-э-лина. Обитатели дикой тайги чутко прислушивались къ этимъ могучимъ звукамъ и уходили подальше, въ ея таинственные дебри.

Костры разгорались и яркое пламя их вздымалось огненными языками в высь, бросая золотисто-розовые лучи на дѣвственную пелену снѣгов. Снопы искр, крутясь над кострами, неслись к темному лѣсу и таяли в его дремучей хвоѣ.

Засыпая на мягкому диванѣ служебного вагона ротмистра Черноглазова, я сквозь сон слышал звучные пѣсни заамурцев, будившія таежную дрему и торжественную тишину дикой пустыни.

Распорядитель охоты, утомленный тяжелыми переходами по крутым сопкам и хлопотами с устройством загонов, тихо похрапывал в соседнем купѣ и во снѣ отдавал приказанія загонщикам - заамурцам. Только около полуночи пришел со станціи дежурный паровоз и вывез нас из тайги.

Пѣсни заамурцев смолкли. Горы и лѣса погрузились в свою вѣчную дрему. Чудная таежная ночь плыла над землей.

КОНТРАБАНДИСТЫ.

В первые годы совѣтовластія в Уссурійском краѣ, граница не охранялась так строго, как впослѣдствіи, и ее можно было перейти в любом мѣстѣ, даже в непосредственной близости от постов погранстражи, которая смотрѣла сквозь пальцы на перебѣжчиков и даже в большинствѣ случаев помогала им, извлекая из этого значительный доход деньгами, или натурой.

Это обстоятельство способствовало развитію контрабанды, которой в то время занимались не только профессіоналы, мѣстные жители приграничной полосы, но и люди интеллигентные, выкинутые за борты отечественного корабля, захлестнутаго волной нашей „безкровной“ революціи. Не имѣя никаких средств к существованію и никаких возможностей заработать себѣ на кусок хлѣба, эти люди, в силу необходимости, должны были заняться таким „предосудительным“ дѣлом, как контрабанда, рискуя не только потерять „добroe имя“, но и самую жизнь.

Контрабандный товар доставлялся из больших городов Маньчжуріи к совѣтской границѣ, а оттуда переносился на руках или вьючным способом в Никольск, Барабаш, Новокіевское и Посыт, для дальнѣйшей переотправки во Владивосток, гдѣ находились главные склады контрабанды.

Само собой разумѣется, ремесло это, сопряженное с большим риском, давало значительный доход контрабандистам, но рѣдкому из них удавалось

„поработать“ болѣе одного года, т. к. большая часть погибала от пуль своих-же коллег или хунхузов, и в лучшем случае бросала это дѣло, вслѣдствіе полученных ран, или болѣзней.

Наиболѣе выгодным товаром считался спирт, для переноски которого употреблялись особые жестяные сосуды, укрѣплявшіеся на спинѣ.

Вѣс и количество переносимой контрабанды всецѣло зависѣли от выносливости и физических сил контрабандистов. В исключительных случаях этот груз достигал вѣса в 3 или 4 пуда! Т. е. предѣльного вѣса выюка для лошади!

Среди контрабандистов встрѣчались и женщины, но мужской костюм, скрѣдывая женскую фигуру, уничтожал разницу.

Почти вся приграничная полоса от Кореи до озера Ханка покрыта дремучею непроходимою тайгой, не имѣющей никаких путей сообщенія, кроме рѣдких и едва замѣтных в зарослях тропинок, проложенных самими контрабандистами, хунхузами или звѣрями.

Под покровом лѣсных дебрей контрабандисты совершали свою „работу“ партіями, или артелями, двигаясь по тропам „гуськом“, причем впереди шли дозорные, на случай засады или внезапнаго нападенія. Всѣ они были вооружены револьверами и винтовками и имѣли при себѣ карманнѣе электрическіе фонари. Артель обычно состояла из 10-15 человѣк и была подчинена своему выборному „атаману“, власть котораго распространялась только на время „работы“. В смыслѣ коммерческом каждый работал сам для себя, на свой страх и риск. Организація артелей вызывалась только необходимости общественной солидарности, на случай обороны при нападеніи.

Мой пріятель В. В. Троицкій, занимавшійся одно время контрабандой в Приморье, разсказывал мнѣ

много интересных и захватывающих эпизодов из своей, богатой приключеніями, жизни. Между прочим он передал мнѣ один эпизод, запечатлѣвшійся в моей памяти.

„Это было осенью 1922 г. Испробовав всѣ возможности и способы заработать себѣ на хлѣб во Владивостокѣ, мы с Недомѣрковым рѣшили заняться контрабандой, для чего необходимо было пріобрѣсти знакомство в средѣ контрабандистов, купцов и мѣстной приграничной администраціи. Когда все это было устроено, мы примкнули к одной артели, состоявшей исключительно из интеллигенціи; нашими компаньонами по „работѣ“ были: учителя, офицеры, адвокаты, приказчики магазина, чиновники, музыканты, купцы и один парикмахер. Во главѣ всей этой „теплой“ компаніи стоял старый таежник - звѣробой из под Никольска, Никита Мороз. Он взялся провести нас до границы и оттуда назад звѣровыми тропами к Барабашу, гдѣ был главный пріемный пункт контрабанды.

Мы с Недомѣрковым взялись за спирт, который должны были нести от границы до Барабаша, на разстояніи 60 верст, причем половину пути надо было идти лѣсом.

Большая часть членов нашей артели, конечно, не были подготовлены к совершенню трудных переходов по горам и по тайгѣ, и уже на полпути многіе совершенно выбились из сил, изорвали обувь, искалечили ноги иросписались в своей неподготовленности. В особенно отчаянном состояніи оказался парикмахер и приказчики. Послѣ первой-же ночевки в тайгѣ, они заявили, что дальше не пойдут и вернутся во Владивосток. Мы их не удерживали и они, с понурым видом и почти босиком, отправились восвояси. Нас осталось десять человѣк, рѣшивших, во что бы то ни стало, дойти до границы. Мы шли налегкѣ, неся на себѣ только продукты и оружіе, и то с непривычки многіе стра-

дали, проклиная свою судьбу. Недомърков шел молча и пыхгѣл как паровоз, расправляя свои богатырскія плечи и вдыхая полной грудью ароматный смолистый воздух темнаго кедровника, в который мы вступили, не доходя 25 верст до границы. Мы двигались без всяких мѣр охраненія, т. к. нападать на нас никто не собирался.

Всю дорогу и во время привалов нас развлекал своей веселостью и неистощимым юмором адвокат К. Его анекдоты и остроумныя шутки заставляли хохотать даже угрюмых и неисправимых пессимистов, не говоря уже об остальной братіи, которая покатывалась со смѣху. Даже молчаливый наш проводник „Дѣдушка Мороз“, как мы его называли, улыбался себѣ в бороду, дымя трубкой-носогрѣйкой.

От его шуток, всегда невинных, доставалось каждому из нас, особенно пузатому тромбонисту, еле поспѣвшему за нами на своих коротких кривых ножках. Но никто из нас не сердился на весельчака, т. к. он разгонял нашу грусть — тоску и невеселыя мысли.

На второй день к вечеру дошли мы до границы без всяких приключений. Здѣсь переночевали на высоком горном перевалѣ у китайской кумирни и утром, чуть-свѣт спустились на маньчжурскую сторону, в глубокую падь, гдѣ стояла большая фанза со складами всевозможных контрабандных товаров. Здѣсь состоялась сдѣлка и мы нагрузились. Кто взял себѣ шелковыя матеріи, кто галантерею, кто парфюмерію, кто табачныя издѣлія, а мы с Недомърковым навьючили на себя бидоны со спиртом.

Я взял себѣ один бидон, вѣсом около пуда, и этот вѣс казался мнѣ предѣльным для моих сил. Недомърков-же, смѣясь над моим безсиліем, и вызывая удивленіе всей артели, нагрузил на себя четыре бидона, вѣсом около 3-х пудов.

Зная выносливость и исключительную силу своего пріятеля, я не удивлялся, но китайцы были

поражены силой русского и выражали сомнение в его выносливости.

Плотно позавтракав и напившись чаю, мы двинулись в обратный путь через границу. Проходя мимо пограничного каменного столба, мы задержались на полчаса, отдав положенную дань погранохране натурали, послѣ чего безпрепятственно пошли дальше на восток, углубляясь все болѣе и болѣе в кедровник, который принял нас в свои темные нѣдра и шумѣл над нами, качая вершинами своих старых великанов.

С непривычки, нести пудовую ношу довольно трудно и я чувствовал, что она давит на мою спину и гнет меня к землѣ. Я изнывал, но самолюбіе не позволяло сознаться в слабости и я шел через силу, напрягая волю и всѣ свои ресурсы. В концѣ концов я свыжся со своей ношей и кое как дотащил ее до привала. Недомѣрков согнулся под тяжестью груза и шагал впереди меня, как верблюд; на его лицѣ не видно было большого напряженія, но всѣ жилы на его бычачьей шеѣ надулись, как веревки. Видно было, что всѣм тяжело, т. к. у всякаго груза был предѣльный по тяжести. Музыкант Аполлонов, сверх всякаго ожиданія, нес на себѣ огромный тюк с галантереей и парфюмеріей; получилось впечатлѣніе, что двигается один тюк на коротких ножках. Он буквально обливался потом и его рачьи глаза готовы были выскочить из орбит от напряженія; но он не унывал, разсчитывая на хороший, бизнесъ. На всѣ шутки юриста он отвѣчал куплетами из опереток и гримасами, которыя приводили всѣх в веселое настроеніе.

Первый привал в тайгѣ был довольно продолжительный, т. к. многие изорвали вдребезги свою обувь и до крови натерли плечи и спины, от непривычки таскать тяжести. Пришлося починяться и приводить в порядок израненное и помятое тѣло. Здѣсь-же на привалѣ подошла к нам другая партія,

шедшая к границѣ. Среди ея членов оказались общіе знакомые из Владивостока. Пошли разговоры, угощеніе табаком и папиросами и непремѣнное чаепитіе у костра. „Будьте осторожны!“ — говорили прибывшіе — „В Чертовой Балкѣ застѣли подозрительные личности! Они вооружены винтовками и намѣренія у них самыя опредѣленныя! Назад мы пойдем другой дорогой, чтобы миновать Чертову Балку. Хотя она и длиннѣе, но безопаснѣе“.

Это извѣстіе немного нас смущило, т. к. мы не знали сил врага и не былиувѣрены в своем превосходствѣ. Мнѣнія раздѣлились. Рѣшили поставить вопрос на голосованіе, т.е. идти через Балку, или кружным путем цѣлиной. Долго спорили и рѣдили и наконец, по большинству голосов, рѣшили идти через Балку. Мы с Недомѣрковым были за это рѣшеніе и на нашу сторону стали всѣ офицеры, юрист и даже комик музыкант.

Провѣрив оружіе и патроны и поручив командованіе отрядом одному из офицеров генерального штаба, мы двинулись дальше по тропѣ, с соблюдением всѣх тактических пріемов походнаго движения в горном дефилѣ.

Был выслан вперед дозор из двух человѣк, под командой старого таежника, Дѣдушки Мороза.

Мы подвигались очень медленно, благодаря нашей нагруженности. Приходилось часто дѣлать привалы, для передышки и отдыха.

К Чертовой Балкѣ мы подошли вечером, когда солнце уже скрылось за зубчатыми гребнями лѣсистых гор и тайга погрузилась в мрак. Рѣшено было на „военном совѣтѣ“ заночевать на большой полянѣ, чтобы имѣть кругозор, на случай обороны. В сторону предполагаемаго „непріятеля“ выставили секреты.

До Чертовой Балки было не болѣе пяти верст и мы рѣшили пройти ее под покровом ночной тем-

ноты, которая являлась нашей союзницей, т. к. при дневном свѣтѣ нас всѣх могли бы перебить, как куропаток.

В эту ночь конечно никто не спал. Сидя вокруг костра, мы вели тихія бесѣды и прислушивались к неумолчному шуму тайги и реву изюбреи, оглашавших горы и лѣса своими зычными голосами.

Наш почтенный адвокат даже в виду предстоящей опасности столкновенія с „таежными волками“, не измѣнял себѣ и сыпал своими анекдотами и прибаутками, как из мѣшка. Не смотря на протесты болѣе „мрачных пассажиров“, мы его пощряли, т. к. он поддерживал в нас бодрость и прогонял прочь уныніе и пессимизм. Один только музыкант Аполлонов ни на что не обращал вниманіе и, беспечно развались около весело трещавшаго костра, спал богатырским сном и хралъ во всѣ „носовые завертки“. Его спокойствію можно было позавидовать! Даже Дѣдушка Мороз, смотря на его безмятежную сонную улыбку, говорил:

— Ну и барин! Видно, душенька его чиста, как голубь! Не боится смерти, которая может быть смотрит нам в глаза!

Ночь приближалась к концу. Предразсвѣтный вѣтерок потянул из Чертовой Балки холодом и сыростью. Изюбры перестали кричать.

Навьючив на себя поклажу и повинувшись выборному „атаману“, имѣя на готовѣ оружіе, мы двинулись в ночную темноту, спускаясь по тропѣ в глубокое горное ущелье, именуемое Чертовой Балкой.

На душѣ у каждого из нас было неспокойно. Было сознаніе неизбѣжности смертельной борьбы с жестоким безпощадным врагом. Тяжелый груз, давившій наши плечи, еще болѣе удручен нас, стѣсня движенія и свободу дѣйствій.

Мы шли ощупью, не видя ничего перед собой и чувствуя направлениe только по звуку шагов впереди идущаго человѣка.

Спуск остался позади и мы вошли в узкое горное дефилэ, заросшее старым дремучим лѣсом. Гдѣ-то вблизи журчал ручей и в вершинах кедров перекликались филины.

Вдруг, среди этой торжественной тишины спавшаго лѣса, раздался рѣзкий звук близкаго револьверного выстрѣла. Пораженные этим звуком, мы сразу остановились, взяв на изготовку винтовки и карабины.

Зашелкали затворы заряжаемаго оружія.

Настала та зловѣщая тишина, которая всегда предшествует бурѣ.

Мы насторожились, готовые дать отпор нападенію, и стояли молча, сжимая в руках оружіе.

Но вот в этой напряженной тишинѣ раздался глухой человѣческій голос, исходившій казалось из самой преисподней:

— Стой! Не шевелись! Какіе люди идут здѣсь, сколько их и какіе товары несут с собой? Кому не хочется умирать, пусть тот положит оружіе и товар на тропу, а сам идет дальше и продолжает свой путь! Через минуту будет открыт огонь с двух сторон!

Послѣ этого снова наступила тишина. Я слышал учащенное біеніе своего сердца и в моем мозгу мелькнула мысль: „Пришел конец! Надо исполнить приказаніе, или смерть!“ Такія мысли вѣроятно были у каждого из нас. Мы стояли в нерѣшительности, ожидая разстрѣла.

Не прошло и полминуты, как раздался в тишинѣ тайги другой голос, нашего проводника Дѣдушки Мороза; он говорил громко, и слова его до сих пор врѣзались в мою память:

— Нас одинадцать человѣк! Всѣ с винтовками! Товару много у каждого! В проводниках я, Никита Мороз! Если можешь—возьми товар, но без боя его не получишь!

В наступившей послѣ этого тишинѣ чувствовалась особенная критическая напряженность! Казалось, что вот-вот грянут выстрѣлы и начнется смертельный бой в темнотѣ в рукопашную и тогда конечно пощады никому не будет. Такія мысли приходили мнѣ в голову, когда со стороны невидимаго врага раздался тот-же „загробный“ голос:

— Проходите! Проходите!

Мы всѣ сразу поняли, что критическая минута прошла! На душѣ стало легче и даже, как будто, звѣриная злоба, обуявшая сердце, смѣнилась на добродушное презрѣніе к врагу.

Снова воцарилась прежняя тишина, и мы, один за другим, потянулись по тропѣ, стараясь сблизиться, для увѣренности в шагѣ.

— Знаешь! А я думал уже, что мы пропали!— проговорил Недомѣрков, шагая впереди меня, сгибаясь под тяжестью товара, булькавшаго у него за спиной.

— Ничего! На этот раз пронесло!—отвѣтил я ему, чувствуя подъем новых сил, послѣ перенесенных испытаній.

К утру мы вышли из тайги и расположились лагерем на берегу горной рѣчки, праваго притока Суйфуна.

Сидя у костра и обсуждая между собой всѣ перипетіи минувшей ночи, мы благодушествовали, радуясь наступившему лучезарному дню и своей жизни, которой угрожала несомнѣнная опасность.

От Дѣдушки Мороза мы узнали, что шайка бандитов, остановившая нас, ошиблась в расчетах,

т. к. она поджидала другую партию контрабандистов, - плохо вооруженную и состоявшую наполовину из корейцев. Откуда он имел эти свидѣнія, для нас осталось тайной.

Послѣ этого случая я бросил рискованное ремесло контрабандиста и занялся другим дѣлом. Хорошаго по нѣмножку!

СТРАШНАЯ НАХОДКА.

• Все лѣс и лѣс, безконечный лѣс! Вот уж шесть дней, как мы вышли со станціи Ханьдаохецзы к ѿверу, в поисках тропы в долину Сунгари и не видѣли над собой голубого неба! Сплошной зеленый покров высочайших деревьев навис над нами и давил, скрывая свѣт солнца и препятствуя движению воздуха. Мы двигались, окруженные со всѣх сторон роскошною зеленою стихіей, в душной атмосферѣ испареній и дыханія первобытнаго лѣса, насыщенного теплою влагой от безпрерывных дождей и туманов.

Перевалив безчисленное множество горных отрогов и столько-же рѣк и ручьев в брод, мы вышли наконец в широкую долину Лянцзухэ, заросшую едва проходимым смѣшанным лѣсом, с масками валежника и бурелома, перепутанного ліанами и диким виноградом.

Со мной была команда Заамурцев-развѣдчиков из десяти человѣк, все это был отборный элемент, здоровый физически и морально, и готовый идти куда угодно, хоть „к черту на рога“, или на „край свѣта“!

Люди изнывали не от усталости и трудности походной жизни, а от вѣчнаго мрака безпросвѣтных густых лѣсов, отсутствія свѣта и солнца и привычаго для русскаго человѣка кругозора. Они не роптали и не жаловались, были, как всегда, веселы и жизнерадостны, и в смѣхѣ их слышалась досада и юмор, присущій русскому простолюдину.

„Что это за страна!“ - говорили они между собой, дымя „собачьими ножками“, набитыми травой и корешками, за отсутствием табака: — „Дождь идет все лѣто и солнышко не видать! Зимой крещенскій мороз, а солнышко грѣет, как лѣтом! Бабы в штанах, а мужики в косах! Без винтовки на двор не выходи! Водка дешевле пареной рѣпы, а иголка стоит другривенный! Вот так климат! Нѣт, у нас климат лучше, не в примѣр! Одно слово Рассея-матушка! А здѣсь что-настоящая Азія!“

Так, перекидываясь словами и оглашая мрачные нѣдра тайги здоровым, искренним смѣхом, подвигался мой небольшой отряд по звѣровой тропѣ, утопавшей в зеленых волнах буйной растильности.

„Господи! Когда-же конец этому лѣсу!“-говорили болѣе нетерпѣливые и молодые - „Вот, почитай недѣлю идем, а неба над собой еще не видѣли! Все тайга и тайга и никакого тебѣ просвѣта! И дух здѣсь могильный, как в погребѣ, ажно сердце щемит и на душѣ словно камень! То- ли дѣло у нас на Волгѣ! Простору сколько хочешь, душа радуется!“

Зная психологію своих подчиненных, я им не возражал и молча даже с ними соглашался, т. к. и мнѣ уже надоѣл вѣчный полумрак этих первобытных лѣсов и подавляющая тишина, царящая в их зеленых нѣдрах.

„Просвѣт! Просвѣт!“ - послышались громкіе крики со стороны передового отряда. Дѣйствительно, вскорѣ мы вышли на большую поляну, пересѣкаемую ручейком, берега которого заросли густою уремой.

Мѣсто было веселое и уютное, к тому-же приближался вечер и золотые лучи заходящаго солнца, пробиваясь сквозь темную хвою гигантских кедров на ближайшем хребтѣ, играли цветами радуги в быстрых струях горнаго ручья и в каплях дождя

в травѣ и на листьях, послѣ недавно прошедшаго ливня.

У всѣх на душѣ стало легче, что сразу отразилось на лицах солдат. Когда же я объявил, что будем здѣсь ночевать и даже устроим дневку, радости и веселью не было границ. Запылали костры, клубы дыма поднялись над полянѣй, отгоняя называемаго гнуса, т. е. полчища комаров и мошек, жаждущих человѣческой крови.

Видя над собой ясное вечернѣе небо, в глубинѣ котораго загорались олна за другой яркія звѣзды, люди совсѣм преобразились, уныніе как рукой сняло, слышался смѣх и веселые разговоры. Русскія удалыя пѣсни загремѣли в тайгѣ и далекое горное эхо вторило им из глубины таинственнаго лѣсного океана.

Вскорѣ темная таежная ночь спустилась на землю и черный ея полог скрыл от взоров все окружающее. Тихо было в тайгѣ; бивак наш спал крѣпким сном усталости; слышалось только журчанье горнаго ручья в каменистом ложѣ и треск огня в кострах, то погасавших, то разгоравшихся в гигантскіе столбы пламени.

В глубинѣ лѣсной чащи плакали совы, из зарослей рѣчной уремы доносились крики козлов, рыцарь ночи, филин - пугач, изрѣдка подавал свой мрачный голос, его заунывное „пугу“ глохо рокотало в кедровникѣ, вызывая отвѣтный хохот своей подруги.

По временам дежурный подходил к костру, раскуривал свою трубку носогрѣйку и, постояв немного, снова удалялся, скрываясь в темнотѣ непрѣглядной ночи.

На слѣдующій день, как только померкли звѣзды и небо запылало розовою зарей, наш бивак зашевелился; разгорѣлись снова костры и дым клубами потянулся вдоль поляны, сливаясь с туманом, поднимавшимся над рѣчною уремой.

Напившись чаю с сухарями, я собирался уже объявить подъем, когда ко мне подошел унтер-офицер Чайка и с таинственным видом заявил:

— Ваше благородие! Там в концах поляны ребята нашли мертвяков, и много их. Надо узнать, в чем дело. Извольте взглянуть?

По лицу Чайки я видел, что дело серьезное и, надев на себя ранец, сказал:

— Конечно, пойдем посмотрим! Надо выяснить, кто эти мертвяки! — С этими словами я двинулся вслед за Чайкой, взяв с собой еще двух солдат с лопатами и топорами.

Пройдя вниз по течению ручья с полверсты, мы вышли на старое городище, где виднелись развалины фанзы, заросшая высоким бурьяном и вьюнами. Большая площадь земли была разрыта, и в глубоких ямах, наполненных водой, темнели остатки примитивных вангердов, для промывки золота. В стороне возвышались бугры промытого песка. Все это уже заросло травой и кустами, очевидно прошло не мало лет с тех пор, как здесь кипела жизнь и люди добывали драгоценный металл из недр земли.

— Где же мертвяки? — спросил я в недоумении Чайку, не видя никаких признаков их присутствия.

— А вот пожалуйте сюда, они недалеко, все в одном месте!

Идя вслед за Чайкой, мы подошли к развалинам второй фанзы, также заросшей густой растительностью. Среди груд обломанных камней, обуглившейся глины и кирпича, блескали человеческие кости, торчавшие отовсюду на фоне яркой зелени. Несколько черепов валялись вблизи развалин, некоторые были разбиты, другие же сохранились хорошо и блестели под лучами солнца яркими бликами.

По нашему подсчету здѣсь находилось до двадцати человѣческих скелетов. Всѣ они принадлежали китайцам, судя по строенію черепов и всѣм видимым признакам. Какая была причина смерти этих людей, нам выяснить так и не удалось, несмотря на тщательное изслѣдованіе и осмотр мѣстности. Мы только могли догадываться, что золотоискатели подверглись нападенію хунхузов и были перебиты, а фанзы их сожжены. Среди развалин мы не нашли никаких остатков от одежды и обуви и вообще никаких предметов домашняго обихода, за исключеніем каменного наконечника трубки и черепков разбитых чашек. Все говорило за то, что нѣсколько лѣт тому назад здѣсь произошла кровавая таежная драма, нѣмыми свидѣтелями которой были столѣтніе кедры и ели, простиравшіе свои темныя кудрявые вершины в небесную лазурь.

Пока мы с Чайкой осматривали „мертвяков“ и выясняли причину гибели злосчастных старателей, наши молодцы заамурцы не зѣвали и занялись дѣлом, гораздо болѣе практическим, а именно промывкой залотоносного песку, добытаго в старых штольнях и шурфовых ямах.

Когда мы подошли к берегу ручья, катящаго свои бурныя воды по каменистому ложу, то не мало были удивлены открывшейся перед нами картиной: всѣ наши молодцы, стоя по колѣна в водѣ, промывали песок в аллюминіевых походных котелках. Вид у них был серьезный и сосредоточенный, как будто бы они заняты были очень важным дѣлом!

Изрѣдка они перекидывались словами и слышались отдѣльные возгласы: „Рига! Вот и есть!“ — „Золотишко - то богатое!“ — „Намыл с наперсток!“ и т. п.

Из любопытства мы с Чайкой также принялись за промывку золота и, вооружившись котелками и засучив штаны по колѣна, начали полоскаться в

водѣ, в надеждѣ добыть хоть щепотку металла; но у нас ничего не выходило, вслѣдствіе нашей неопытности. Наконец один из солдат, сибирскій золотопромышленник из Алтайских гор, показал нам, как надо промывать песок и всѣ практическіе пріемы этого дѣла, тогда у нас пошло на лад и через полчаса упорной работы, на днѣ котелка, у меня остыл золотой песок, в видѣ мельчайших плоских крупинок желтоватаго цвета. Но скоро мнѣ надоѣло это занятіе и, высыпав нѣсколько золотников намытаго металла в спичечную коробку, я возвратился на бивак и занялся собиранием настѣко-мых с многочисленных цветов таежных растеній.

Заамурцы так увлеклись промывкой золота, что до поздняго вечера не явились даже к обѣду. Только когда совершенно стемнѣло, они пришли на бивак, довольные и счастливые. У каждого в носовом платкѣ, или в тряпицѣ, было завернуто добытое золото. Сибиряк умудрился найти крупинки, величиной в гречневое зерно, и оцѣнивал свою добычу в нѣсколько десятков рублей.

Было ясно, что золотая розсыпь, найденная нами случайно, чрезвычайно богата драгоценным металлом. Солдаты просили меня остаться здесь еще на нѣсколько дней, но я не мог согласиться на это, за недостатком продуктов.

На слѣдующій день, чуть свѣт, мы выступили на сѣвер, вверх по теченію Лянзухэ, оставив на произвол судьбы золотоносную розсыпь, под охраной таинственных „мертвяков“.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

Это было наканунѣ новаго года. Уже двѣ не-дѣли мы скитались по дремучим кедровникам Бэй-даяна и, кроме кабанов и кабарожек, ничего не добыли, хотя тигровых слѣдов было много, но хищники от нас уходили, как только замѣчали на-стойчивое преслѣдованіе.

Мы зашли слишком далеко от фанзы звѣролова, гдѣ остановились, и рѣшили заночевать в лѣсу.

Выбрав уютное мѣстечко под старой развѣси-стой елью, мы быстро собрали сухостой и накололи дров на всю долгую ночь.

Несмотря на сильный мороз, мы чувствовали себя прекрасно и расположились у ярко пылавшаго костра, как у себя дома.

Со мной был мой друг и сослуживец по Замурскому Округу, Александр Пянковский, с которым часто бродили по горам и лѣсам Маньчжуріи. Ночь наступила быстро. Чёрная нѣдра кедровника охватили нас со всѣх сторон и только небольшая, пло-щадь вокруг костра искрилась красноватыми бли-камій в сугробах пушистаго снѣга.

Осушив нѣсколько чайников горячаго чая с вяленой кабанятиной, мы принялись устраивать себѣ таежныя постели из еловых вѣток и через четверть часа, лежа на душистых „пуховиках“, дремали, прислушиваясь к музыкѣ дикой тайги, напѣвавшей свои тихія пѣсни.

Гдѣ-то вблизи, в каменистых розсыпях, журчал ручей, скрытый под слоем ледяной коры и снѣж-

наго наста. Издалека доносился жалобный крик неясыти и вой голодного волка.

Пяновский, утомленный и разбитый ходьбой по горам, заснул быстро; я же долго не мог заснуть и, ворочаясь с боку на бок от холода, постоянно подбрасывал свежие сучья в костер и тогда огненные языки вздымались кверху и облака искр летели с треском и шумом в ночную темень.

Так тянулась долгая декабрьская ночь. Часы показывали половину двенадцатого. Скоро наступит Новый Год! Надо разбудить приятеля, спавшего младенческим сном!

„Шура! Вставай!—тряс я за плечо своего друга: „Скоро Новый Год! А мы хотели встретить его по таежному, кружкой горячего чая с ромом! Чайник уже закипел! Выспишься потом, ночь долгая!“

Через полчаса, когда все культурные люди встречали Новый Год у себя дома, или в общественных собраниях, и поднимали бокалы искристого вина с пожеланиями „нового счастья“ и благополучия, мы, ежась от холода и грясь у ярко пылавшего костра, хлебали горячий чай с ромом, чутко прислушиваясь ко всем звукам, доносящимся из таинственных небр первобытного леса.

Не успели мы поздравить друг друга и чокнуться кружками, как тишину тайги нарушил отдаленный рев какого-то зверя. Мы застыли с кружками в руках и стали прислушиваться.

Это был тигр. Рявкнув несколько раз в глубине пади, он замолк, и снова наступила тишина нарушенная треском нашего костра и неумолчным журчанием ручейка, в ближайших розыпях.

Мы были спокойны и не волновались, т.к. были уверены в надежности защиты от нападения хищника огнем.

— А знаешь-ли! проговорил Пяновский, чокась со мной кружкою:—Ведь тигр пришел поздравить

нас с Новым Годом! Надо и нам отвѣтить ему по чести! Иначе он обидится и посчитает нас невѣжами!...

Но не успѣл он закончить своего монолога, как рев хищника раздался уже гораздо ближе и от звука его могучаго голоса, казалось, содрогаются нѣдра тайги.

— Вот видишь! Я был прав! Сам Великій Ван сдѣлал нам честь своим визитом и шлет нам свой привѣт! Надо ему отвѣтить, иначе он подумает, что мы струсили и прячемся под защитой спасительного огня!

С этими словами мой пріятель, взяв в руки винтовку и поставив курок на боевой взвод, отошел от костра и исчез в темной глубинѣ лѣса.

Я не успѣл его удержать и только вслѣд ему крикнул:

— Шурка! Не глупи! Ты с ума сошел, что-ли! Но его и слѣд простыл, и только шаги его по бурелому едва достигали до моего слуха; затѣм все опять стихло.

Наступила та томительная тишина, которая бывает в грозу перед вспышкой молніи и ударом грома.

На всякий случай, я также взял в руки винтовку и весь превратился в слух. Мнѣ слышались какіе-то шорохи, шум невѣдомых шагов и треск валежника.

Желая образумить своего легкомысленного друга, я звал его вернуться обратно, посыпая ему нелестные эпитеты, но отвѣта не получал. Тишина тайги казалась мнѣ зловѣщей.

В это время раздался оглушительный рев звѣря, но уже с другой стороны. Очевидно хищник замѣтил наш костер и бродит вокруг него. Надо было дѣйствовать.

— Шура! Если ты не вернешься немедленно, то я буду стрелять в воздух! - Крикнул я, подходя к темной стънѣ дремавшаго кедровника; но отвѣта я все-же не получил, за то услышал голос своего пріятеля, отвѣчавшаго звѣрю:

— Великий Ван!-кричал он своим звучным баритоном:-Поздравляем тебя с Новым Годом и желааем всего наилучшаго! Иди с миром и не попадайся нам под пулю, иначе тебе не сдобривать; потеряешь свою шкуру и могучее тѣло твое пойдет на лекарства! Иди своей дорогой и не мѣшай нам спать!

Вслѣд за этим, как-бы отвѣчая на вызов, снова раздался близкій голос царя тайги. В нем слышалась угроза и безсильная злоба. Звуки его могучаго голоса, вначалѣ высокіе и короткіе, постепенно понижаясь, перешли в басовыѣ и клокочущіе; казалось, что они исходили из гигантскаго котла, наполненаго паром.

Ожидая наихудшаго и опасаясь за жизнь свое-го легкомысленнааго друга, я поднял винтовку и выстрѣлил вверх. Этот звук, как бичем, разсѣк тишину таежных дебрей и замер в дальних ея нѣдрах. Вскорѣ послышались шаги моего пріятеля и на свѣт костра выплыла его высокая стройная фигура.

— Зачѣм ты стрѣлял? - обратился он ко мнѣ, положив винтовку на свою еловую постель и наливая из чайника горячій чай в кружку: -- Я хотѣл вызвать его к себѣ голосом и он, как будто бы, шел на меня, а ты его отогнал! Теперь он уйдет совсѣм, так что и завтра его не догоним!

Дѣйствительно, мы услышали голос хищника уже в отдаленіи, и вскорѣ он совсѣм замолк. Мой выстрѣл отпугнул „Владыку тайги“ и он счел наиболѣе благоразумным удалиться.

Сон наш, как рукой сняло. Мы подсѣли к костру и занялись безконечным чаепитіем, но уже без

рома, т. к. этот напиток был у нас на исходѣ и надо было его беречь.

— А жаль, что ты отогнал Вана! — говорил между тем Пяновский, опоражнивая чуть-ли не десятую кружку: — Я убил-бы его непремѣнно, если-бы он пошел ко мнѣ близко. Я уже видѣл его свѣтящіеся глаза в темнотѣ и собирался прицѣлиться; послѣ твоего выстрѣла он исчез и больше не показывался.

— Я понимаю твое желаніе убить тигра, но шансы на это были небольшіе, т. к. в темнотѣ дать вѣрный выстрѣл невозможно, поэтому почти всѣ шансы были на сторонѣ Вана: твой выстрѣл был бы смертелен не для него, а для тебя, а может быть и для меня, т. к. я пошел - бы к тебѣ на выручку. Мой выстрѣл в воздух вѣроятно спас нас обоих. Но все хорошо, что хорошо кончается, а потому поставим здѣсь точку. — Сказав это, я улегся на свою мягкую постель, с твердым намѣреніем заснуть, но не тут-то было. Мой пріятель, под впечатлѣніем пережитых ощущеній, спать не собираясь, и, мурлыча себѣ под нос любимыя пѣсеньки из опереток, ходил вокруг костра, изрѣдка подбрасывая в огонь дрова. Сквозь дрему я слышал, как голос его становился все громче и в концѣ концов заглушил всѣ остальные звуки лѣса.

Он пѣл по вдохновенію, воодушевленный красотой и величием первозданной природы. Горы и лѣса притихли и стояли, словно завороженные, прислушиваясь к этим пѣсням, звучавшим здѣсь впервые от сотворенія міра.

Бархатный мощный баритон моего друга, нарушая священную тишину заповѣдных лѣсов Бейдаяна, несся в даль свободными волнами и замирал в глубинѣ таежных дебрей.

Я лежал, как очарованный, не смѣя нарушить эту чудную симфонію звуков на лонѣ вѣчно - прекрасной природы.

Исполнив нѣсколько арій из опер „Жизнь за царя“, „Демон“, „Русалка“ и „Князь Игорь“, Пяновский подошел ко мнѣ и тихо проговорил:

— Ты слышишь, он мнѣ отвѣчает! Его голос звучит издалека, еле слышно.

Мы оба стали прислушиваться. Дѣйствительно, из горных далей доносился голос „Владыки лѣсов“. Нам казалось, что он вызывает на состязаніе человѣка и выжидает с его стороны отвѣта, но этого он так и не дождался: вдохновеніе у пѣвца прошло и он подсѣл к огню, согрѣвая свои иззябшіе бока и руки.

Вскорѣ мы улеглись вокруг костра, набросав в него побольше сухих бревен, и заснули уже по настоящему, не заботясь о звуках, доносившихся из темнаго кедровника.

Сквозь сон смутно слышалось журчанье ручейка и далекій вой красных волков, постоянных спутников „Царя тайги“.

Они чуяли добычу, предупреждая о том своего властелина.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ.

Зимой 1910 г. в Маньчжуріи разразилась страшная эпидемія чумы. Особенно пострадали от этой болѣзни населенные раіоны южных провинцій и долина рѣки Сунгари, гдѣ, буквально, чума косила людей не сотнями, а тысячами; вымирали цѣлые деревни и города и трупы умерших валялись повсюду, по дорогам, в полях, в опустѣвших селеніях, в лѣсах и болотах, доставляя обильную пищу четвероногим хищникам, волкам, лисицам и кабанам..

В концѣ зимы страшная гостья забралась и к нам на восток в тайгу, гдѣ в убогих фанзах ютились звѣроловы и бродили шайки хунхузов.

В своих странствованіях по тайгѣ, я избѣгал заходить в фанзы, предпочитая ночевать в лѣсу у костра, так как опасность зараженія была настолько велика, что исключала всякую возможность спасенія.

Однажды зашел ко мнѣ бывшій охранник промышленник Михаил Козлов, с сообщеніем, что в кедровниках Тутахезы, к сѣверу от станціи Ханьдаохецы, появились кабаны и тигры.

— Пойдем со мной! уговаривал меня старый охранник:—Зима уже подходит к концу, охота также. Добудем тигра, а то и двух, и скоро вернемся обратно! Там у меня есть знакомый звѣролов, фанза у него большая хорошая, у него и остановимся, старик душевный, правильный. Собирайся! Завтра и выступим!

— Нѣт, Козлов!, — возражалъ я ему: — Я тебѣ не компаньон! Теперь чума, и въ фанзахъ можно легко заразиться! Совѣтую и тебѣ воздержаться и не ночевать въ фанзѣ! Самъ понимаешь, какая опасность угрожаетъ каждому при сношеніяхъ съ китайцами! Нѣт, я не пойду! А, если-бы и пошелъ, то не ночевал-бы у китайцевъ!

— Эхъ, да чего тамъ бояться этой самой чумы! — отвѣчалъ онъ мнѣ, закуривая свою трубку — носогрѣйку: — Она нашего брата-заамурца не беретъ! Я ужъ не разъ ночевалъ съ китайцами, которые въ скорости подошли отъ чумы, а мнѣ хоть-бы что! Не надо только бояться! Главное — утромъ и вечеромъ на ночь выпить по стаканчику перцовки! Тогда никакая чума не пристанетъ и сама убѣжитъ подальше! Русскаго человѣка никакая азіатская хвороба не возьметъ! Это я тебѣ вѣрно говорю, потому самъ испыталъ и знаю! Такъ какъ-же, значитъ ты и взаправду не пойдешь? Ну, Богъ съ тобой! Пойду я одинъ! Семи смертямъ не бывать, а одной не миновать!

Сказавъ это, старый заамурецъ нахлобучилъ на голову рваную рысью шапку, попрощался и, со словомъ „Будь здоровъ!“, вышелъ на дворъ, гдѣ крутила метель и шумѣла, обступившая поселокъ, тайга.

Послѣ этого прошло около мѣсяца. Ввиду наступленія оттепели, чума пошла на убыль и штабомъ Заамурскаго округа было сдѣлано распоряженіе, уничтожить очаги заразы въ непосредственной близости къ КВЖД.

Какъ начальникъ охотничьей команды З Бригады, я получилъ предписаніе, обслѣдовать таежный районъ къ сѣверу отъ ст. Ханьдаохецы на сто километровъ и уничтожить всѣ фанзы звѣролововъ, гдѣ будутъ обнаружены трупы чумныхъ.

Взявъ съ собой десять самыхъ надежныхъ развѣдчиковъ заамурцевъ, я выступилъ съ ними на сѣвер, намѣреваясь обойти всѣ долины рѣкъ, впадающихъ къ востоку въ Муданцзянъ и къ западу въ Майхэ.

Продуктов мы взяли с собой только на недѣлю, а в дальнѣйшем предполагали питаться охотой на звѣря.

Обширный раіон этот, площадью в 1.000 кв. километров, представляет собой горную страну, наполненную съверною оконечностью хребта Лао-элин с его западными и восточными отрогами. Как главный становой хребет, так и его отроги покрыты были сплошными дремучими лѣсами, носящими у мѣстного населенія название Шу-Хай, т. е. Лѣсное Море. Этот край представлял собой дикую лѣсную пустыню, гдѣ ютились только по берегам горных ручьев и рѣчек убогія фанзы звѣроловов, золотоискателей и хунхузов. Единственными путями сообщенія были рѣдкія тропы, соединяющія эти фанзы с долинами Сунгари и Муданцзяна. На этих тропах через горные перевалы стояли кумирни и божницы, воздвигнутыя в честь Великаго Духа гор и лѣсов; здѣсь приносились жертвы этому божеству, иногда человѣческія, в случаѣ нарушенія древняго, как сама тайга, закона пустыни.

Эта экспедиція заняла полтора мѣсяца; втече-
ніе этого времени мы обошли почти всѣ фанзы раіона, осмотрѣли их и, в случаѣ обнаруженія трупов, сжигали вмѣстѣ с трупами и всѣмъ содер-
жимым. Протесты хозяев фанз, звѣроловов, не имѣли никакого значенія. Опасаясь мести с их сто-
роны, при содѣйствіи хунхузов, мы принуждены были принимать необходимыя мѣры предосторож-
ности, в видѣ сторожевого охраненія, развѣдки и тактических пріемов походнаго движенія. Благодаря этому мы успѣшно выполнили свою задачу, преду-
преждая всѣ попытки хунхузов застать нас врас-
плох, с цѣлью внезапнаго нападенія. Нѣсколько раз нас обстрѣливали издалека, боясь открытаго нападенія, но заамурцы даже не отвѣчали на эту диверсію.

Всего было осмотрено около ста фанз, из них половина была уничтожена огнем. Само собой разумеется, в фанзах мы никогда не останавливались на ночлег, предпочитая располагаться в палатках среди леса.

Не буду описывать здесь всех наших странствований по горам и лесам этого дикого пустынного края, хотя за это время было много интересных встреч, случаев и эпизодов, достаточных для составления целого тома захватывающих приключений в духе Фенимора Купера и Майн-Рида.

В настоящем очерке я хочу поделиться своими впечатлениями, сохранившимися в моей памяти, не смотря на многолетнюю их давность.

Совершая передвижение по звёровым тропам, из предосторожности, мы пускали вперед собак-лаек, за ними шел дозор из трех человек и только в 400-х шагах сзади двигался весь отряд, имевший в тылу особый задний дозор.

Начиная фанзу, людей или зверя, собаки лаем предупреждали передовой дозор, который шел вперед, для выяснения причин тревоги. В случае обнаружения засады, весь отряд располагался в боевой порядок и наступал цепью; задний дозор служил резервом, на случай обхода противника.

Зная нашу боевую готовность, хунхузы ни разу не отважились вступить с нами в открытый бой.

В данном случае собаки были незаменимыми разведчиками, представляя собой глаза, уши и нос всего отряда! Без них навряд-ли мы выполнили свою задачу, а может быть и весь отряд был бы уничтожен превосходными силами хунхузов! В начале похода у нас было восемь собак, но домой вернулось только четыре, остальные были убиты кабанами и тиграми.

Однажды, идя по звёровой тропе в долине реки Тутахезы, мы услышали далёкий лай наших

четвероногих друзей. Дозор немедленно двинулся вперед и мы, прибавив шагу, почти бѣгом последовали за ним.

День был ясный солнечный; снѣг размяк и таял, образуя лужи во впадинах и углу碌еніях тропы; ноги скользили, затрудняя движение.

Вскорѣ лай прекратился; очевидно дозор был уже на мѣстѣ и собаки успокоились.

Через полчаса мы вышли из лѣса на поляну, посреди которой находилась большая фанза старого звѣролова Литая, в которой я не раз ночевал во время прежних охот. Около фанзы стояли наши дозорные; собаки вертѣлись тут-же у их ног, не смѣя приближаться к постройкам. Не лишняя предосторожность, так как, соприкасаясь с чумными, они могли быть носителями заразы.

Подробный осмотр фанзы и ея хозяйственных пристроек выяснил ея зачумленность. Сам хозяин Литай лежал у порога своего жилища, с несомнѣнными признаками смерти от чумы, или „Черной немочи“, как ее называют китайцы. Лицо старика, с открытыми глазами, в которых выражался предсмертный ужас, было искажено гримасой; открытый рот с закусенным черным языком был окровавлен и чернобурая пѣна вытекала из него на снѣг, пропитывая его насквозь до земли. Сухія жилистые руки его были судорожно скрючены.

Отташив старику в сторону, мы зашли в фанзу и были поражены открывшимся перед нами зрѣлищем: на канах, в позѣ невѣроятных мук, лежал труп бородатого человѣка, по всѣм признакам русского. Всмогрѣвшись в его черты, я узнал в нем своего пріятеля старого охранника Козлова, приглашавшаго меня как-то на охоту.

Заамурцы сняли папахи и крестясь произносили:
— Упокой Господи душу усопшаго раба Михаила!

Лицо его почернѣло, но было спокойно; как будто-бы глубокая дума мучила его в момент смерти.

Сзади фанзы находился большой сарай. Дверь его была заперта на замок.

Пришлось сломать ее, чтобы осмотрѣть внутренность.

Каково-же было наше удивленіе, когда мы нашли там, кромѣ различных мѣхов и шкур звѣрей, туши большого тигра, убитаго вѣроятно Козловым.

Из предосторожности, мы ни к чему не прикасались руками и, закрыв сарай, вернулись к фанзѣ, чтобы приступить к ея сожженію.

Палками, вырубленными в лѣсу, мы перетащили труп старика в фанзу и, закрыв плотно ея дверь, подожгли ее со всѣх сторон.

Когда огонь разгорѣлся и перебросился на сарай и другія пристройки, фанза представляла собой огромный костер. Языки пламени, вздымаясь кверху, лизали вѣтки могучаго кедра, у подножья котораго виднѣлась небольшая божница, с изображеніем Великаго Духа гор и лѣсов. Она также сгорѣла, как и старый великан кедр, под сѣнью котораго ютилась фанза. Заамурцы выражали желаніе забрать с собой дорогія шкурки соболей и бѣлок, хранившіяся в сараѣ, но я воспротивился этому, также, как и спасенію тигра, котораго легкомысленные мои подчиненные намѣревались вытащить из сарая.

В очистительном огнѣ погибло все, без остатка, и на мѣстѣ том, гдѣ стояла фанза звѣролова Литая, осталась груда камней и пепла, развѣваемаго вѣтром таежной пустыни.

Смотря на это пепелище, я вспомнил Козлова и его приглашеніе на охоту и невольно содрогнулся при одной мысли, что и меня ждала та-же участъ. Черная смерть была безпощадна, убивая каждого, попавшаго к ней в лапы. Домой вернулись мы раннею весной, когда среди желтой травы на простиралиах солнопеков зацвѣли голубые подснѣжники.

НА ПАЛУБЪ ПАРОХОДА.

В 1922 г. правительство Великобританіи рѣшило вывезти всѣх русских эмигрантов из Индіи и Месопотаміи во Владивосток, чего для был приспособлен бывшій австрійскій пароход „Франц Фердинанд“. Всѣх бѣженцев было до двух тысяч человѣк. Женщины и дѣти размѣщены были в каютах, а мужчины в трюмах.

Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, в трюмах стояла нестерпимая жара и большинство пассажиров располагалось на палубѣ, созерцая безпредѣльную водную гладь, изрѣдка оживляемую появленіем встрѣчных пароходов, китов, дельфинов и многочисленных мелких островов, разбросанных группами в сѣверной части Индійскаго Океана.

Чѣм ближе мы подходили к экватору, тѣм жарче становился воздух и сильнѣе аромат цвѣтуших берегов тропической Азіи, мимо которых, шумя своими мощными винтами, проносился наш пароход, наполненный человѣческим грузом.

В видѣ конвоя, нас сопровождал отряд „Шотландских Королевских стрѣлков“, в своих оригинальных юбочках, с голыми колѣньями и в шапках-пирожках, одѣтых на бекренъ. Эти стройные молодцы ежедневно в вечерніе часы услаждали наш слух игрою на волынках при исполненіи военной „Зари“.

Как только смолкали звуки шотландской волынки и послѣдній аккорд вечерней „Зари“ сливался с шумом набѣгавших волн, в просторах Индійскаго

Океана раздавались торжественные звуки русского национального гимна „Боже, Царя храни!“ Они неслись в безбрежную его даль, будили далекое эхо и замирали в скалистых берегах островов, полудикие обитатели которых в изумлении прислушивались к этим звукам, всматриваясь в морскую даль, где сверкали огни убывающего парохода.

В одну из таких душных тропических ночей, я лежал на палубе и смотрел в темное небо, по которому протянулся светлый пояс Млечного Пути и сверкали южные созвездия. Вдали темнели гористые берега Малакки и в чащах ея диковинных лесов мерцали красноватые огни.

— Вы не спите? — услышал я рядом с собой тихий голос.

Приподнявшись на локтѣ, я старался разсмотреть своего сосѣда, но кроме бледного лица и сверкающих в темнотѣ глаз, ничего не мог разобрать.

— Простите, что я так безцеремонно нарушил ваш покой! — продолжал он: — Но видя в вас интеллигентного человѣка, уверен, что вы меня поймете и простите мою без tactность!

Я выразил ему свою готовность вести бесѣду и для поощрения увѣрил его, что мнѣ также не спится.

— Вот и хорошо! сказал он, закуривая папиросу, при чем я увидѣл блеснувшую эмаль Георгиевского креста на его груди, и вспомнил мрачного полковника артиллеріи среди месопотамцев, присоединившихся к нам в Бомбѣ.

— Знаете-ли, — продолжал он: — родные мотивы русского гимна навѣяли на меня грустныя воспоминанія и я опять нахожусь под влиянием пережитаго. Дикая неудержимая жажда мести овладѣвает мнѣ! Сказав это, мой сосѣд уставился на меня своими немигающими черными глазами, в которых свѣти-

лась какая то стихійная сила и рѣшимость. Такіе глаза, думалось мнѣ, должен имѣть гипнотизер, фанатик или звѣрь.

Помолчав немного и проводив глазами яркіе огни встрѣчнаго парохода, он заговорил снова:

— Должен вам сказать, что в началѣ революціи я с женой жил в Харьковѣ. Пришли большевики. Начались обыски, аресты и разстрѣлы. В послѣднюю ночь, перед приходом бѣлых, к нам на-грянула ватага матросов.

Начался допрос, а затѣм обыск. У меня в столѣ нашли анненскій гемлик и, узнав, что я офицер, хотѣли тут-же разстрѣлять, но просьбы и мольбы жены отвлекли их вниманіе от меня и они начали приставать к ней, дѣля гнусныя предложенія, не стѣсняясь моим присутствіем. Один из них даже разорвал платье на ея груди. Это было уже сверх моих сил и, рванувшись вперед, я выхватил револьвер у одного из матросов. Они бросились на меня, желая обезоружить, но я успѣл выпустить весь барабан из нагана и убил троих негодяев, остальные повалили меня на пол и началось избіеніе. Вскорѣ я потерял сознаніе и смутно помню отчаян-ный крик жены, призывающей на помощь.

Очнулся я только к вечеру и, придя в себя, стал осматриваться. Все тѣло мое болѣло от побоев, лѣвая рука была сломана. Кое как, с помощью зубов я зажег спичку и при ея тусклом свѣтѣ увидѣл кошмарную картину. Труп моей жены, совершенно обнаженный и истерзанный, с явными признаками гнуснаго насилия, лежал на полу. Я уцѣлѣл только благодаря тому, что люди звѣри сочли меня мертвым и, совершив свое неслыханное злодѣяніе, удалились. Что было дальше, я не помню, т. к. заболѣл психическим разстройством и помѣщен был в госпиталь Краснаго Креста, с приходом Бѣлой Арміи.

Нескоро я оправился. Только через мѣсяц я пришел в себя и поступил в Добровольческую Армію. Однажды мною был захвачен матрос, которого я сразу узнал по шраму на лицѣ. Он участвовал в убийстве жены. Узнав меня, он сразу понял, что пощады ему не будет. До этого он запирался и врал самым наглым образом, а затем сразу измѣнил тактику и, обращаясь ко мнѣ, прокричал:

— А знатно мы тогда расправились с твоей красавицей-женой, Ваше Благородіе!... в его безумном взорѣ видна была звѣриная злоба и бѣшенство.

Он хотѣл сказать еще что-то, но я не дал ему договорить и тут-же раскроил ему череп ударом рукоятки револьвера. Падая и обливаясь кровью, он все ещеплощадно банился и богохульствовал, пока моя пуля не прикончила его гнусную жизнь.

С той поры я почувствовал, что психика моя измѣнилась, равно как и самое міровоззрѣніе. Я как- будто прозрѣл и увидѣл то, чего раньше не замѣчал вовсе!

Послѣ этого прошло нѣсколько минут обояднаго молчанія. Сосѣди наши крѣпко спали, убаюканные мѣрным покачиваніем парохода.

Мимо нас проплывали темные силуэты фантастических островов. Море євѣтилось и лучи таинственного Зодіака мерцали в глубинѣ звѣздного неба. Гребни волн с шумом плескались в борт парохода, и, разбиваясь о его богатырскую грудь, шипя и клубясь отбѣгали назад.

Гдѣ-то вблизи слышалось тяжкое дыханіе кита и удары его ластов о водную поверхность.

Выкурив папиросу, мой собесѣдник бросил окурок за борт и, обернувшись ко мнѣ, заговорил снова:

— Теперь скажите мнѣ откровенно, кто стоял во главѣ россійской смуты и революці? Кто вдох-

новлял и натравливал темный русский народ на убийства, грабежи и неслыханные жестокости? Кто убил Столыпина, Александра II и Николая II со всей царской семьей? Кто систематически уничтожал элиту русской интеллигенции? Кто, подкупив печать и прессу, разлагал эту самую интеллигенцию, чтобы легче овладеть народом и взять власть в свои руки?.. Скажите, имел ли я право питать непримиримую ненависть к коммунистам, виновным в гибели России и в частности в гибели моей жены? Имел ли я законное нравственное право на месть? — Сказав это, мой собеседник умолк и уставился на меня своими выпуклыми немигающими глазами.

Я молчал, не находя подходящего ответа и стараясь уяснить себѣ глубокий смысл и идею всего сказанного.

— Вы молчите! — проговорил он упавшим голосом: — Тогда нам с вами говорить больше не о чем! — С этими словами он повернулся ко мнѣ спиной и затих, может быть заснул.

Я долго еще ворочался с боку на бок, обдумывая слова этого, убитого судьбой, человека, и думалось мнѣ, что в России таких людей миллионы и скрытая месть их будет по истинѣ ужасна и вероятно логична и справедлива.

Теплое море между тѣм искрилось голубоватым светом и дышало неведомыми ароматами тропиков.

ЗАТЕРЯННЫЙ В ОКЕАНѢ.

— Вы слышали когда нибудь про Русского Робинзона? — проговорил мой знакомый, усаживаясь рядом со мной на скамейкѣ Викторія род' в Бомбеѣ, под густой тѣнью широколистых фікусов.

— Если не слыхали, то я Вам разскажу! — продолжал он, закуривая папиросу. — Это очень интересная исторія, которая может случиться в настояще время только с русским эмигрантом, затерянным на своем утлом челнокѣ в пучинѣ моря житейского. Я слышал ее от самого героя, которого как то встрѣтил в Сингапурѣ, при посадкѣ на пароход, отправлявшійся в Европу. Нас помѣстили в одну каюту, и как обыкновенно бывает в таких случаях, пассажиры быстро знакомятся и даже сближаются, по крайней мѣрѣ на время совмѣстного путешествія.

Мой компаніон был еще не старый, крѣпкій мужчина, высокаго роста, с копною черных сѣдѣющих волос на головѣ. Правильныя черты лица, большіе печальные глаза с синими бѣлками, кудрявая бородка и смуглый цвет кожи изобличали в нем представителя одной из южных рас арійского племени, испанца, грека или индуза. Но, каково-же было мое удивленіе, когда он заговорил со мной на чистѣйшем русском языкѣ и оказался настоящим украинцем из Екатеринослава, гдѣ он родился, окончил гимназію и поступил в Кіевскій Политехникум. Имя и отчество его я уже забыл, но фамилія его была самая заурядная, Кравченко.

В началѣ он показался мнѣ очень странным и даже мрачным пассажиром. Был очень молчалив, угрюм и имѣл порывистыя, дикия манеры. Иногда же, ни с того, ни с сего, конфузился, уходил в себя и обнаруживал еще другія ненормальности, не свойственныя культурному человѣку.

Объясненіе всему этому я нашел впослѣдствіи, но тогда меня все это поражало, коробило и даже заставляло насторожиться.

Узнав во мнѣ одноплеменника, да еще земляка, он совершенно измѣнился, стал разговорчив оживлен и даже весел.

Мы с нимѣхали вмѣстѣ до Бомбея, гдѣ я оставил пароход, а он отправился дальше, в Европу, гдѣ его ждали родные.

За это время мы с ним сошлись и даже подружились и он повѣдал мнѣ всю свою грустную исторію, или роман, в котором он играл роль главнаго героя. В началѣ исторія его не отличалась от сотен, а может быть тысяч других, подобных ей, но, впослѣдствіи, судьба сыграла с ним злую шутку, подвергнув его жизнь таким испытаніям и ударам, от которых человѣк обыкновенно погибает.

Но здоровье душевное и тѣлесное и хохлацкое упрямство выдержали всѣ эти жизненные невзгоды и спасли молодого человѣка от гибели, повидимому неизбѣжной.

Послѣ эвакуаціи Бѣлых Армій, Кравченко, с одним своим другом, тоже студентом политехником, попал в Голландскую Индію, гдѣ устроился случайно в торговой фирмѣ, в городѣ Батавіи, на Явѣ. Фирма эта занималась скупкой кокосовых орѣхов и копры (жмыха кокосовых орѣхов) и перепродажей этих продуктов голландским купцам. В распоряженіи фирмы находились парусные и паровые шкуны, которые обходили многочисленные острова Малайскаго Архипелага и забирали у жи-

телей кокосы и копру, мѣняя их на различные товары и продукты европейской индустріи.

Шкуны эти, находясь в плаваніи в продолженіи двух, трех мѣсяцев, на востокѣ доходили до Австралии, а на западѣ до островов Никобарских. Так как в тѣх морях Южной Азіи до сих пор еще существует пиратство, то шкуны эти вооружены орудіями, а экипаж пулеметами, но пираты дѣйствуют обыкновенно хитростью и стараются окружить свою жертву многочисленными лодками, снабженными абордажными лѣстницами. Часть этих лодок обыкновенно погибает, а уцѣлѣвшія берут шкуну на абордаж, в рукопашную. Пиратскія шайки комплектуются всегда из преступнаго элемента среди подонков населенія больших портовых городов Южнаго Китая, Индо-Китая и островов Голландской Индіи. Преобладающій элемент среди пиратов - китайцы и малайцы. Эти разбойники морей отличаются жестокостью, кровожадностью и корыстолюбием. Это особый преступный мір, который управляетъся своими законами обычнаго права. Существуют они только благодаря попустительству и продажности мѣстных туземных князьков и экзотических властителей.

Завладѣв торговою шкуной, пираты грабят ее, забирая все цѣнное; экипаж выбрасывается в море, а судно пускается ко дну. Только изрѣдка, для пополненія рабочих рук на своих джонках, сильные люди из экипажа забираются в качествѣ гребцов на джонках, причем их обыкновенно приковывают к скамьям, где они вскорѣ гибнут от изнуренія, жары и плохого питанія, тогда трупы выбрасывают за борт в пищу акулам, которые поэтому всегда следуют за джонками пиратов.

Наши герои, наскучив сидѣть в душной конторѣ за приемкой вонючей копры, рѣшили испытать счастье в открытом морѣ и перешли на службу на одну из шкун, ходивших за кокосами через

Зондское море, до островов Молуккского архипелага. На шкунѣ они были механиками и машинистами, т. к. Киевскій Политехникум снабдил ихъ значительными практическими знаніями и подготовкой.

Все было прекрасно. Шкуна совершила свой очередной обход крупныхъ и мелкихъ острововъ и прошла уже благополучно Бали, Ломбок, Сумбаву, Флорес и Тимор, и вошла въ опасное море Банда, гдѣ пираты особенно дѣятельны, благодаря отдаленности этого района отъ военныхъ базъ европейцевъ.

Имѣя хорошее вооруженіе и надежный экипажъ, состоявшій на половину изъ европейцевъ, капитанъ шкуны не опасался пиратовъ и смѣло начал обход острововъ Тенимбер, лежащихъ къ сѣверу отъ острова Тиморлаутъ.

На Тиморѣ голландская администрація предупреждала его о скопищахъ пиратовъ въ проливѣ Уоллеса, но онъ не обратилъ на это никакого вниманія и вошелъ въ проливъ, устьянный подводными рифами, между которыми шкуна медленно пробиралась, изъ опасенія наткнуться на камни и получить пробоину.

Въ этихъ рифахъ шкуну застала ночь, чудная тропическая ночь, насыщенная сіяніемъ яркихъ звѣздъ и великолѣпнаго Южнаго Креста. Море горѣло и блистало; масса голубовато - бѣлаго свѣта виднѣлась сзади кормы, это миллионы микроскопическихъ животныхъ, спокойный сонъ которыхъ потревожилъ бѣгъ корабля. На горизонтѣ вспыхивали зарницы, это отдаленные отблески тропическихъ молний.

Весь экипажъ былъ на палубѣ и любовался красотой ночи.

Вдругъ среди тишины раздался характерный шорохъ, исходившій изъ подъ кузова шкуны, затѣмъ заглушенный трескъ и медленный ходъ судна прекратился.

Шкуна стала, какъ вкопанная.

Сомнѣній не было, судно сѣло на подводный риф.

В первое мгновеніе всѣ застыли в недоумѣніи, но вскорѣ на шкунѣ закипѣла работа. Осмотр трюмов выяснил, что пробоины нѣт, только сорвана наружная обшивка. Капитан рѣшил дождаться утра и отпустил всю команду спать, оставив только одного вахтенного на палубѣ.

Очевидно за шкуной уже давно слѣдили пираты и, как только она вошла в рифы, они окружили ее со всѣх сторон на своих джонках и без огней подошли к ней вплотную.

Вахтенный замѣтил их только тогда, когда они шли полным ходом на шкуну и были на разстояніи нѣскольких десятков метров ..

Тревожный свисток вахтенного почти слился с оглушительным криком и воем пиратов, ринувшихся по абордажным лѣстницам с обоих бортов шкуны на палубу.

Экипаж, застигнутый врасплох, все же не растерялся и встрѣтил нападающих залпом из винтовок и револьверов, но затѣм началась рукопашная схватка; пошли в ход ножи и малайскіе криссы. Экипаж шкуны, состоявшій из двадцати человѣк, конечно был перерѣзан разбойниками в нѣсколько минут и шкуной завладѣли пираты. Из всего экипажа уцѣлѣло только четыре человѣка, между ними оба наши соотечественника, т. к. находились запертymi в машинном отдѣленіи. Так как среди пиратов была большая убыль убитыми и ранеными, всѣх плѣнных оставили в живых и перевели на одну из джонок в качествѣ гребцов, причем сейчас-же приковали их к скамьям за одну ногу ближайшую к борту.

К утру грабеж шкуны закончился, она была подожжена и вскорѣ запылала, как костер, со всѣми убитыми и ранеными, взывавшими о пощадѣ. Наши

земляки были прикованы к одной скамьѣ, чему конечно были очень рады. Послѣ этого им пришлось этот каторжный труд галерников нести в теченіи двух мѣсяцев и участвовать во всѣх походах пиратов и грабежах купеческих судов между Целебесом и Новой Гвинеей.

Работа истощала их силы, отдохать было некогда, спать приходилось сидя. Кормили плохо протухлою рыбой и рисом; воду давали рѣдко и то грязную, вонючую. Через два мѣсяца пираты рѣшили идти в свою базу, находившуюся в лабиринтѣ рифовых островов, между островом Церамом и Минданао. Всѣх галерников, находившихся на джонках, выбросили в море акулам, а наших друзей почему-то пощадили. Может быть потому, что они были русскіе, а в понятіи пиратов русскій и большевик - синонимы. Питая-же заочную симпатію к большевикам, они рѣшили даровать русским свободу и предложили им небольшую прорыянленную лодку, для путешествія на Целебес, до которого было не менѣе двухсот километров.

Это была уже большая милость со стороны разбойников, им не присущая. Захватив с собой немного воды и мѣшечек рису, наши „сиromахи“ отправились на закат солнца, к острову Целебес, имѣя смутную надежду достигнуть его на утлой лодченкѣ.

Первые два дня они шли на веслах. Море было, как зеркало и они подвигались довольно быстро, но на третій день встрѣтили сильное морское теченіе, относившее их в открытый океан, к сѣверу. В концѣ концов они бросили весла и предоставили себя провидѣнію. Их несло со скоростью 20 километров в час, и через три дня на горизонтѣ показался силует небольшого скалистаго острова, к которому несло их теченіем. Взяввшись опять за весла, они к вечеру того-же дня пристали к этому острову и высадились на нем, благодаря судьбу за

свое спасение. Переночевав на берегу, на другой день они отправились изслѣдовать остров, предварительно спрятав свою лодку в разсѣлинѣ скалы.

В теченіе одного часа сні обошли весь остров. Он оказался необитаемым. В центрѣ его возвышались скалы, высотою до 30 метров. Берега также были скалисты и во многих мѣстах круто обрывались в море. В трещинах скал и застывшей лавы образовалась роскошная тропическая растительность, а в центрѣ выросла густая роща из кокосовых и банановых деревьев, под прикрытием отвесных скал и базальтовых столбов. Из птиц на островѣ обитали только дикие голуби, гнѣздавшіеся в скалах, а из пресмыкающихся—ящерицы вараны, достигавшіе саженной длины. Всѣ эти дикие обитатели совершенно не боялись человека и не убегали от наших друзей, когда они обозрѣвали свои влагѣнія.

Судя по всему, на островѣ люди жили в очень отдаленные времена и от них остались слѣды, в видѣ кокосов, бананов и других плодовых деревьев.

На одном из стволов кокосовой пальмы были вырѣзаны инициалы „А. М.“ и дата „1896“. Очевидно здѣсь побывали европейцы и оставили по себѣ память.

Наши соотечественники также вырѣзали ножами свои инициалы и дату на русском языкѣ „в наизданіе потомству“, как говорил Кравченко.

Остров этот лежал в сторонѣ от морских путей и не посѣщался мореходами.

Наши злосчастные мореплаватели, хотя и были довольны и счастливы своим спасеніем, но судьба не сулила ничего хорошаго в будущем т. к. у них не было никакой надежды, выбраться из этой золотой клѣтки на волю.

Прѣсную воду они нашли в изобиліи в расщепленіях скал. Пища была обеспечена всевозможными

плодами и ягодами, а также множеством голубей и ящериц. Кроме того, океан имел неистощимый запас пищи, в видѣ рыбы, раков, устриц, червей, каракатиц и морских черепах, нерѣдко посѣвших остров, во время своих периодических странствованій.

Пираты были настолько благородны, что оставили нашим друзьям необходимые предметы домашняго обихода, орудія ловли и инструменты, взятые ими с ограбленной шкуны; даже снабдили их компасом, но оружія никакого не дали, кроме больших ножей и топоров.

В началѣ, пока у наших пріятелей были спички, они легко разводили костер и готовили себѣ пищу, но впослѣдствіи, когда спички были израсходованы, они принуждены были добывать огонь примитивным способом, т. е. посредством быстраго вращенія сухой палки в отверстіи гнилого сучка дерева. Этот процесс требовал большой затраты времени, энергіи и терпѣнья и представлял собой настояще мученіе для неопытных отшельников, но впослѣдствіи искусство это было ими постигнуто и огонь добывался в теченіи одной минуты. Голубей, свою основную пищу, они ловили силками, а варанов убивали топорами, причем нерѣдко ящерицы обороняясь наносили им сильные удары хвостом по ногам, причиняя глубокія раненія.

Жилищем нашим Робинзонам служила пещера в центрѣ острова, глубиною до десяти метров. Они ее оборудовали и привели в порядок, придав уют и комфорт своей „хатѣ“, как называл ее Кравченко.

Так проходили дни, недѣли и мѣсяцы и ничто не измѣнялось в монотонной жизни невольных затворников. Они подолгу иногда сидѣли на крутом берегу своего острова и смотрѣли в туманную даль океана, в надеждѣ увидѣть силует парохода, пирогу туземцев или даже джонки пиратов, но безбрежный простор океана был все также пустынен и на остров

бѣжали все тѣ-же пѣнистые гребни волн и шум морского прибоя рокотал, напѣвая свою вѣчную пѣсню.

Вначалѣ они разводили большіе костры на скалах, в надеждѣ обратить вниманіе мимоидущих судов, но потом бросили это дѣло, как бесполезное. Для учета времени они завели себѣ особый календарь на стволѣ пальмы, причем каждый день отмѣчался зарубкой; таких зарубок у них набралось уже болѣе двухсот и конца своему пребыванію на островѣ они не видѣли. Потеряв всякую надежду на освобожденіе, наши молодые люди рѣшили проявить инициативу и, наперекор судьбѣ, попробовать самим выбраться на свѣт Божій. Для выполненія этого рѣшенія, они соорудили огромный плот из бамбуковых стволов, связав его крѣпкими стеблями ротанга. На лодку они не разсчитывали, т. к. от времени она пришла в совершенную негодность и послѣдній тайфун, разразившійся над островом, разбил ее совершенно. Имѣя весла и парус, в видѣ сшитых вмѣстѣ старых рубах, они предполагали добраться, если не до большого населенного острова, то хотя бы до какого нибудь человѣческаго жилья.

Уложив на плот всѣ свои пожитки и захватив с собой запас пищи и воды в тыквенных бутылках, они тронулись в путь, направляясь по компасу к юго-востоку, разсчитывая достигнуть одного из островов Моллукского архипелага.

На скалистом островкѣ, названном ими „Остром Спасенія“, они прожили около года. По словам Кравченко, им все-же было жалко разставаться с этим прекрасным уголком, давшим им пріют, пищу и убѣжище.

Не смотря на всѣ невзгоды и испытанія послѣдняго времени, они с грустью и сожаленіем смотрѣли в даль, гдѣ исчезали в туманной мглѣ темныя очертанія одинокаго острова, затеряннаго в безбрежной пустынѣ океана. Они были довольны и пре-

исполнены молодой отваги, надѣясь на лучшее будущее, и не предвидѣли всѣх трудностей пути и грозных опасностей, подстерегавших их ежеминутно. Погода им благопріятствовала и первые три дня плаванія прошли благополучно, но на третій день под вечер на горизонтѣ показалось небольшое черное облачко и поверхность океана подернулась рябью. Эта „Дрожь океана“, как говорят моряки, всегда предшествует бурѣ. Не прошло и часа, как небо потемнѣло, загремѣл гром, сверкнули молніи и порывистый шквал, вздымая гигантскія волны, налетѣл ураганом на наших аргонавтов и их неустойчивое суденышко, трещавшее по всѣм швам и готовое развалиться, под ударами набѣгавших валов. Мачту с рубашечным парусом снесло моментально, а за нею и все то, что было на плоту, не смотря на крѣпкія веревки из ротанга, которыми всѣ вещи были привязаны.

Кравченко и его друг, крѣпко уцѣпившись друг за друга, еле удерживались на плоту, ставшем игрушкою разъяренных волн и готовым перевернуться и похоронить под собою злополучных мореходов.

Здѣсь, на краю гибели и видя перед собою неминуемую смерть, молодые люди вспомнили Бога и горячая молитва их неслась к Престолу Всевышняго. Они никогда не молились с таким усердіем и вѣра их никогда не была так сильна, как в эту трагическую минуту, когда зіяющая темная бездна океана готова была поглотить в своем страшном зѣвѣ. Под напором волн, скользкіе стебли ротанга начали ослабѣвать и бамбуковый плот постепенно стал расползаться. Наши пловцы замѣтили это, но были безсильны помочь бѣдѣ; они с ужасом видѣли свою гибель и рѣшили встрѣтить смерть вмѣстѣ, в объятіях друг друга.

Буря, как будто, начала утихать, но волны еще с большою яростью падали на плот, разбивая послѣднія скрѣпы.

Видя, что плата уже не существует, друзья привязали себя ротангами к бамбуковым стволам, связанным попарно, бросились волны и поплыли рядом, стараясь держаться вмѣстѣ, что было чрезвычайно трудно, т. к. набѣгавшія гряды высоких валов стремились их раздѣлить. Тогда они связали свои бревна ротангами, но и это не помогло дѣлу. Вскорѣ набѣжавшая волна, порвав всѣ скрѣпы, отдѣлила их друг от друга и, не смотря на всѣ их усилия, унесла в разные стороны. Вначалѣ они перекликались друг с другом, а потом звуки их голосов ослабѣли и затерялись в шумѣ волн и ревѣ бури. Кравченко остался один среди бушующих волн океана, привязанный к бамбуковым стволам.

Буря стихла и темная тропическая ночь окутала океан. Яркія звѣзды загорѣлись в небѣ и волны окрасились голубоватым свѣтом морских инфузорій.

Кравченко не мог помириться с мыслью, что он потерял своего друга и крикнул, что было силы, назвав его по имени, но голос его едва был слышен в шумѣ океана и остался без отвѣта. Он понял тогда, что стал совершенно одиноким в безбрежном просторѣ и горькія слезы потекли из глаз его. Он плакал о своем безсиліи, о потерянном другѣ и не стыдился слез этих, т. к. видѣли их только глубокое темное небо, и яркое созвѣздіе Южнаго Креста, блиставшее в зенитѣ.

Плыя на утлом бревнѣ, Кравченко чувствовал, что силы его слабѣют и непреодолимый сон овладѣвает его сознаніем. Он знал, что сон этот незамѣтно перейдет в смерть и тогда наступит та блаженная „Нирвана“, о которой говорили ему буддисты.

Физическая и нравственная усталость дѣлали свое дѣло и Кравченко, в концѣ концов, впал в то психическое состояніе, когда человѣк становится равнодушен к себѣ самому и ко всему окружаю-

щему. Он впал в забытье. Но смерть видимо еще не пришла за ним. Ему не суждено было погибнуть в волнах океана.

Он очнулся только на следующий день и пришел в себя на отлогом песчаном берегу небольшого кораллового острова. Он лежал навзничь, рядом с бамбуковым бревном, к которому был привязан. Вокруг него на песке, наполовину выставившись из воды, лежало еще несколько таких же бревен, остатки их злосчастного плота.

При виде этих бревен, у Кравченко в мозгу мелькнула мысль о том, что друг его также прибит волнами к берегу, как и он; но, послѣ тщательных поисков, он убѣдился в неосновательности своей надежды. Сомнѣній не было, его друг погиб в пучинѣ океана.

Первое время он был так слаб, что не мог держаться на ногах, но, проспав еще час, другой, он настолько окрѣп, что имѣл возможность в полчаса обойти весь остров.

Это был типичный аттол, т. е. кольцевидный коралловый остров, с тихою морскою лагуной в центрѣ.

На островѣ росли кустарники, и даже деревья, но вид их был печальный, вслѣдствіе избытка солей в почвѣ и отсутствія прѣсной воды.

Жажда, мучившая нашегр героя, заставила его искать воду, но всѣ его поиски не привели ни к чему. Воды нигдѣ не было. Тогда инстинкт подсказал ему, что воду надо искать в растеніях. И дѣйствительно, вскорѣ он нашел особаго вида кактус, содержащій в своих мясистых листьях чистую сладковатую воду. Утолив жажду, он почувствовал голод, но бѣдный органическій мір коралловаго острова ничего не мог дать ему на обѣд. Он принужден был собирать ракушки и морских червей по берегу лагуны и ёл их с большим удовольствіем.

Сколько времени Кравченко пробыл на этом островѣ, он точно не знает, т. к. не вел учет дніем. Он был совершенно изолирован от вѣнчанаго міра и находился всецѣло во власти природы и под ея непосредственным вліяніем.

Всѣ вѣнчанія условности и признаки человѣческой культуры для него не существовали и потеряли всякой смысл. Постепенно он превращался в дикаря, и даже в первобытнаго человѣка, не знакомаго еще со значеніем огня, одежды и орудій добыванія пищи. Одежда его совершенно истлѣла и он ходил голый. Кожный покров его, под вліяніем атмосферных явлений, а также дѣйствія морской воды, настолько огрубѣл, закалился и пріобрѣл черно-бурый цвет, что замѣнил ему в совершенной степени одежду. Волосы головы и борода отросли в длинныя пряди, висѣвшія спереди и сзади косматою гривой.

Опредѣленнаго пристанища у него не было; он отдыхал там, где заставала его ночь, или когда усталость клонила ко сну.

Жизнь вѣнчаныхъ культурныхъ условій, на лонѣ природы укрѣпила и закалила его тѣло до такой степени, что, по его-же словамъ, он мог соперничать с любой обезьяной, в силѣ и ловкости при лазаніи по деревьямъ, и с любой рыбой, при движеніи в водѣ. В началѣ, пока еще он не постиг в совершенствѣ искусства плаванія, он боялся акул и спасался от них, ложась на спину, т. к. при этом положеніи акула не может схватить человѣка; но впослѣдствіи он охотился за акулами, убивая их ударами перочиннаго ножа, единственнаго орудія, оставшагося у него от культурной жизни.

При появлениі большихъ морскихъ черепахъ, он выплывал в океан на нѣсколько километров и там охотился за этими гигантскими пресмыкающимися, пригоняя их к острову десятками. Такимъ образомъ, недостатка в мясе у него не было и питался он

прекрасно сырьими продуктами, не прибегая к огню.

Отсутствие речи сдѣлало то, что он стал забывать свой язык, но потребность проявления голоса, удовлетворялась старанием перекричать шум морского прибоя и рев бури.

Во время тайфуна, когда гигантскія волны переватывались через весь островок, Кравченко бросался в море и там, борясь с прибоем, старался побѣдить стихію и подчинить ее своей волѣ.

Море было его единственным стимулом жизни и источником существования.

Безмятежная жизнь невольного отшельника текла, не нарушаемая никакими эксцессами и треволненіями, вдали от мира забот, суеты, человѣческих дум и стремленій.

По воспоминаніям Кравченко, ему за это время только два раза угрожала смерть. Первый раз он подвергся нападенію огромнаго спрута во время сбора устриц. Моллюск схватил его сзади и моментально обвил своими щупальцами-присосками руки и ноги. К счастью, перочинный нож находился у него в правой руکѣ и он имѣл возможность распороть ему брюшной мѣшок, хотя это стоило ему чрезвычайного напряженія, т. к. руки были почти парализованы стальными объятіями щупалец. Получив смертельную рану, морской хищник отпустил свою жертву и Кравченко выплыл на поверхность, едва не задохнувшись под водой, от недостатка воздуха. Второй случай произошел на самом островѣ в лагунѣ гдѣ, Кравченко ловил трепангов, обшаривая рукой расщелины рифов. В одной из расщелин он ладонью руки напоролся на спинной шип небольшой рыбы, носящей мѣстное название „Ноу“ и научно-Synanceia.

Шип этой рыбы выдѣляет из себя очень ядовитую слизь, которая, попадая в рану, производит опасное отравление всего организма.

В началѣ он не обратил вниманія на этот укол, но через нѣкоторое время воспалилась вся рука и половина тѣла. Жар и боли лишили больного сознанія. В таком состояніи он инстинктивно искал прохлады и ложился в воду; вѣроятно морская вода и охлаждающее ея дѣйствіе уменьшили воспалительный процесс и это спасло Кравченко от смерти, т. к. укол этой рыбы считается обыкновенно смертельным. Отравленіе окончилось злокачественным наривом, от которого наш Робинзон страдал довольно продолжительное время. Крѣпкая натура и закаленный организм справились с этим недугом, не имѣвшим дурных послѣдствій. По словам Кравченко, он находился уже на краю могилы и приготовился было к смерти; но это не тревожило его особенно, т. к. сама жизнь не представляла для него ничего привлекательного.

Находясь в полусознаніи и в бреду, он вспоминал свое раннее дѣтство в украинской деревнѣ и видѣл перед собой картины давно-прошедшаго со всѣми подробностями и деталями, которые уже совершенно изгладились из его памяти. Между прочим, это очень странное явленіе из міра потусторонняго, связанного неразрывно с психикой и духовной дѣятельностью человѣка.

Случай с Кравченко весьма убѣдительно доказал, что человѣк культурный, оторванный от общества себѣ подобных и предоставленный самому себѣ, лицом к лицу с первобытною природой, в самое короткое время сбрасывает с себя всѣ внѣшніе и внутренніе признаки культуры и превращается в первобытного дикаря, со всѣми, присущими ему, положительными и отрицательными качествами.

Он сам говорил мнѣ в минуты откровенности, что, когда на остров случайно зашли пироги с малайцами, с соседних Моллукских островов, он прятался от них, как дикий звѣрь, боясь общества людей, от которых отвык совершенно. Он бѣжал

от людей и бросился в море, ища спасенія в своей родной стихії, но был пойман, связан и взят на пирогу.

Когда его малайцы доставили в Галмагеру, главную голландскую факторію на Моллуках, он тогда только начал приходить в себя, попав в знакомую ему культурную обстановку и в общество, подобных ему, культурных людей. Отсюда он был отправлен в Батавію, где помещен в госпиталь, под особый надзор врачей. Только послѣ тщательного ухода и четырехмесячного пребыванія в санаторіи на Явѣ, Кравченко окончательно пришел в себя и стал снова культурным человѣком. Свое пребываніе на коралловом островѣ он помнит, как смутный сон и оно ему рисуется, как блаженное райское житѣе, далекое от дѣйствительности и реальной жизни современного культурного человѣчества.

Он признавался мнѣ, что его теперь не удовлетворяет эта жизнь в культурных условіях; его тяготит одежда, которую он должен носить, находясь в культурном обществѣ; ему противна пища, которую ему предлагают европейскія кухни; его оглушают голоса людей и шум толпы на улицах городов; он задыхается в душных комнатах-коробках, где живут всѣ культурные люди; интересы культурного человѣка ему чужды и он не находит тем для разговоров с ним; он тоскует по безбрежному простору океана и вспоминает, как былое счастье, свое одиночество. В мозгу этого культурного человѣка, при непосредственном соприкосновеніи с природой и под ея могучим вліяніем, произошли какие-то психологические сдвиги, неподдающиеся анализу и критеріуму чистой науки. В натурѣ человѣческой есть много таинственного и загадочнаго и, без сомнѣнія, к счастью, в ней осталось много здоровых естественных начальных, не заглушенных еще пресловutoю современною культурой.

Кравченко ду́ховными своими очами заглянул в самое лоно матери—природы, в глубину тысяче-літій, когда человѣк не знал еще ничего, кроме борьбы за свое существованіе. В нем заговорили голоса предков! Перед ним открылся новый мір, ничего не имѣючій общаго с тѣм міром, в котором он жил раньше.

По мнѣнію Кравченко, на коралловом островѣ он прожил не менѣе двух лѣт, так что в общей сложности жизнью Робинзона ему пришлось прожить около трех лѣт.

Хотя он и вернулся теперь в культурный мір и, без сомнѣнія, никогда больше не повторит этого опыта жизни на необитаемом островѣ, но все же приключение это, полное опасностей и самых острых переживаній, оставит неизгладимый слѣд не только на его ви́нном обликѣ, но и на его психикѣ, произведя в ней коренную ломку мышленія, взглядов, потребностей и всего міровоззрѣнія.

Он сам замѣтил эти перемѣны в своей натурѣ и не выражает сожалѣнія; только его пугает будущее, омраченное неудовлетворенностью и постоянной тоской о „потерянном раѣ“.

— Я, как Радам — говорил он мнѣ, — вкусили плода от древа познанія, потерял свой рай и вѣчно буду о нем вспоминать!

Голландская фирма, в которой он служил до катастрофы, приняла в нем участіе и, обезпечив его материально, предоставила ему возможность отправиться в Европу, гдѣ нашлись его родные, считавшіе его погибшим, на основаніи офиціального извѣщенія этой-же фирмы о гибели шкуны в проливѣ Уоллеса у острова Тиморлаут.

На мой вопрос, пишет-ли он дневник, или свои воспоминанія, Кравченко отвѣтил:

— Знаете, я думал об этом и даже получил предложеніе от одной издательской фирмы, про-

дать свои мемуары. Но дѣло в том, что я никаких дневников не вел и мемуаров не писал. Всѣ свои воспоминанія, впечатлѣнія и переживанія я не могу изобразить словами, т. к. они слишком слабы по сравненію с дѣйствительностью: их надо самому испытать и пережить. И, кромѣ того, зачѣм все это! Какая цѣль?

Прощаясь со мной перед отъѣздом в Европу и пожимая мнѣ руку, он сказал:

— Я увѣрен, что Европа меня не удовлетворит и что я опять вернусь сюда, в первобытную природу, которая нанесла на меня свою неизгладимую печать, и влечет к себѣ неудержимо.

Дальнѣйшую судьбу этого человѣка я не знаю. Он обѣщал мнѣ писать, но конечно ни одного письма я не получил.

ВО ВЛАСТИ ЗМѢЙ.

— Получив от нью-йоркского музея — так начал свой рассказ мой собесѣдник: — заказ на нѣсколько сот ядовитых змѣй Индіи, Индокитая и островов Малайского архипелага, я отправился из Маниллы в Бомбей, откуда предполагал, объѣхав Деканское плоскогоріе, Цейлон и Бенгалію, высадиться в Сайгонѣ и, поднявшись вверх по Меконгу, спуститься по Красной рѣкѣ в Хайфонг на берегу Тонкинскаго залива.

Ловля змѣй была очень удачна и в Хайфонг, послѣ четырехмесячнаго скитанья по джунглям тропической Азіи, я привез большую коллекцію пресмыкающихся, всего около трехсот экземпляров.

Размѣстив их по ящикам, соотвѣтственно с величиной и породой, я сдал свой груз на пароход, отправлявшійся в Маниллу, откуда он должен был слѣдовать в Сан-Франциско и далѣе в Нью-Йорк, в адрес музея и зоологического сада.

Змѣи были размѣщены в десяти ящиках, забитых наглухо и имѣвших отверстія для протока воздуха, затянутыя желѣзною сѣткой.

Сдав этот груз в адрес моего компаньона в Маниллу, на слѣдующій день я уѣхал на Яву, в Батавію, с цѣлью совершить экскурсію по большим Зондским островам.

Для ловли змѣй, в качествѣ помощника, я взял с собой индуза из Бенгаліи, известнаго ловца и укротителя из секты саніис, которая занимается этим дѣлом с самых древнѣйших временъ.

Сдав груз и получив в пароходной конторѣ квитанцію, я с чистым сердцем и спокойной совѣстю отправился в новую экспедицію, в сопровождении своего помощника, индуза Аджи-Дахака.

Объѣхав Суматру, Яву и Борнео втеченіи двух мѣсяцев, я имѣл уже новую коллекцію змѣй, около двухсот штук. Упаковав их в ящики, я в Батавіи сдал груз на Маниллу с тѣм-же пароходом, которым отправлялся сам.

Аджи-Дахак, сдававшій груз, вручил мнѣ пароходную квитанцію на семь ящиков и получил от меня полный расчет, так как отсюда он возвращался в Калькутту, на свою родину, в джунгли жаркой Бенгаліи. Пароход, на котором мнѣ пришлось ъхать, принадлежал ост-индской голландской компаніи и предназначался для перевозки грузов в предѣлах Зондского моря. Пассажиров на нем было мало и помѣщенія не отличались ни чистотой, ни удобствами, но с этим приходилось мириться, так как другіе, болѣе удобные пароходы, отказывались принимать такіе „опасные“ грузы со змѣями.

Переход до Маниллы наше утлое суденышко совершаєт обыкновенно в двѣ недѣли, с заходом в Сингапур и Сайгон, но, ввиду бурной погоды и встрѣчного вѣтра, через двѣ недѣли мы добрались только до Сайгона, гдѣ простояли с недѣлю, нагружаясь углем и совершая починку.

Как-то на перегонѣ Сайгон-Манилла, желая повѣрить свой живой груз, я спустился в трюм и, при свѣтѣ электрического фонарика, стал осматривать ящики со змѣями, которые, вслѣдствіе качки, оказались разбросанными по всему трюму и три из них были разбиты вдребезги. Я пришел в ужас, при одной мысли, что около сотни самых опасных ядовитѣйших змѣй Суматры и Борнео оказались на свободѣ и расположились по пароходу, угрожая смертью всему живому!

Я знал, что пароходный трюм имѣет щели, через которые змѣи могут проникнуть всюду. Принимая всѣ предосторожности, я осмотрѣл весь трюм и нашел только около тридцати гадин, которых пришлось убить, так как о ловлѣ их нечего было и думать! Остальных я не нашел: онѣ ушли из трюма и расположились по всему пароходу.

Среди освободившихся змѣй были не только огромные кобры, длиною в два метра, но и маленькие древесные змѣйки, толщиною в карандаш и чрезвычайно ядовитыя. Всѣ онѣ были раздражены и злобно бросались на нарушителей их спокойствія.

На пароходѣ видимо еще никто не знал о случившемся, так как прислуга и пассажиры занимались спокойно своим дѣлом и не обнаруживали никакой тревоги.

Капитан парохода, тучный флегматичный голландец, был мною предупрежден, но, сверх ожиданія он не проявил особаго страха и беспокойства и ограничился распоряженіем о всеобщей мобилизациі.

Вѣсть о том, что на пароходѣ змѣи, с быстрой молнией облетѣла весь пароход и породила такую панику среди пассажиров, что многие, выйдя из равновѣсія, метались, как безумные, по палубѣ, дѣлая попытки броситься за борт.

Когда же змѣи были обнаружены в помѣщениях и даже в пассажирских каютах и нѣсколько человек были ими укушены, паника достигла своего апогея и многих довела до изступленія. Для водворенія порядка и спокойствія на пароходѣ, капитан вынужден был вооружить экипаж огнестрѣльным оружием, так как горячие и экспансивные китайцы и филиппинцы, составлявшіе большинство пассажиров, вышли из повиновенія и угрожали бунтом.

Европейцы держали себя сдержаннѣе, но и они, под вліяніем страха, готовы были на всякие необдуманные поступки.

Вооружившись чѣм попало, матросы шарили по всѣм уголкам парохода и избивали змѣй десятками, но многія из них находили убѣжище повсюду, в угольной ямѣ, среди корабельного хлама и ящиков, так-что избавиться от них совершенно не было никакой возможности.

Всѣ пассажиры перекочевали на палубу, гдѣ считали себя в наибольшей безопасности. Ни штурм, ни проливной дождь с грозой и вихрем не могли заставить их покинуть палубу и спуститься вниз в свои каюты, гдѣ ожидали их страшныя пресмыкающіяся с ядоносными зубами!

Когда-же нѣсколько человѣк, из числа укушенных, скончались в страшных мученіях, многіе потеряли разсудок и, в припадкѣ паническаго страха, бросались за борт.

Узнав, что я являюсь виновником катастрофы, наиболѣе горячіе из филиппинцев бросились на меня с ножами, и только охрана из вооруженных матросов спасла меня от неминуемой смерти.

Не смотря на то, что большая часть змѣй была перебита, и оставалось на свободѣ только около десятка, пассажирам всюду мерещились страшныя гадины, даже там, гдѣ их не могло быть вовсе.

Ночью никто не спал, так как всѣ знали, что в это время змѣи особенно дѣятельны, но и днем никто не был гарантирован от нападенія.

В таком кошмарном состояніи пароход наш совершил свой переход из Сайгона в Маниллу втечениі четырех суток. За это время умерло от укушенія змѣй шесть человѣк и выбросилось за борт, в припадкѣ безумнаго страха, пять китайцев. Европейцы не пострадали, если не считать безсонных ночи и страх перед возможностью отравленія змѣиным ядом.

Психологія людей, бросившихся за борт, была малопонятна; с некоторым въроятіем можно было допустить, что они предпочитали вѣрную смерть возможной встречѣ с ядовитой змѣй.

Это своего рода психоз, когда человѣк теряет самообладаніе и дѣйствует в припадкѣ умоизступленія, под вліяніем чувства непреодолимаго страха.

Нѣкоторых безумцев пришлось связать, чтобы лишить их возможности кончить жизнь самоубийством, но психика их во всяком случае была нарушена и они имѣли вид умалишенных.

Я не боюсь змѣй и даже привык к ним за время полугодовой ловли их в джунглях тропиков, но, находясь на пароходѣ, под постоянным Дамокловым мечем змѣинаго укуса, я чувствовал, что и моя психика начинает колебаться и напряженіе нервов доходит до предѣла.

Один только капитан не терял хладнокровія и, покуривая трубочку, сидя за кружкою пива, спокойно отдавал приказанія экипажу повиновавшемуся ему безпрекословно.

Его выдержка и самообладаніе дѣйствовали на многих отрезвляюще, в особенности на европейцев, которые не так поддавались страху, как азіаты, не смотря на фатализм послѣдних.

Не смотря на самые тщательные поиски, уничтожить всѣх змѣй так и не удалось и небольшое число их осталось в укромных закоулках парохода.

По прибытіи в Маниллу, портовыми властями было произведено разслѣдованіе этого происшествія с человѣческими жертвами, но виновников не оказалось, так как все было отнесено на счет стихійнаго бѣдствія, только пароход был поставлен в доки, для болѣе детального осмотра и ремонта.

Уцѣлѣвшіе ящики со змѣями благополучно доѣхали до мѣста и затѣм сданы на американскій пароход, идущій в Сан-Франциско.

Эти четверо суток, проведенные мною на борту „Парохода Смерти“ со змѣями, я никогда не забуду! Меня не страшили змѣи, так как с ними все-же можно было справиться, но страшны были люди, под вліяніем паническаго ужаса, превратившіеся в звѣрей, или скорѣе в умалишенных! Первые дни плаванія — это были кошмарные переживания! Мне казалось, что я нахожусь в домѣ сумасшедших, из которого нет никакого выхода, никакого спасенія!

Даже многіе из благоразумных пассажиров теряли голову и требовали от капитана спустить шлюпки, как во время кораблекрушений!

Особенно бѣсновались китайцы, которых приходилось усмирять холодными душами из бранд-сбоята.

Только благодаря хладнокровію и распорядительности капитана, наш пароход избѣжал аваріи и катастрофы. Вот до чего может довести людей психоз, под вліяніем животнаго страха и потери душевнаго равновѣсія.

КЛЯТВА ГАССАНА.

В Тифлисѣ, на крутом берегу Куры возвышается старинный и мрачный Метехскій замок. Когда-то, в средніе вѣка это была неприступная крѣпость, воздвигнутая в героическую эпоху борьбы христіанской Грузіи с мусульманским міром. Послѣ присоединенія Грузіи к Россіи, эта крѣпость потеряла свое значеніе и превращена была в пересыльную тюрьму.

Караульную службу в Метехском замкѣ несли части войск тифлисскаго гарнизона, причем служба эта считалась отвѣтственной и весьма серьезной, ввиду предпріимчивости и постоянной готовности к активным дѣйствіям темпераментных сынов Кавказа. Чинам караула надо было проявлять особую бдительность и вниманіе при несѣніи службы, примѣня со всей строгостью требованія закона и гарнизоннаго устава. Случаи побѣга и бунта арестованных бывали очень рѣдко, но неповиновеніе и попытки к побѣгу происходили постоянно, вызывая примѣненіе репрессивных мѣр охраны и водворенія порядка.

Как офицеру 16 Гренадерскаго Мингрельского полка, мнѣ часто приходилось нести караульную службу и бывать в Метехском замкѣ, в качествѣ караульнаго начальника.

Зная всю отвѣтственность, лежащую на начальникѣ караула, я всегда был „на чеку“ и требовал от своих подчиненных точного выполненія устава караульной службы и лично сам повѣрял часовых,

обходя обширное помещение тюрьмы и камеры арестованных.

В один из таких обходов, в сочельник Рождественской ночи, я вошел в одиночную камеру, где содержался важный уголовный преступник, лезгин Гассан, осужденный в вечную каторгу, за убийство семи человек, по адату кровавой мести.

При моем появлении, арестант встал со своей койки и я увидел перед собой гигантскую фигуру горца с плечами в „косую сажень“ и тонкой талией, свойственной „вольным сынам Кавказа“.

Из под нахмуренных бровей, при ярком свете электрического фонаря, на меня сверкнули орлиные глаза. Тонкие губы, в рамках черных, как ночь, усов и бороды, зашевелились, отвечая на мое обычное приветствие „Селям алайкум!“

На нем одета была черкеска съраго верблюжьего сукна, на ногах виднелись мягкие козловые ногавицы.

Он был только накануне доставлен сюда из Владикавказа и ни один арестантский халат ему не был в пору, поэтому временно оставили на нем черкеску.

Внешний вид его до того напоминал горного орла, что даже сопровождавший меня унтер-офицер Диденко не удержался и произнес:

— Уважаю я много бачил орлов и вин зовсим такий як воны! Хвороба его задави!

Осмотрев камеру и не найдя в ней ничего подозрительного, я собирался уже выйти, когда арестант загородил мне дорогу и, просительно сложив руки на груди, заговорил на чистейшем русском языке:

— Г. офицер! я имел к вам большую просьбу!

— В чем дело! Говори, я тебя слушаю! - отвечал я, отступая от него на один шаг, чтобы лучше видеть его лицо.

— Я прошу вас отпустить меня в город, для свиданія с отцом, который пріѣхал для этого из Дагестана. Я вернусь скоро! Еще пѣтухи не пропоют, как я буду уже здѣсь, в вашем распоряженії!

Пораженный такой необычной просьбой, я возразил:

— Да ты в умѣ, или нѣт! Смѣешься ли ты просить у меня об отпусканіи, зная, что я не имѣю права этого сдѣлать! С твоей стороны это нахальство!

— Не сердитесь на меня, г. офицер! — продолжал он, покорно выслушав мое возраженіе — Я не разбойник с большой дороги! Я убил врагов моего брата и его убийц! Если — б я не убил их, то позор пал бы на голову мою и моего отца! Я должен был это сдѣлать по нашему адуату, освященному кораном и обычаями народа! Я поступил честно, как подобает всякому лезгину, поклоннику Магомета и рабу Великаго Аллаха! Я знаю от твоих солдат, что в жилах твоих течет кровь лезгина, Великаго Имама Шамиля! Да будет благословенно его имя! Эта кровь скажет тебѣ правду и ты поступишь так, как поступил-бы сам Великий Имам!

Сказав это, арестант низко поклонился, коснувшись кончиками пальцев правой руки каменного пола.

Пораженный еще болѣе словами говорившаго, я не находил подходящаго отвѣта и затруднялся в выборѣ возраженій.

Унтер Диденко, стоявшій сзади меня с фонарем в рукѣ, переминался с ноги на ногу и многозначительно покашливал, не решаясь вмѣшаться в нашу бесѣду.

Незамѣтно для себя самого, я начал поддаваться убѣжденіям лезгина и теперь мнѣ не казалась его просьба такой нелѣпой, как прежде. — Ты знаешь, Гассан, мою отвѣтственность, — продолжал я: — и ничѣм не можешь доказать, что сдержиши свое

слово и вернешься в тюрьму! Я вѣрю тебе и не считаю тебя разбойником, но, по долгу службы, не имею права тебя даже слушать! Но, если ты дашь мне достаточную гарантію того, что ты вернешься, я тебя отпущу!

Послѣ этого Гассан, не говоря ни слова, снял со своей шеи ладонку, в видѣ маленькаго мѣшечка и, поцѣловав ее, вручил мнѣ со словами: — Это святой амулет от гроба Магомета из Мекки! Возьми его себѣ до моего возвращенія! Если я не вернусь — значит меня нет в живых! Велик Аллах и Магомет, пророк его!

Сказав это, арестант опять поклонился низко, коснувшись рукою пола.

Во мнѣ уже созрѣло рѣшеніе его отпустить и священный амулет правовѣрнаго магометанина служил неопровергимой гарантіей исполненія даннаго слова.

Получив амулет и кладя его в карман, я выскажал ему свое окончательное рѣшеніе.

— Так и быть, я вѣрю тебе и не сомнѣваюсь в твоей честности! Ступай в город и повидайся с отцем, которому скажи, что я отпустил тебя ради него. Ты должен вернуться до разсвѣта! Если не вернешься, я буду знать, что ты лжец! Тогда я пойду под суд, за превышеніе власти и нарушеніе обязанностей караульной службы! В твоем распоряженіи пять часов, постараися их использовать с толком! Затѣм, обратившись к своему помощнику, я сказал:

— Диденко! Я отпускаю Гассана на свою ответственность! К разсвѣту он вернется назад. Проведи его к выходу и отпусти. По возвращеніи сам его впустишь и доложишь мнѣ. Ступай!

Ошеломленный моим приказанием, караульный унтер - офицер ничего не мог мнѣ возразить, но, выпучив глаза и пожимая плечами, вывел арестан-

та из камеры и потонул с ним во мракѣ безконечных коридоров и каменных проходов тюрьмы. Метехскій замок спал и мрачная тишина его нарушалась только гулкими шагами часовых и постукиванием ружейных прикладов о каменные плиты полового настила.

Я вернулся в комнату караульного начальника, освещенную ярким светом лампы—молнией и сел у стола, дочитывать начатую мною книгу. Но чтение не лезло мнѣ в голову; я представлял себѣ послѣдствія своего необдуманного поступка и сам удивлялся своему легкомыслію. Но дѣло было сдѣлано, а снявши голову по волосам не плачут!

В это время в комнату вошел Диденко и, вытянувшись, как полагается при рапортѣ, доложил:

— Ваше Благородіе! Арестант по вашему приказанию выпущен на волю! Окончив доклад начальнику, он видимо хотѣл еще о чём то сказать и не рѣшался. Поощряя его к дальнѣйшему разговору, я спросил:

— Ты хочешь еще что-то мнѣ сказать? Ну, говори! В чём дѣло?

— Так-что, Ваше Благородіе, я хотѣл еще сказать вам, что вы напрасно отпустили этого разбойника! Он не вернется! Попомните мое слово! Всѣ они азіаты на один лад! Убивцы и грабители! Вы еще молоды, потому и повѣрили ему, а я знаю, что он подведет вас под суд! Татарская лопатка—одно слово! Какая ему может быть вѣра, когда он убил семью человѣк! Говорит „по адату!“ У них все по адату: грабят и рѣжут друг другу по адату! Вы отпустили разбойника на свою голову! Я знаю, что он не вернется,—и быть бѣдѣ! Теперь он на свободѣ, и что он за дурак, чтобы опять вернуться в тюрьму, и потом идти на каторгу! Нѣт, простите меня, но я от вас этого не ожидал! И добро-бы порядочному человѣку! А то какому-то голопятым азіату, нехристю и бусурману! Из-за такого обидно

и пострадать! Чтоб ему ни дна, ни покрышки! Чует мое сердце бѣду неминучую! — Сказав это, Диденко замолчал и уставился на меня своими строгими сѣрыми глазами.

— Я не согласен с тобой, Диденко! — возразил я, подойдя к нему вплотную и положив руку на его плечо — Я знаю магометан лучше тебя и уверен в возвращеніи Гассана! Раз он поклялся гробом Магомета, то исполнит обѣщаніе во чтобы то ни стало! Твоя тревога мнѣ понятна, но ты ошибаешься в своих предположеніях! Когда он вернется, ты прорвешь его прямо ко мнѣ. Больше ничего не имѣешь сказать? Тогда можешь идти.

Постояв нѣсколько секунд в нерѣшительности, Диденко повернулся налево кругом и вышел из комнаты.

Оставшись один, я предался размышленіям и слова старого унтера приводили меня в смущеніе. В душѣ у меня зарождалось сомнѣніе и, в концѣ концов, не смотря на существующую уверенность в своей правотѣ, я начал приходить в отчаяніе.

Время тянулось безконечно долго. Поминутно я обращал свой тревожный взор на часы и не мог никак дождаться разсвѣта, который должен был принести мнѣ спасеніе или гибель. Не смотря на внутреннее чувство, говорившее о вѣрности моих заключеній, доводы разсудка противорѣчили им, доказывая, как дважды два четыре, что Гассан не выполнит своего обѣщанія. Нерви мои были напряжены до крайности и я не находил себѣ места, ходя из угла в угол по комнатѣ, прислушиваясь к мѣрному тиканью часов и гулкому звуку шагов караульной стѣны, доносившемуся из каменных катакомб Метехскаго замка.

Проходили минуты и долгіе часы моих ожиданій и я не мог успокоиться, строя в своем воображеніи катастрофическая послѣдствія своего поступка и роковую его развязку. Теперь только я понял,

какому риску я подвергал свою службу, свою честь и даже самую жизнь! Но сдѣланного не воротить! Надо ждать и мучительно надѣяться на благополучный исход!

Так прошла убійственная кошмарная ночь, полная отчаянія и неосновательных надежд. Часы показывали 4 часа. Скоро разсвѣт! Но Гассана все нѣт и нѣт! Неужели он обманул. Нѣт, не может быть! Внутренній голос подсказывал мнѣ, что он вернется.

Уже четверть пятаго! Я терял надежду и мысленно составлял рапорт дежурному по караулам, с изложеніем своего преступнаго дѣянія, и представлял себѣ удивленіе и горе моих родных и негодованіе полковых товарищей!

В это время в коридорѣ раздались торопливые шаги и в двѣрь постучали. Отворив ее, я увидѣл перед собой Гассана, а за ним торжествующую, и в то же время смущенную физіономію Диденко.

Впустив обоих в комнату, я до того растерялся от неожиданности, что не находил слов для вопросов.

Гассан первый нарушил молчаніе и заговорил, обращаясь ко мнѣ на „ты“, по обычай магометан:

— Вот видишь, я тебя не обманул! Я видѣлся с отцем и он благословил меня на новую жизнь в вашей холодной и далекой Сибири. По вашим законам я должен отбыть наказаніе и подчиняюсь этому. Я не сожалѣю, что убил негодяев! Когда я убивал, я знал, что меня ожидает, и выполнил свой долг как перед Аллахом так и перед всѣм своим родом, защитив его честь. Не вернуться в тюрьму я не мог, т. к. дал тебѣ слово; но если-б я и нарушил слово, то сам мой отец выдал - бы меня властям и даже может быть убил за клятвопреступленіе. Другое дѣло, если-б я бѣжал из тюрьмы! Меня спрятали - бы так, что никто из вас меня ни

когда - бы не нашел! Отец очень благодарит тебя и велел передать, что Аллах не оставит твоего доброго дела без награды. Сам он беден, а потому не может тебя ничем отблагодарить! Велик Аллах и Магомет пророк его!

С этими словами гигант принял от меня свой амулет и, поцеловав его, надел себѣ на шею; затѣм поклонившись мнѣ и приложив руки ко лбу и к сердцу, по обычай лезгин, вышел из комнаты; вслѣд за ним удалился и Диденко, которому я приказал явиться ко мнѣ, по водвореніи арестанта в камеру. Я чувствовал себя на седьмом небѣ, или вѣрнѣе сказать вновь родившимся! Я не мог сразу прийти в себя от нахлынувшей радости бытія и когда вернувшись Диденко вошел в комнату, я бросился к нему, обнял его и расцеловал его небритыя щетинистые щеки - три раза. Старик так был растроган, что не мог говорить и из его строгих и в тоже время добрых глаз, закапали слезы. Я был растроган не меныше его, но старался не показать этого, без надобности сморкаясь в платок.

— Вот видишь, Диденко! — начал я допекать старого служаку — Гассан-то вернулся, даром что душегубец и разбойник! Твое предсказаніе не сбылось, не смотря на твою опытность и знаніе людей! Теперь все кончилось благополучно! Оно должно остаться между нами! Все хорошо, что хорошо кончается! Я очень рад, что исполнил просьбу Гассана и рад еще больше, что он сдержал свою клятву. Слава Богу! „Все обстоит благополучно и происшествій никаких не случилось!“

— Простите, Ваше Благородіе, меня старика, — почтительно возразил мнѣ на это сверхсрочный служака: — я все таки остаюсь при своем мнѣніи. Гассан такой же разбойник, как и всѣ горцы, и вернулся он только потому, что уйти все равно не мог, так как его здѣсь поймали - бы сразу. Будь это поближе к горам - поминай как его звали! Но ска-

жу прямо: вы человѣк отчаянной смѣлости! Не даром, ребята бают, что в вас течет лезгинская кровь! Она в вас заговорила, когда Гассан напомнил вам о Шамиль! Я был на Гунибѣ в 1859 г. когда его взяли в плѣн. Вѣдь я начал службу в Ширванском полку и участвовал в штурмѣ Гуниба. Гассан, как двѣ капли воды, похож на Шамиля, - такой же рост, такое же обличье и всѣ ухватки! Хотя лезгины и получше оборванцев чеченцев, но все же азіаты - разбойники! А все же, счастлив ваш Бог, что этот бусурман вернулся! Признаться, я этого не ожидал!

Долго еще мы бесѣдовали со старым кавказским ветераном на эту тему, пока не пришло время повѣрять караулы.

Мнѣ показалось, что во время обхода камер арестанты смотрѣли на меня не так сурово и враждебно, как раньше, и даже выражали свое почтеніе в низких поклонах, чего прежде не было. Я терялся в догадках и не мог объяснить себѣ такой метаморфозы, но потом для меня стало ясным, что арестанты каким-то путем узнали о моем поступкѣ и по своему выражали свою благодарность. Диденко был такого же мнѣнія.

Прошло нѣсколько дней. Я собирался в горы на охоту и набивал патроны. Вошел вѣстовой Абдул и доложил, что какой-то старый горец желает меня видѣть. Я вышел в кухню. У дверей в почтительной позѣ стоял высокій худой старик, с большой окладистой бородой. При первом взгляде на него, я вспомнил арестанта Гассана! Это был его отец.

Поклонившись мнѣ до пояса, горец начал говорить по татарски. Абдул взялся быть переводчиком и передавал мнѣ, слова старика, по мѣрѣ развитія его рѣчи.

— Селям алейкюм! - говорил старый лезгин, приложив руку к груди и пронизывая меня своими

орлиными глазами из под густых нависших бровей: —Ты сдѣлал для меня и сына то, что не сдѣлал бы никто другой! Я призвал на него благословеніе Аллаха в его трудном жизненном пути и дал ему силы, для перенесенія испытаній в далекой холодной Сибири. Мой сын не преступник, а герой, ставшій на защиту чести и достоинства нашего рода. Ты поступил благородно и честно, отпустив его ко мнѣ! За это благословит тебя Аллах! Да будет свято имя его и Магомет пророк его! Я нищій и не могу вознаградить тебя по достоинству, а потому, по нашему лезгинскому обычаю, прошу принять от меня на память прадѣдовскій кинжал, стоявшій всегда на защитѣ права и справедливости во славу Всевышняго! Этому кинжалу болѣе двухсот лѣт! Береги его, как берег его я! Он принесет тебѣ счастье!

С этими словами старик передал мнѣ большой лезгинскій кинжал, в скромной кожаной оправѣ и с черной роговой рукояткой.

— Передай отцу Гассана, — сказал я Абдулу: что мой поступок не заслуживает похвалы, а по-рицанія, но что я не сожалѣю об этом и рад, что отец имѣл возможность благословить сына и дать ему послѣдній отцовскій поцѣлуй. Очень благодарю за столь цѣнный подарок и буду хранить его, как память о бѣдном Гассанѣ, пожертвовавшем собой, для спасенія чести семьи и всего рода! Мои слова были переданы старику в точности. Он их выслушал, низко склонив свою щѣдрую голову и послѣ этого, сдѣлав земной поклон, вышел на двор.

Я не смѣл его задерживать, для обычного в таких случаях угощенія, и только проводил его до ворот.

Кинжал оказался очень древній, судя по отѣлкѣ и арабским надписям на клинкѣ. В длину он был около аршина и в ширину 3 вершка. Сталь особой кустарной выдѣлки и закалки, и такой не-

обычайной твердости, что я мог им легко рубить не только желе́зо, но и сталь. На моей прекрасной златоустовской шашкѣ он дѣлал глубокія зарубки и выбоины. Секрет выдѣлки этих клинков уже утерян и поэтому оружіе это цѣнится знатоками на вѣс золота и даже дороже.

Знатоки оружія, старые вояки горцы, которым я показывал кинжал, почтительно его цѣловали и, приложив ко лбу и к сердцу, говорили: „якши! чок якши! Кароши кинжал! Султан-кинжал!“

К сожалѣнію, он погиб во время революціи, т. к. закопан мною в землю на хуторѣ под Кіевом, чтобы не достался большевикам.

Такими кинжалами горцы, во время Кавказской войны, рубили наших солдат пополам, от плеча до пояса, или пересѣкали ружейные стволы, как тростник. *сѣ, Врет!*

С этим кинжалом я не разставался даже во время войны, на фронтѣ. Один из офицеров Дикой Дивизіи, князь Ч. предлагал мнѣ за него большія деньги, или в обмѣн свою шашку, отданную в серебро и золото, но я отказался, памятуя наказ старого лезгина, а шашка, по словам владѣльца, стоила 2.000 рублей!

Я никого не посвящал в исторію моего кинжала, но как-то так случилось, что я открыл ее своему командиру полка, Великому Князю Николаю Михайловичу, во время пребыванія моего в Боржомѣ, в его имѣніи „Ликани“, где стояла тогда охотничья команда нашего полка.

На энтомологической экскурсіи с Великим Князем я всегда брал с собой этот кинжал, не как оружіе, а как орудіе, для добыванія личинок и куколок насѣкомых. Само собой разумѣется, он обратил на себя вниманіе В. Князя, знатока кавказскаго оружія, и я не счел нужным скрыть от него исторію кинжала.

В. Князь со вниманием выслушал мою исповедь и, послѣ недолгаго раздумья, усаживаясь на камень, в тѣни развесистаго каштана, сказал:

— Я очень тронут и дорожу вашей откровенностью. Как ваш прямой начальник, я должен выразить вам свое порицаніе и сдѣлать выговор, но, как старшій товарищ, скажу вам откровенно: может быть и я, будучи на вашем мѣстѣ, поступил бы также. Но к этому я должен еще добавить свой дружескій совѣт: в будущем не повторять таких экспериментов и не испытывать судьбу... А теперь берите скорѣе сачек и идите к тѣм кустам, гдѣ летают бабочки „Vanessa“, а я пойду домой на отдых. На сегодня довольно! Я устал! До скораго свиданья! — Сказав это, В. Князь встал, надѣл свою панаму с широкими полями и, взяв сачек на плечо, стал спускаться с крутого откоса на дорогу, ведущую в Ликани. Вскорѣ его высокая стройная фигура скрылась в зарослях рододендрона, а я занялся ловлей рѣдких экземпляров бабочек „Vanessa“.

В СТАРОМ ЗАМКѢ.

Однажды, послѣ занятія нашими войсками Равы Русской, осенью 1914 г., я был приглашен управляющим князя Сапѣги, паном Ремишевским, в имѣніе Сѣдлиско на облавную охоту. Кромѣ меня в охотѣ принимали участіе мѣстные польскіе помѣщики.

Облава была очень удачна, причем мнѣ посчастливилось убить двух больших кабанов дублем.

По древне-польскому обычаю, я был провозглашен „Крулем полеванья“ и пан Ремишевскій, на мѣстѣ охоты, украсил мою фуражку еловою вѣткой и на охотничьем рожкѣ был сыгран старинный гимн.

Послѣ этого всѣ охотники были приглашены в замок на банкет. Вечером того-же дня мы всѣ сидѣли в огромной столовой замка, за круглым дубовым столом, и радушный хозяин угождал нас на славу. Кабанятину и козулятину, изжаренную на вертелѣ, мы запивали старою „Венгжиной“ и „Сливовицей“, которыми славились погреба князя Сапѣги. Со стѣн смотрѣли на нас суровые усатые предки князя и казалось, что души их витают здѣсь, под сводами стариннаго замка, в пущах заповѣдных лѣсов и отъѣзжих полей.

Еще выше, под сводчатым потолком и между узкими готическими окнами, красовались трофеи прежних охот, там были гигантскія головы лосей

и зубров, оленей и кабанов, медведей, рысей и стройных козуль.

Паны - охотники пили много, но ни одна старая, убѣленная сѣдинами, голова не склонялась долу: старое вино дѣйствовало только на ноги, оставляя голову свѣжей и свободной.

Старческіе глаза оживились, рѣчи стали горячѣй и громче.

Когда-же на столѣ появился пунш и погасли огни, при мерцающем свѣтѣ горящаго спирта и пылавшаго камина, охотники затянули свои старинныя охотничыи пѣсни. Торжественные звуки древне-польского гимна неслись в вышину и замирали под сводами замка.

Так провели мы за пуншем всю долгую ночь. Уже под утро, когда цвѣтныя стекла готических окон заискрились разсвѣтом, пан Ремишевскій, для оживленія бесѣды, обратился ко мнѣ с просьбой:

—Не будет ли пан так любезен, рассказалъ нам о своих знаменитых охотах в Маньчжурії!

Я дал свое согласіе, и все панство подсѣло ко мнѣ в кружок, приготовясь слушать повѣствованія москаля о далеких охотах в дикой невѣдомой странѣ, Маньчжуріи.

Описав в кратких словах природу Маньчжуріи, я перешел на самую охоту, причем, упомянул, что я служил в войсках Заамурскаго Округа Пограничной стражи.

Узнав об этом, они забросали меня вопросами, на которые я едва успѣвал давать отвѣты.

Объяснив способы производства таежных охот и перечислив виды крупных промысловых звѣрей, которые были моими трофеями, я обратил их вниманіе на тигров, указав, что среди русских звѣро боев есть такие, которые не только стрѣляют, но и ловят тигров живьем, но не в ловушки, а голыми руками, причем хищник связывается веревками и в

таком видѣ отправляется в становище, гдѣ для него приготовлена клѣтка.

Пока я говорил о козах, оленях, кабанах и даже медвѣдях, мои слушатели были спокойны и не подавали вида своих сомнѣній и недовѣрія, даже тогда, когда узнали, что Заамурцы были этих звѣрей десятками.

Но когда я перешел на тигров и их ловлю живьем, паны-охотники не выдержали и начали волноваться, обнаруживая явное недовѣріе к моим словам.

Чаша терпѣнія их была переполнена, когда я, отвѣчая на их вопросы, упомянул о том, что мною убито было два тигра. Этого было достаточно! Воцарилась неловкая тишина, нарушаемая покашливаніем, тяжелыми вздохами и сдавленным смѣхом слушателей. Я чувствовал, что потерял в их глазах всякое довѣріе и только врожденная деликатность и воспитанность сдерживали их желаніе высказаться откровенно. Я видѣл, что в их глазах я являлся наглым лжецом, но никакого выхода из создавшагося положенія не находил.

Паны тоже чувствовали себя неловко и не знали, на что рѣшиться. Наконец Ремишевскій пришел к нам на помощь, предложив расходитьсь по своим комнатам спать.

Паны-охотники чопорно и подчеркнуто вѣжливо раскланялись со мной и удалились из столовой, оставив меня с паном Ремишевским, который был больше всѣх удручен происшедшем.

Пожелав мнѣ спокойной ночи и указав мою комнату для ночлега, он вышел в коридор, сказав на прощанье:

— Все это очень непріятно, тѣм болѣе я знаю, что вы тут не при чем! Не беспокойтесь, я все это уложу!

На слѣдующее утро, как только в окнах показался разсвѣт, ко мнѣ в комнату явилась депутація от панства, с извиненіем за вчерашній инцидент, который объяснялся недоразумѣніем.

Паны - охотники жали мою руку и просили забыть их некорректное поведеніе. Они сознались, что были совершенно ошеломлены и сбиты с толку моим сообщеніем, в особенности данными о количествѣ звѣря, добываемаго в Маньчжуріи охотниками - заамурцами.

Я был вполнѣ удовлетворен их чистосердечным извиненіем и в знак примиренія подарил их охотничьему обществу свою книгу „В горах и лѣсах Маньчжуріи“.

В тот-же день вечером, послѣ удачной охоты, опять состоялся банкет и ясновельможное панство чествовало своего коллегу, москаля—заамурца старой „Венгжиной“, которую надо было пить, по древне-польскому обычаю, залпом из турьяго рога.

Я с честью вышел из этого испытанія, приведя в восторг старых польских немвродов, кричавших „Ура!“ в честь Россіи и „Виват“ в честь будущей рѣчи Посполитой.

Почти всю ночь, при мерцавшем свѣтѣ горящаго пунша, я рассказывал панству о чудной природѣ далекой Маньчжуріи, о ея дремучих неисходных лѣсах, безграничных степях и о каменных дебрях скалистых горных хребтов.

Я описывал им дикую маньчжурсскую тайгу и жизнь ея обитателей, полную опасностей и увлекательных приключений.

Особенно заинтересовала их служба и быт Заамурцев, стоявших на охранѣ КВжд, их охоты на звѣря и стычки с хунхузами, представлявшими собой настоящую героическую эпопею.

Старые охотники с затаенным дыханіем слушали мою рѣчу, попивая из старинных кубков горячій

пунш и раскуривая свои короткія трубки из вишневаго корня.

На слѣдующій день я должен был явиться в свою часть, отправлявшуюся на фронт. Все панство провожало меня до границ имѣнія Сѣдлиско и пан Ремишевскій, от лица всѣх охотников, поднес мнѣ старинную серебряную чарку с надписью:

„Славному заамурскому охотнику на память о Сѣдлиско.

Галиція. Сентябрь 1914 года“.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМѢЙ.

В Индії такое множество всевозможных змѣй, что не толькоaborигены края, но и европейцы, живущіе в этой странѣ, в силу необходимости привыкают к ним и примиряются с близким их сосѣдством, т. к. эти пресмыкающіяся проникают всюду, даже в города, сады и в самое жилище человѣка. Большинство этих змѣй относится к категоріи ядовитых и случаи укушения со смертельным исходом весьма часты, но на это обстоятельство смотрят, как на неизбѣжное зло и, не смотря на принимаемыя мѣры, в видѣ прививок, прижиганія и других средств, значительное количество людей становится жертвой змѣинаго яда.

Имѣя постоянное общеніе со змѣями, индузы нисколько не задумываются над их ядовитостью и обращаются с ними совершенно свободно, что объясняется, во первых, навыками, унаслѣдованными от предков, а во вторых, знаніем біологических особенностей этих опасных животных.

В Индії существует четыре секты, которые занимаются ловлей, дрессировкой и представлениями с ядовитыми змѣями; секты эти носят слѣдующія названія; мальс, модарис, бедіахс и саніис, но только послѣдняя заслуживает названія настоящих „укротителей змѣй“. Члены этой секты являются профессіоналами своего дѣла и никогда не прибѣгают к обманам в видѣ вырыванія ядоносных зубов или выдаиванія яда из желез. Уже самыя древнія санскритскія книги упоминают о

них; поэтому вѣроятно, что их искусство восходит до времен глубокой древности. На лбу и на руках у них выжжены какіе - то знаки - принадлежность к кастѣ. Они носят большую чалму желтаго цвѣта, желтый халат и шаровары и, как отличительный знак, три павлиньих пера на чалмѣ. Они имѣют при себѣ особую дудку, из которой извлѣкают звуки, заставляющіе змѣй продѣлывать всевозможныя манипуляціи.

Когда мы жили в Центральной Индіи, к нам часто приходили эти заклинатели со своими кобра-ми и показывали свои „фокусы“, поражавшіе своей смѣлостью и непостижимым искусством прирученія страшных очковых змѣй, укус которых в большинствѣ случаев бывает смертелен.

Но вот однажды к нам во двор явился один из таких заклинателей, с круглою плоской корзиной, которую нес за ним на своей черной курчавой головѣ индусскій мальчик. В руках у заклинателя была традиціонная свирель. По обычаю, не спрашивая разрѣшенія и ни на кого не глядя, он сѣл посреди двора в тѣни развѣсистой вѣрной пальмы, сложив по индусски ноги. В это время мальчик поставил корзинку около него, открыл крышку и, отойдя в сторону, застыл в неподвижной позѣ.

Продув свой духовой инструмент и взяв нѣсколько аккордов, укротитель заиграл на нем тягучую монотонную мелодію, состоявшую из нѣскольких нот. На эти звуки к нам во двор сбѣжалась огромная толпа индусов, обступившая укротителя со всѣх сторон, образуя кольцо.

Минуты через двѣ из корзины показалась голова змѣи. Быстро дѣйствуя своим раздвоенным языком, огромное пресмыкающееся, покачиваясь из стороны в сторону, начало подыматься над корзиной. Это была знаменитая черная кобра, достигающая величины 4 метров и внушающая священный ужас в

сердца кротких, мистически настроенных индусов. Толпа притихла, застыв в нѣмом оцѣпененіи..

Поднявшись на метр от земли, кобра на мгновеніе застыла в неподвижной позѣ, вѣроятно прислушиваясь к звукам свирѣли, а затѣм, напрягая заднюю часть тѣла и извиваясь, двинулась к укротителю, сверкая своими золотистыми злобными глазами. Еще мгновеніе - и змѣя должна была броситься на своего повелителя, сидѣвшаго в той же позѣ спокойнаго и напряженнаго наблюденія. Голова змѣи приблизилась к лицу укротителя и казалось готова была нанести ему свой смертельный удар ядоносными зубами, но, ощупав его лицо языком, она снова отпрянула в сторону и, покачиваясь вперед и назад, остановилась в выжидательной позѣ.

Укротитель продолжал наигрывать свою заунывную пѣсню, не спуская глаз со своего страшнаго артиста. Затѣм, достигнув полнаго повиновенія своего ученика, укротитель прекратил игру на свирѣли, протянул вперед руку и, подхватив змѣю за середину туловища, положил ее себѣ на плечи, причем голова ея пришлась на уровнѣ черной, как смоль, бороды индуза.

Толпа все время хранила молчаніе, т. к. всѣм было известно, что змѣи легко раздражаются от шума и движенія, и кобра могла-бы укусить укротителя, выйдя из его подчиненія. Даже маленькие индусята, стоявшіе в передних рядах толпы, сознавали серьезность положенія и ни единим звуком не нарушали тишину и спокойствіе.

В началѣ я не обращал вниманія на самого укротителя, т. к. меня больше интересовала змѣя, но когда он начал показывать различные фокусы дрессировки и приученія, тогда только я замѣтил, что в лицѣ индуза есть какія-то неуловимыя знакомыя черты. Как будто это лицо я видѣл гдѣ-то раньше. Я стал присматриваться к нему. Индус сразу уловил мой любопытный взгляд и в глазах

его блеснула тревога. Вскорѣ он прекратил представленіе, уложилъ свою змѣю въ корзину и, сказавъ что-то мальчику, удалился со двора.

Обойдя толпу съ протянутой мѣдной чашкой и собравъ съ нея дань, въ видѣ мелкихъ монетъ, мальчикъ снова поставилъ корзину съ коброй себѣ на голову и побѣжалъ въ слѣдъ за своимъ господиномъ.

Долго я не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведенаго на меня таинственнымъ укротителемъ змѣй, и мнѣ все казалось его лицо знакомымъ.

Прошло около полугода. Бывшій австрійскій пароходъ „Францъ Фердинандъ“ уносилъ насъ отъ прѣкрасныхъ и жаркихъ береговъ Индіи на востокъ. Пассажирами этого парохода были русскіе бѣженцы, преимущественно офицеры бѣлыхъ армій, возвращавшіеся на родину, въ Приморье, гдѣ образовалось тогда правительство Меркулова.

Мы стояли на рейдѣ Сингапура и отъ бездѣлья любовались обширной панорамой низменныхъ береговъ острова, заросшихъ тропической растительностью.

Рядомъ со мной, опершись о парапетъ парохода, стоялъ высокій смуглый брюнетъ въ англійскомъ френчѣ съ погонами поручика. Курчавая бородка и шапка густыхъ черныхъ волосъ дѣлали его похожимъ на инду-са. Всматриваясь въ его лицо съ орлинымъ профилемъ, я вспомнилъ Центральную Индію и таинственнаго „заклинателя змѣй“, приходившаго къ намъ во дворъ съ королевскою черною коброй. Сходство было поразительно. Мои пристальные взглѣды подѣствовали на таинственнаго незнакомца и онъ, повернувшись ко мнѣ, заговорилъ:

— Почему вы на меня такъ уставились? Развѣ во мнѣ есть что нибудь замѣчательное?

— Признаться, да! — отвѣтилъ я, подвигаясь къ нему поближе—Въ Бельгаумѣ я видѣлъ заклинателя

змѣй, поразительно на вас похожаго, как двѣ капли воды! Это был как будто бы ваш двойник!

— Зачѣм - же двойник! возразил он улыбаясь, показывая два ряда ослѣпительно бѣлых зубов: — Я и есть тот самый заклинатель, котораго вы видѣли в Бельгаумѣ!

Не ожидая ничего подобнаго, я был поражен его признаніем и в первое мгновеніе растерялся, не находя слов для продолженія разговора, до того это было необычно и экстра-ординарно. Я смотрѣл на него молча, изображая на своем лицѣ полное изумленіе.

Он первый нарушил неловкое молчаніе и заговорил:

— Почему это вас так удивляет? Развѣ европеец и в частности русскій не может сдѣлаться заклинателем змѣй? В этом искусствѣ нѣт ничего таинственного и чудеснаго! Все основано на знаніи характера и привычек змѣй и на сноровкѣ в обращеніи с ними. Я уроженец Закавказья, гдѣ змѣй также много, и имѣл с ними дѣло чуть-ли не с дѣтства. Из Закавказья я бѣжал от большевиков в Персію, оттуда в Месопотамію, а затѣм в Индію, гдѣ и познакомился с заклинателями змѣй из секты Санніис. Они научили меня своему искусству, взамѣн чего я бесплатно починял их женам швейныя машины, различные инструменты, граммофоны и прочее. Это честный и добродушный народ и я с группой разстался с ним, вѣроятно навсегда. Что вы приняли меня за индуза-ничего нѣт удивительного, т. к. мать моя персіянка, а отец русскій, или вѣрнѣе малоросс, кубанскій казак. Теперь я вскращаюсь на родину, гдѣ приму участіе в борьбѣ с большевиками, которые на моих глазах убили моего отца и брата. — Сказав это, мой собесѣдник замолк, и глаза его заблестѣли.

Чтобы перемѣнить тему разговора, я задал ему вопрос:

— Скажите, зачѣм вам понадобилось искусство заклинателя змѣй, сопряженное съ большой опасностью для жизни и сравнительно скучно оплачиваемое?

Помолчав немного и успокоившись, он продолжал:

— Это объясняется очень просто. Пріѣхав в Индію два года тому назад, я увлекся ученіем бра-манов и стал изучать догматы их религіи; для этого необходимо было войти в их среду, изучить язык, нравы и обычаи. Все это мнѣ давалось легко и вскорѣ я постиг всю их премудрость. Для закрѣпле-нія своих связей, я должен был опроститься и пре-вратиться, хотя бы по внѣшности, в туземца. Для чего я избрал профессію „заклинателя змѣй“, пользующуюся среди индусов большой популярностью. Со своими кобрами я бродил по Индіи, вращаясь в самой гуще народа, присматривался, прислушивал-ся и, кромѣ того, зарабатывал себѣ кусок хлѣба. Опасность профессіи меня не страшила, я был увѣрен в себѣ и в своих друзьях, которые никогда даже не пытались меня кусать. Для своего дѣла я выбрал, самую большую и опасную из ядовитых змѣй, черную кобру, которую индузы обожествляют, а европейцы панически боятся. Одно появленіе этой змѣи вызывает ужас и наводит такую панику, что нерѣдко бывали случаи бѣгства жителей из цѣлой округи, где появилось это чудовище; но со мной эта змѣя всегда была в пріятельских отноше-ніях и мир между нами никогда не нарушался. Боль-шинство заклинателей пользуется обыкновенной коброй, а у гигантской кобры вырывают ядоносные зубы; я-же никогда этого не дѣлал, т.к. обман в концѣ концов обнаруживается!

— Скажите, ваша жизнь и поведеніе не возбуждали подозрѣніе полиціи? Вѣдь вы все-же ино-нец и могли быть шпіоном, или политическим аги-татором? перебил я бывшаго заклинателя.

— Вы правы! — отвѣтил он — За мной все время слѣдили, но, впослѣдствіи, убѣдясь в моей лояльности и безвредности, перестали обращать на меня вниманіе, ограничиваясь косвенным контролем.

Послѣ убийства отца и брата я был тѣк угнетен нравственно и нервно разстроен, что дольго не мог прийти в себя. Потом я стал искать утѣшенія в различныx религіозно—нравственных ученіях и дошел до браманов и іогов, но в концѣ концов пришел к заключенію, что выше ученія Христа нѣт ничего. В нем я нашел отвѣты на всѣ мучившіе меня вопросы и теперь пріобрѣл то душевное равновѣсіе, которое необходимо всякому здравомыслящему человѣку. Я долго жил среди индусов отшельников и вмѣстѣ с ними созерцал природу, изучая ея великія тайны. Это „созерцаніе“ и изученіе привело меня к познанію Бога, а размышленіе и самоанализ — к Христу.

Имѣя длительное общеніе с браманами и буддистами, я отчасти проникся их психологіей и теперь не могу умертвить даже комара, сосущаго мою кровь, не говоря уже о животных высшаго порядка, в которых я вижу проявленіе Великаго Духа, или Воли Бога. В одной из заповѣдей сказано: „Не убей!“, но это относится не только к человѣку, но и ко всякому живому существу. Кто не может дать жизнь, тот не может и лишить ея! Этот принцип служит основой ученія браманов...

— В таком случаѣ я вас не понимаю! — возразил я: — Вы собираетесь воевать с большевиками и в то-же время проповѣдуете догму — „Не убей!“ Неужели вы предполагаете бороться с ними не „мечем“, а „словом“? Вѣдь это полнѣйшій абсурд и безуміе!

— Да, вы правы! — отвѣчал он послѣ минутного раздумья: — Но я должен оговориться и добавить, что коммунистов, или по крайней мѣрѣ тѣх людей, которые захватили Россію и угрожают всему чело-

въчеству, я не считаю созданіем Божиим, а творѣніем Сатаны, т. е. тѣх темных сил мірового зла, которые всегда существовали в природѣ, в противовѣс добру. Это такая - же стихійная сила разрушенія, как наводненіе, ураган, землетрясеніе, пожар, эпидеміи и война. Она должна быть уничтожена во что-бы то ни стало, иначе человѣчество погибнет!—Сказав это, заклинатель извинился передо мной и спустился в трюм, будучи вызван туда своими коллегами.

Я так и не мог припомнить, гдѣ видѣл этого человѣка раньше. Вѣроятно, когда я увидѣл его впервые в роли заклинателя змѣй, меня поразил его общій облик, напомнившій что-то родное, русское; близкое и знакомое.

Под личиной индуся я видѣл своего соотечественника. В нем проявлялась его національность во всем: в движеніях, походкѣ, манерѣ держать себя и в особом взглядѣ его грустных славянских глаз. Этого не скроешь никогда и нигдѣ.

СКАЗОЧНАЯ БЫЛЬ.

Однажды, в ясный осенний день, к пристани Ливерпуля медленно подошел большой океанской пароход, ^{бр.} шедший из Rio - de Жанейро. На набережную спустился по тропу высокий человек с бронзовым лицом и большой черной бородой. Его встретила суетливая и беспокойная толпа журналистов и репортеров газет, с записными книжками в руках и „заряженными“ кодаками. Журналисты были прекрасно осведомлены, что с этим пароходом должен пріѣхать из Южной Америки знаменитый охотник на ягуаров, Алексѣй Зимин, прославившійся на всю Бразилію своими подвигами по уничтоженію страшных хищников. Свои трофеи, в видѣ великолѣпных шкур звѣрей, упакованных в ящики, он привез с собой.

На набережной состоялось первое летучее интервью, и, послѣ первых слов, знаменитый истребитель ягуаров заявил: „Я уроженец Россіи и фактически являюсь русским эмигрантом!“

Затѣм послѣдовало болѣе подробное изложеніе его біографіи, замѣчательной даже в наши дни всяких экстравагантных приключений.

А. Зимину пришлось перепробовать, как и многим эмигрантам, десятки самых разнообразных профессій. Был черный труд простого рабочаго, были дни голода и бродяжничества, были минуты отчаянія и мысли о самоубійствѣ, пока... не открылась случайно яркая сказка, развернувшая свои крылья в волшебной тропической странѣ...

На счастье Зимина вскорѣ явился случай покинуть старую Европу. В 1920 году он отправился на Дальній Восток, гдѣ участвовал, как офицер, в Бѣлом движении, был ранен под Хабаровском и подобран сердобольным охотником - звѣроловом, который пріютил его в своей фанзѣ, в глухой тайгѣ Бикинскаго района. Около двух лѣт прожил Зимин в лѣсу, помогая старому звѣровщику в его трудном и опасном ремеслѣ. Молодость и крѣпкій организм выдержали это испытаніе, закалив его не только физически, но и морально. Тайга стала его родной стихіей, его заботливой матерью и корамилицей. Старый звѣролов - маньчжур привязался к юношѣ и смотрѣл на него, как на родного сына. Но всему бывает конец. Настал конец и счастливой жизни молодого человѣка вдали от міра сего: явились, как снѣг на голову, чекисты; произошло „недоразумѣніе“, окончившееся убийством одного чекиста и бѣгством Зимина через Сихотэ - Аянъ к берегу Японскаго моря. Отсюда на китайской джонкѣ он добрался до Чифу, а затѣм в Шанхай. Здѣсь Зимину пришлось поступить „бодигардом“ к богатому китайскому коммерсанту, затѣм матросом на большой океанскій пароход, совершающій рейсы в Америку.

На таком пароходѣ он пересѣк Тихій Океан и в концѣ концов очутился в Буенос - Айресѣ. Здѣсь, в полудикой Аргентинѣ, он сразу освоился с условиями жизни и быта и, работая в качествѣ ^{ПЕОН-} ковбоя, пріобрѣл ряд незамѣнимых навыков, необходимых для борьбы за существованіе. Физически и духовно он был подготовлен для этой борьбы в маньчжурской тайгѣ, а в безграничных пampасах он прошел житейскую школу и получил тренировку, обезпечившую ему успѣх в дальнѣйшем. А затѣм Южная Бразилія, гдѣ ему пришлось работать в лѣсах, близко сталкиваясь с индѣйцами. И вот, рѣшив в корнѣ измѣнить свою жизнь, Зимин бросает города,

с их продымяленной сърой жизнью и уходит к дикарям, в тайгу, где начинается существование, полное обаяния: охота, рыбная ловля и войны с соседними индейскими племенами. И случилось невероятное, о чем пишут только в романах. Русский эмигрант стал неограниченным повелителем индейского племени.

Среди бразильских дикарей существует особый род охоты, связанный с огромным риском. Это охота на ягуара с копьем. Ягуар - самый опасный и свирепый хищник той части света, и охота на него с копьем рассматривается, как благородный спорт. Человек, убивший ягуара, пользуется всеобщим уважением и почетом.

Новый вождь индейского племени - белокожий пришелец - оказался безумно смелым и ловким. Он научился отлично владеть копьем. Вскоре его хижина украсилась трофеями, прекрасными шкурами хищников.

Вместе с тем, Зимин отличался ровным, выдержаным характером, честностью и мягкостью, что также, как и его храбрость влияли на восприимчивых детей природы. Все это ставило белого вождя на недосягаемую высоту. И в концах концов, индейцы признали Зимина полубогом, относясь к нему соответствующим образом.

Невероятная вещь! — В двадцатом веке, электричества и радио, где-то на окраине земли существует страна, где полуоголый и чернобородый белый человек управляет племенем дикарей, беспрекословно ему подчиняющихся и оказывающих ему божескую почести!..

Но этот индейский диктатор в высшей степени скромен. Его не прельщает слава. Он не мечтает о личной карьере. Он привык к индейцам. Кочуя с ними по извилистым берегам огромной реки и ее притоков, он постепенно стал известен и жителям

городов. Люди, привыкшие к комфорту и цивилизациі, изумлялись ему и находили его ненормальным. Индѣйцы-же убѣждены в том, что он оборотень, т. е. ягуар, принявший человѣческий образ. Другого объясненія они не находили, при видѣ дѣйствій и поступков бѣлага человѣка.

Так, напримѣр, однажды ягуар бросился на Зимина с дерева и подмял его под себя. Гибель охотника была неизбѣжна, но послѣ короткой борьбы, ягуар лежал бездыханный, с распоротым брюхом.

Зимин охотится один, без товарищей и собак, руководствуясь исключительно своим опытом и силой. Часто он бросает свой карабин и идет навстрѣчу звѣрю с одним копьем, которое не знает промаха. Молниеносное движеніе, блеск летящаго оружія и хищник, согнувшись для прыжка, откидывается назад и хрипя катается по землѣ. Звѣрь рычит, стараясь освободиться от копья, торчащаго у него в тѣлѣ, но блеск второго копья, и звѣрь застихает окончательно...

Не смотря, на возможности болѣе комфорта-бельного существованія, этот странный человѣк вполнѣ удовлетворен тѣм, что послала ему судьба. Видимо у него своя точка зрѣнія и свой психологический подход к жизни. Его вполнѣ удовлетворяет такая жизнь среди дѣственной нетронутой природы, не загаженной и не заплеванной человѣком.

Теперь Зимин богат. Мѣх ягуара цѣнится чрезвычайно высоко, а что касается количества убитых им хищников, то оно, вѣроятно, достигает несколькиx сотен.

Перед ним открыта широкая дорога во всѣ страны культурнаго міра, но он предпочитает общество первобытных дикарей, дѣтей природы, и не думает о возвращеніи в лоно цивилизациі.

В салонах европейской столицы, среди аромата духов и сигарного дыма, в блескѣ обнаженных

женских плеч и призывных улыбок, накрашенных губ, он не нашел счастья. Впрочем он и не искал его. За годы жизни в лесах, характер его изменился. Если раньше, уезжая за счастьем в далекую Южную Америку, он и мечтал вернуться в Европу, то теперь это желание исчезло. Старый зверолов маньчжур, спасший ему когда-то жизнь, открыл перед ним книгу бытия и мудрости житейской. Он смотрел теперь на мир другими глазами и видел то, чего не видят другие ослепленные „цивилизацией“.

Его встретил самый живейший интерес со стороны обитателей столицы Великобритании. Им интересовались журналисты. Его приглашали на ратуры и файф-о-клоки. Изящные женщины мечтали о романе с чернобородым великанином, повелителем фантастических дикарей...

Но, вечера салонной беседы и бридж не привлекли Зимина. Рафинированным женщинам Европы не удалось увлечь его в свои сёти...

Туманным утром громадный океанский пароход унес Зимина на его новую родину, — в первобытную бразильскую тайгу.

Повсюду, где он, — изысканно одетый гигант, — проезжал, его встречали с интересом и почестями. Его приглашали на званые вечера и банкеты: просили его фотографии и автографы. А затем — в сторону от городов, подальше от цивилизации! Снова раскинулись над его головой огромные деревья тропического леса. Над ним сияло глубокое темное небо с ярким созвездием Южного Креста! Горели костры по пути следования вождя и дикие племена приветствовали его боевыми плясками, плясками и грохотом барабанов... Навстречу им шел белокожий гигант с черной бородой и молодыми горящими глазами...

Алексей Зимин перестал быть европейцем. Смокинг был снят. Вместо него снова надела была

бѣлая парусиновая рубаха и такие же брюки, а на охотѣ обнаженная грудь, коричневая от горячих солнечных лучей.

Бѣлолицый вождь возвратился и опять, по прежнему, лѣс огласился криками охотников.

Опускается ночь над экзотическими лѣсами, неслышно и быстро мчатся ночные птицы, между великаниями джунглей. Шуршит колючій кустарник под стопой невѣдомаго звѣря. Неумолчно звенят цикады. Под сводом непроницаемых ліан скользят упругія кольца гигантскаго удава.

В убогой тростниковой хижинѣ, под крышей из листьев перистых пальм, при тусклом свѣтѣ примитивной лампы, высокій чернобородый человѣк склонился над столом.

Мы не знаем, что там на этом столѣ! Может быть письмо из Россіи, над которым невольно задумался и нахмурился чернобородый гигант, вспоминая прошлое.

Гдѣ-то вдалекѣ, в глубинѣ лѣса, прокричала ночная птица, ей отвѣтила другая в ближайших зарослях. Лягушечій концерт гудѣл неумолкая. Среди этих звуков тропического лѣса, опытное ухо охотника уловило характерный голос голоднаго хищника.

Чернобородый оторвался от чтенія и, подняв голову, стал прислушиваться...

Что это, сказка или фантазія поэтическаго воображенія? Нѣт, это самая реальная дѣйствительность!

Это былъ нашего прозаического, скучнаго меркантильного вѣка!

ВОСПОМИНАНІЯ О МЕНДЕЛ'ЕВѢ.

По окончаніи Военнаго Училища, я был произведен в подпоручики и назначен в 16 Гренадерскій Мингрельскій полк, стоявшій в то время в Тифлісѣ.

Полком этим командовал Великій Князь Николай Михайлович, который знал моего отца по службѣ в Нижегородских драгунах и Кирасирах Его Величества.

Узнав, что сын его кончает училище, В. Князь просил о назначеніи меня в свой полк, не смотря на то, что в нем не было свободных вакансій.

По прибытіи в полк, я представился В. Князю, причем он подробно разспрашивал меня об отцѣ, уже умершем, о моих планах и намѣреніях и, услышав, что я больше всего интересуюсь природой и охотой, похлопав меня по плечу, сказал:

— Я очень рад видѣть в Вас любителя природы! Вы будете полезным сотрудником директору музея, профессору Раддэ, с которым я вас на днях познакомлю. Кроме того, думаю, что вы не откажетесь помочь мнѣ в моих энтомологических сборах и в монтировкѣ моих коллекцій бабочек в Ликани! На днях я туда отправляюсь. Вы поѣдете со мной и присмотритесь к этому дѣлу. Вы согласны?

Сказав это, В. Князь посмотрѣл мнѣ в глаза и по их выраженію понял, что от счастья и восторга у меня язык „прилпе к гортани“.

— Вот и прекрасно! — продолжал он, добродушно улыбаясь: — Будем работать вмѣстѣ! К тому же

и охота у меня в Ликани прекрасная! Много оленей, есть медведи и серны. Вы будете зачислены в охотничью команду, которая несет караульную службу в Боржомѣ и охотится в Ликани.

Нечего и говорить о том, что я был „на седьмом небѣ“ от счастья и не знал, как мнѣ благодарить доброго и отзывчиваго В. Князя, приблизившаго к себѣ бѣднаго незнанаго армейскаго офицера, не имѣвшаго за собой никакой „протекціи“.

Вскорѣ - же послѣ этого В. Князь познакомил меня с директором Кавказскаго музея, профессором Г. И. Раддэ, у которого я впослѣдствіи работал по монтировкѣ пресмыкающихся. В частых бесѣдах с этим выдающимся ученым, я теоретически знакомился с богатою и разнообразною природой Уссурійскаго Края и Маньчжуріи, и мечтал о тайгѣ, о тиграх и об охотѣ в тѣх неизслѣдованных краях, гдѣ путешествовал Н. М. Пржевальскій и о которых он рассказывал с таким воодушевленіем, когда я был еще „желторотым“ птенцом.

Под руководством Г. И. Раддэ я прошел хорошую школу музейной работы и научился всѣм премудростям таксидорміи и монтировки.

В Ликани, куда я был прикомандирован от полка, в качествѣ младшаго офицера охотничьей команды, мнѣ предоставлена была полная свобода дѣйствій, благодаря чему я имѣл возможность бродить по горам и лѣсам окрестностей Боржома, охотиться и дѣлать єборы, для пополненія великолѣпной коллекціи бабочек В. Князя, которая в то время считалась одною из лучших в мірѣ, как по количеству и качеству видов, так и по своему научному значенію. Для этой коллекціи, во дворцѣ Ликани были отведены обширныя помѣщенія, гдѣ стояли особаго устройства шкафы с бабочками. В отдельном помѣщеніи находились садки и вальєры, для выкормки гусениц и содержанія личинок. Здѣсь - же была _препаровочная, для монтировки, а также

лабораторія, гдѣ производились анализы, изслѣдованія и съемки. Особая контора вѣдала учетом, регистраціей, біологическим описаніем и перепиской со всѣми странами міра.

Словом, это был цѣлое учрежденіе со штатом служащих и рабочих. В. Князю это стоило больших денег, но он не жалѣл на это средств, т. к. это было его любимое дѣтище.

Вообще надо сказать, что В. Князь Николай Михайлович отличался не только своей добротой и доступностью, но и высокой образованностью, соединенной с широтой умственного кругозора.

Однажды, возвратившись из экскурсіи с полною коробкою чешуекрылых и с сачком за плечами, я спустился в парк, прилегавшій непосредственно к лѣсу, и встрѣтил В. Князя, гулявшаго по одной из аллей с какими-то двумя стариками, весьма почтенной „ученой“ наружности.

Одного из них я узнал сразу: это был извѣстный изслѣдователь Кавказа и Амурского края, профессор Г. И. Раддэ, с которым я работал в музѣи и экскурсировал в Муганской степи, производя наблюденія над змѣями, которые в тѣх мѣстах водятся в огромном количествѣ.

Другого я видѣл впервые, но мнѣ показалось, что внѣшность его как-будто мнѣ знакома.

— А, вот наш молодой натуралист! — произнес В. Князь своим мягким голосом, указывая на меня своим собесѣдникам: — Ну, покажите ка нам свои сборы! Нѣт-ли чего нибудь новаго?

Поздоровавшись с профессором Раддэ, я подошел к В. Князю и передал ему коробку с бабочками. Открыв ее, он занялся подробным их осмотром и сортировкой, дѣлая замѣчанія на нѣмецком языкѣ, при обращеніи к Раддэ, который видимо также заинтересовался моими сборами.

Всматриваясь в незнакомца, я все болѣе и болѣе убѣждался в том, что это извѣстный химик, ученый с міровым именем; Д. И. Менделѣев. Большая, породистая голова его, увѣнчанная львиною гривой сѣдѣющих волос, и острый взгляд сѣрых вдумчивых глаз, не оставлял никаких сомнѣній в том, что передо мною великий русскій человѣк, наша національная гордость.

Когда же В. Князь закончил осмотр бабочек и обратился к нему, с цѣлью наѣт познакомить, я узнал, что мое предчувствіе меня не обмануло. — Дмитрий Иванович! произнес В. Князь, передавая мнѣ коробку с бабочками: Разрѣшите представить вам моего ученика, молодого натуралиста, подпоручика Байкова, прикомандированного, по ходатайству профессора Раддэ, от моего полка, к имѣнію Ликани, для занятій по сбору чешуекрылых.

— Очень рад познакомиться! проговорил великий ученый, протягивая мнѣ свою большую мягкую руку: — Менделѣев! Вѣроятно слышали обо мнѣ или читали в газетах! Это было сказано с такой простотой и добродушным юмором, что В. Князь и Раддэ разразились неудержимым смѣхом.

Я чувствовал себя немного смущенным и не знал, как себя держать в такой почтенной компании, но радушіе В. Князя и подкупающая простота Менделѣева заставили меня забыть разницу лѣт и общественного положенія между мною и моими собесѣдниками. Вскорѣ я совершенно освоился и чувствовал себя прекрасно, чему способствовал В. Князь своим удивительным тактом и непринужденностью.

В это время мы шли по главной аллѣ парка.

Раздался протяжный звук гонга со стороны дворца.

— Вот и прекрасно! — сказал В. Князь, обращаясь к нам: — Нас приглашают к ужину! Господа, милости просим! Вѣроятно вы проголодались! — Ска-

зав это, он взял под руку Менделѣева и направил-ся с ним в боковую аллею, напрямик к дворцу; мы слѣдовали за ним, причем профессор Раддэ сообщил мнѣ радостную для меня вѣсъ, о началѣ постройки КВжд и о формированіи Охранной Стражи, куда я мечтал перевестись на службу.

Через полчаса мы сидѣли на обширной террасѣ дворца, гдѣ гостепріимный хозяин угощал нас изысканным ужином из кавказских блюд, среди которых доминировал шашлык из горного барашка с барбарисовым соусом. Запивали кахетинским вином, причем В. Князь провозгласил первый тост за здоровье дорогого гостя, Д. И. Менделѣева.

Послѣ ужина, В. Князь пригласил нас в бесѣдку - грот, которая стояла на берегу Курьи, откуда открывался чудный вид на горы и лѣса, освѣщенныя фосфорическим сіяніем луны.

Здѣсь, попивая ароматное старое вино из собственных погребов В. Князя, мы с большим интересом слушали знаменитаго русскаго ученаго, посвящавшаго нас в различные вопросы современной научной мысли и достиженія техники и химіи.

Он говорил о значеніи нефти для государственного развитія; о наших бакинских источниках; о предполагавшемся, по его проекту, нефте-проводѣ Баку—Батум; об усовершенствованіи двигателей; о развитіи транспорта и торговли; о тяготѣніи Россіи на восток; о перемѣщеніи ея государственного центра в Западную Сибирь; о значеніи для Россіи берегов Тихаго Океана; об исторических задачах русскаго народа и о многом другом, что изгладилось уже из моей памяти за этиѣ сорок с лишним лѣт.

Мы слушали его с затаенным дыханіем, стараясь запомнить каждое его слово. Под конец бесѣды, увидѣв у меня лезгинскій кинжал, он прочел нам цѣлую лекцію, о выработкѣ стали и развитіи металлургической промышленности, причем указал,

что лезгинские кустари оружейники уже давно, опытным путем, нашли способ закалки, применимый в современной технике только теперь.

Разошлись мы только под утро, когда на востоке загорелась заря и вершины гор, выступавшие из облаков, золотились яркими лучами солнца. Стремительный бег Куры наполнял Боржомское ущелье неумолчным шумом.

На следующий день Д. И. Менделеев и профессор Раддэ уехали в Тифлис, а затем в Баку на нефтяные промыслы.

Это было летом 1897 года. В 1900 году, подав прошение о переводе на службу в охранную стражу КВЖД, я отправился в Петербург, для ускорения этого перевода, и в Главном Штабе узнал о том, что меня зачислили кандидатом, т.е., иными словами, дело было почти безнадежно. Без особой протекции попасть в Маньчжурию не представлялось возможным. Тогда только я вспомнил, что горю моему может помочь Д. И. Менделеев, к которому я и отправился в Оранienбаум, где он жил в то время на даче у моего дяди И. П. Илимова, своего закадычного друга и однокашника по институту и гимназии.

Знаменитый химик, узнав, что я мечтаю о Дальнем Востоке, одобрил мое намерение и с радостью изъявил желание мне помочь.

— Поехайте, поезжайте, молодой человек, в Маньчжурию! — говорил мне великий ученый: — Там для вас открывается широкое поле деятельности! Это новый край, который ждет исследователей! Завтра же буду в Петербург и поговорю о вас с Начальником Штаба. Кроме того, совместно с вами явиться к Великому Князю Николаю Михайловичу, в этом деле он может быть вам очень полезен. Благословляю вас на новую жизнь! С Богом!

Окрыленный радужными надеждами, в тот же вечер я вернулся в Петербург и на следующее утро

был во дворцѣ Великаго Князя, на Милліонной улицѣ. Увидѣв меня, Великий Князь вышел ко мнѣ на встречу и, пожимая мою руку, сказал:

— Здравствуйте, здравствуйте, юный натуралист! Как ваши дѣла? Что привело вас в Петербург с далекаго Кавказа?

Узнав о моем желаніи перевестись в охранную стражу, подумав немногого, он проговорил:

— Вы могли-бы легко поступить в Академію Генерального Штаба, и я с удовольствіем оказал-бы вам свое содѣйствіе в этом дѣлѣ, но вижу, что ваши намѣренія другія. Одобряю и готов помочь! Сказав это, Великий Князь достал из стола свою визитную карточку с Великокняжескою короной и, написав на ней нѣсколько слов, передал ее мнѣ, проговорив:

— Думаю, что этого вполнѣ достаточно! От души желаю вам успѣха! Если вас не затруднит, не откажите собрать для моей коллекціи рѣдкіе экземпляры маньчжурских бабочек, которых у меня нѣт. Буду очень благодарен! Все необходимое для сборов я перешлю вам через профессора Раддэ из Кавказскаго музея. Передайте карточку Начальнику Штаба и мой привѣт.

Получив карточку и отвѣтив на нѣсколько вопросов Великаго Князя о полковых дѣлах, я встал и стал прощаться, считая аудіенцію законченной.

Пожимая мнѣ руку, Великий Князь еще раз пожелал всего наилучшаго своему „мингрельцу“ и взял с меня обѣщаніе „писать и не забывать старого отца-командира Черных Гренадер“.

Обласканный Великим Князем и не чувствуя под собой ног от счастья, увѣренный в успѣхѣ, я отправился в Штаб, гдѣ и предъявил карточку Вел. Князя. Само собой разумѣется, она возымѣла свое магическое дѣйствіе и через каких нибудь три дня состоялся Высочайший приказ о моем пе-

реводѣ в Охранную Стражу КВЖД., но, пока я добрался до Маньчжуріи, эта Стража была переименована в Заамурскій Округ Пограничной Стражи. Великий Князь в это время уже не командовал Мингрельским полком, а был Начальником Кавказской Гренадерской дивизіи.

Служа в Заамурском Округѣ, я честно выполнял „завѣты Пржевальского“ и наставлений Великаго Князя Николая Михайловича, по изученію природы Маньчжуріи, отсылая свои сборы и результаты изслѣдований в Императорскую Академію Наук, за что в 1907 г. был награжден участком земли в Уссурійском краѣ, площадью в 500 десятин. Эту рѣдкую награду я получил, благодаря ходатайству перед Академіей Наук Д. И. Менделѣева, поддержанному Великим Князем Николаем Михайловичем.

Этот земельный участок, расположенный в горно - таежном районѣ рѣки Имана, предназначался мною для устройства зоопитомника и біологической станціи, но передряги Великой войны, а затѣм революціи, свели это дѣло на нѣт, окончательно и безповоротно.

В 1907 г. скончался великий русский ученый Д. И. Менделѣев и за нѣсколько недѣль до смерти вспомнил о „маленьком человѣкѣ“, русском армейском офицерѣ, живущем в далекой Маньчжуріи, удостоив его своей книгой „К познанію Россіи“, с надписью „Моему молодому другу Н. Байкову. Д. Менделѣев“.

Эту книгу я получил от Академіи Наук в 1908 г. послѣ смерти великаго человѣка. Она, вмѣстѣ с книгой Н. М. Пржевальского, с его собственноручной надписью, служила мнѣ путеводным свѣточес в моей, богатой впечатлѣніями, жизни.

КЛАД КОРСАРОВ.

Моряки народ суевърный и романтическій. Вся их жизнь, сопряженная с беспокойной и опасной дѣятельностью, вырабатывает особый тип людей, отличающихся смѣлостью, рѣшительностью, упрямством и несокрушимою силой всли. Постоянная борьба с враждебною стихіей и близость смерти закаляют не только тѣло, но и душу, которая в концѣ концов грубѣет, становится нелюдимой и сосредоточенной. Тип старого „Морского волка“ извѣстен всѣм и прекрасно изображен в литературѣ, как иностранной, так и отечественной.

Среди моряков существует много всяких легенд и сказаний, не только из области чудесного и фантастического, но и различных преданій, имѣющих историческое основаніе.

Доминирующую роль в этих преданіях играют клады, скрытые на отдаленных островах морей и океанов морскими разбойниками, корсарами XV и XVI столѣтій, наводившими страх и трепет не только на мирных прибрежных жителей и купеческіе корабли, но зачастую и на хорошо вооруженные военные фрегаты, владычицы морей, Европы и Британіи.

Нѣкоторыя из этих преданій превратились уже в легенды, а зарытые клады в несмѣтныя богатства, охраняемыя таинственными силами природы и чарами волшебства.

Одной из популярных морских легенд является преданіе о „Кладѣ Зондскаго Моря“, скрытом в

подводной пещерѣ необитаемаго скалистаго острова въ восточной части Архипелага.

Много поколѣній моряковъ пыталось отыскать этот островъ, но всѣ ихъ попытки не привели ни къ чѣму, пока въ концѣ прошлаго столѣтія, одному капитану голландскаго купеческаго корабля, не удалось найти островъ съ пещерой, гдѣ, по предположенію, находится заповѣдный кладъ морскихъ корсаровъ.

Хитрый капитанъ долго держалъ свое открытие въ секрѣтѣ, пока съ двумя сообщниками не попытался проникнуть въ эту пещеру. Но попытка эта окончилась трагически. Самъ капитанъ погибъ, одинъ изъ его сообщниковъ сошелъ съ ума, а другой наотрѣзъ отказался указать мѣсто нахожденіе острова. Но открытая тайна - уже не тайна. По слѣдамъ капитана пошли многіе искатели и нашли островъ. Всѣ попытки ихъ проникнуть въ пещеру также были неудачные, несмотря на примѣненіе новѣйшихъ усовершенствованій водолазной техники. Очень много смѣльчаковъ погибло, недостигнувъ никакихъ результатовъ.

Со временемъ тяга къ отысканію клада у любителей приключеній остыла и объ островѣ сокровищъ начали забывать.

Дѣло въ томъ, что пещера эта находится на самомъ берегу моря, у подножья высокой базальтовой скалы; узкое ея отверстіе, во время прилива, ниже уровня воды на десять метровъ, во время же отлива оно выходитъ изъ воды на половину. Море въ этомъ мѣстѣ всегда бурно и прибой волнъ въ прибрежныя скалы настолько силенъ, что его неумолчный шумъ заглушаетъ голосъ человѣка. Во время прилива и отлива, струя воды, съ оглушительнымъ ревомъ, стремится впередъ или назадъ у входа пещеры съ такою силой, что человѣкъ противостоять ей не можетъ.

Лучшаго мѣста, для храненія награбленныхъ сокровищъ, пираты найти не могли и, вѣроятно, они знали способъ безопаснаго проникновенія въ пещеру, но это былъ ихъ секретъ, который они унесли съ собой

в могилу. Туземцы Зондских островов также указывают на эту пещеру, как на мѣсто храненія клада, но ни один из них не осмѣлится проникнуть туда, боясь гнѣва богов и мести таинственного морского чудовища, охраняющаго заколдованный клад.

Несколько хороших пловцов из туземцев, все же погибли здѣсь, при попыткѣ проникнуть туда во время отлива.

Однажды, у берегов этого пустыннаго острова, стала на якорь голландская шкуна „Ван-Дейк“, занимавшаяся сбором кокосовой копры по берегам островов Зондского моря. Стоянка вызвана была необходимостью починки машины и другими работами по ремонту обшивки, пострадавшей во время тайфуна. Капитаном ея был известный морской волк, носившій знаменитое прозвище „капитана Нэмо“.

Экипаж, состоявшій из тридцати человѣк туземцев и европейцев, окончив работы, получил два дня отдыха и предавался пьянству на берегу, гдѣ был устроен для этого навѣс из брезента.

Среди европейцев были двое русских эмигрантов, бѣжавших из отечества, послѣ захвата его большевиками.

По окончаніи ярославской гимназіи, они оба сражались в рядах Бѣлой Арміи и со всѣми бѣженцами попали в Константинополь; оттуда судьба забросила их в Остиндію, гдѣ, в концѣ концов, они очутились матросами на голландском купеческом суднѣ, в числѣ других, таких-же как они, бездомных бродяг и искателей приключений.

Обоим вмѣстѣ было не болѣе полсотни лѣт! Старшій, Василій Невзоров, блондин высокаго роста, с большими мечтательными глазами; его товарищ, Юрій Скворцов, представлял собой рѣзкую ему противоположность: это был смуглый брюнет, небольшого роста, ловкий и сильный. Первый флегматик,

второй сангвиник. Скворцов хорошо играл на балайке, с которой не разставался, по выездѣ из Россіи; он пѣл цыганскіе романсы, забавляя команду корабля своими пѣснями, танцами и заражая всѣх своим весельем. Даже мрачный капитан, типичный морской волк, любил слушать его пѣсни и, выпив лишнюю стопку рому, задумчиво смотрѣл в голубую даль океана, пуская клубы дыма из своей трубки—носогрѣйки, причем матросы увѣряли, что по его загорѣлым щекам катились тогда слезы.

Скворцова считали лучшим пловцом, хотя между матросами были гавайскіе канаки, пользующіеся славою людей-амфибій на всѣх островах Тихаго Океана.

Стоянка у берегов знаменитаго острова дала матросам благодарную тему для бесѣд и рассказов о заколдованным кладѣ и о несмѣтных сокровищах таинственной пещеры.

Бесѣды эти привели к тому, что у матросов, под вліяніем паров крѣпкаго рома, явилась идея самим попытать счастья в отысканіи клада. Моряки народ рѣшительный: задумано—сдѣлано. Образовалась компанія в восемь человѣк европейцев, из наиболѣе трезвых, которая, запасшись всѣм необходимым для этой цѣли, отправилась к высокой скалѣ, виднѣвшейся на концѣ острова, в двух километрах от стоянки корабля.

Само собой разумѣется, что наши пріятели принимали дѣятельное участіе в этом предпріятіи и Юрій Скворцов взялся проникнуть в пещеру.

Придя на мѣсто и обслѣдовав вход в подземелье, матросы рѣшили немедленно приступить к дѣйствіям, тѣк как было благопріятное времѣя отлива. Раздѣвшиесь до нага, Юрій обвязал свою талію веревкой, другой конец которой закрѣпил у пояса его пріятель. В брезентовый, непроницаемый для воды, мѣшечек он положил электрическій фонарь

и спички. Мъшечек этот и финскій нож были надѣты на пояс.

В случаѣ опасности или тревоги, Юрій должен был дернуть веревку три раза подряд, по этому сигналу его немедленно же вытаскивают из пещеры; кромѣ того, если никаких сигналов подано не будет, пловца должны вытащить через четверть часа, послѣ его погруженія в воду.

Веселый и жизнерадостный Юрій стоял у входа в пещеру. Его мускулистое, точно вылитое из бронзы тѣло блестѣло под лучами яркаго тропического солнца. На лицѣ не замѣтно было ни тревоги, ни сомнѣній. Море шумѣло и набѣгающія волны его, ударяясь о скалу, разбивались, пѣнились и шипѣли, обдавая брызгами загорѣлые тѣла матросов, и играя на солнцѣ цвѣтами радуги.

Сдѣлав прощальный знак рукой и перекрестившись, Юрій нырнул в темнозеленую пучину вод, таща за собой тонкую кокосовую веревку. Невзоров стоял у входа в пещеру, разматывая кольца веревки, которая уходила из его рук и тянулась в глубину пучины.

Лица у всѣх были сосредоточены. Каждый сознавал серьезность момента и переживал муки ожиданія.

Прошло минут пять. Веревка размоталась почти до конца и повисла в руках Невзорова. Никаких сигналов подано не было.

Попробовали вытаскивать веревку, она подавалась легко и вскорѣ натянулась. На подергиванья снаружи, отвѣта изнутри не было.

Так прошло минут десять. Предполагали, что пловец находится в пещерѣ, но почему-то не подает никаких сигналов.

Положеніе становилось напряженным и тревожным.

Прошел роковой срок—четверть часа. Необходимо было действовать.

Всё семь человек, взявшись за веревку, начали ее тянуть из воды.

Сначала она подавалась легко, а затем остановилась, натянувшись, как струна.

Семь здоровенных молодцов тянули веревку изо всех сил, упираясь в каменистое дно крепкими ногами, но всё усилия были напрасны.

Веревка звенела, как струна, и не подавалась ни на пядь.

Наконец, послѣ долгих усилий и рывков, веревка понемногу стала показываться из воды и медленно подаваться, но при малѣйшем ослаблении, она опять быстро уходила в глубь. Очевидно, какая-то страшная сила тянула ее в воду и оказывала сопротивление соединенным усилиям семи человек.

На лицах у матросов была написана тревога, безотчетный страх и ожидание чего-то таинственного и ужасного. Если-бы не чувство долга по отношению к товарищу, они бросили бы все и бѣжали без оглядки. Присутствие Невзорова также действовало на них ободряюще.

Послѣ невѣроятных усилий и напряженія, веревка, наконец, была вытащена на три четверти своей длины и вскорѣ из воды показались какіе-то темные извивающіяся змѣи, с двойным рядом свѣтло-желтых присосков. Это были щупальцы гигантского спрута. Их было три. Они показались из воды у входа в пещеру и, протягиваясь вперед, осторожно нащупывали своими концами спины и плечи матросов, стоявших впереди. Взглянув в глубину водной пучины, Невзоров увидѣл огромный, почти человѣческій, неподвижный глаз осминога, свѣтящійся в темнотѣ у входа в пещеру. Его упорный пристальный взгляд, обращенный на человека, был до того страшен и подавляющ, что стоявшіе

впереди матросы бросили веревку и, с криками: „Дьявол! Дьявол! Морской черт!“, побежали к берегу. За ними последовали остальные, оставив Невзорова одного, обвязанного концем веревки. Почувствовав отсутствие сопротивления, морское чудовище быстро ушло в глубину, потянув за собой веревку и привязанного к ней человека. Видя неминуемую гибель, Невзоров поспешил освободиться от конца веревки, что ему удалось сдѣлать только с большим усилием, у самого отверстия в пещеру. Еще одна секунда промедления и он погиб - бы в пучинѣ, как и его друг Юрий.

Выбравшись кое как на берег, он не нашел здесь никого. Матросы бѣжали к своему кораблю, подгоняемые суевѣрным страхом и ужасом пережитых впечатлѣній.

Убитый горем, оплакивая гибель своего друга, Невзоров долго еще сидѣл на скалистом берегу острова и с невыразимою тоской смотрѣл в темно-зеленую бездну, зіявшую под его ногами.

Прилив начинался и гигантскіе валы его на-двигались из голубых далей моря. Ударяясь в скалистый берег, они вздымались кверху и с грохотом падали назад, превращаясь в холмы клокочущей пѣны.

Буревестники и крачки носились над бушующим прибоем и жалобные крики их раздавались среди шума и плеска волн.

Сомнѣній не было! Юрий погиб в смертельных объятіях спрута, единственного хранителя сокровищ! Достиг - и он завѣтной пещеры? Видѣл-ли несмѣтныя богатства пиратов? Отвѣты на всѣ эти вопросы он унес с собой, в водянную могилу, гдѣ обезкровленное тѣло его поконится среди причудливых раковин, разноцвѣтных кораллов и других сказочных чудес недосягаемых глубин Зондского моря.

Узнав о гибели матроса, капитан Нэмо был очень опечален и первым дълом обозвал всѣх „идиотами“ и „ослами“, за легкомыслie и трусость, а затѣм, собрав весь экипаж на палубѣ, прочел установленную погребальную молитву. Колѣно-преклоненные морскie волки, потупив головы, слушали проникновенныя слова своего старого капитана и у многих из них текли искреннія слезы по бурым обвѣтренным щекам.

По морскому обычая, балалайка, как музикальный инструмент погибшаго матроса, была разбита ударом о борт корабля и выброшена в море. Порванныя струны ея зарыдали и, вторя им, вдали перекликались и плакали чайки, блестя бѣлоснѣжными крыльями в синевѣ вечерняго неба.

ПОДВИГ МАЛЕНЬКАГО МИККИ.

Однажды, зайдя по дѣлу к служащему чайной фирмы Липтон и Ко в Бомбей, к удивлению своему, я узнал, что он русскій и конечно эмигрант, бывшій военный, отбывшій Великую и гражданскую войны и обосновавшійся в Индіи, благодаря удачной женитьбѣ на дочери одного из акціонеров этого богатаго предпріятія.

Мы разговорились, вспоминая печальную эпоху русской „безкровной“ революціи и, в концѣ концов, я был приглашен им в его роскошный бунгало в окрестностях города, гдѣ засидѣлся до поздняго вечера, слушая интересную бесѣду гостепріимнаго хозяина и мастерскую игру на рояли его прелестной супруги, чистокровной англичанки, с умными и нѣсколько холодными голубыми глазами.

За обѣдом, который был подан в 6 часов вѣчера на обширной верандѣ, я познакомился и с их дочуркой, обворожительной „бэби“, пяти лѣт. Весь уклад жизни их был типичный англійскій колоніальный, в котором значительную роль играли многочисленные бен-индусы, неслышно скользившиѳ своими босыми ногами по бамбуковым циновкам.

Дѣвочка свободно объяснялась по индусски с прислугой и няней индуской, и немного по русски с отцем, с матерью-же только по англійски.

Послѣ сытнаго и изысканного обѣда, мы с хзяином уединились в большой комфортабельный кабинет, гдѣ, за душистым кофе с ликерами, вели задушевныя бесѣды, на которых способны только

руssкіе люди, загнанные жестокою судьбой на чужбину.

Мой собесѣдник, очевидно, стосковался по таким душевным изліяніям и старался использовать меня, в качествѣ усердного и молчаливаго слушателя. Говорил он хорошо и толково, и я с удовольствием внимал его пріятному баритону, нарушавшему тишину внезапно наступившей тропической ночи. Он был откровенен и говорил громко, так как русскую рѣчь здѣсь никто не понимал, кромѣ меня.

Его высокая бѣлая фигура рѣзко выдѣлялась на темном фонѣ дремавшаго сада и смуглое красивое лицо оживлялось вдохновеніем, когда он пророчествовал о будущем великой возрожденной Россіи.

— Знаете ли! — говорил он — Я не сомнѣваюсь, что Россія воскреснет! Темные силы падут, и вампир, сосущій ея кровь, будет раздавлен могучим взмахом проснувшагося народа! Еще не изсякла русская сила! Еще не гнутся казаки!

— Я казак по происхожденію! — продолжал он послѣ минутнаго раздумья — Я знаю их хорошо и уверен, что Россію спасут казаки, как спасали ее когда-то от иноземнаго ига! В казачествѣ сохранилась самая квинтэссенція русскаго духа и его не вытравят никакія ухищренія жидо-масонов и других врагов Россіи. Мне повезло. Я нашел свое личное счастье и достиг возможнаго благополучія, но душа моя страдает за Россію, поэтому и самое счастье это только кажущееся. Я страстно люблю свою семью и готов отдать за нее жизнь, но, как только родина потребует от меня жертвы, я принесу ее, не задумываясь, и брошу все, даже свое личное счастье, на алтарь отечества! Таковы мы казаки! Это у нас в крови. Вы помните слова Тараса Бульбы, когда он рѣшилѣ хать с сыновьями в Сѣчь? В каждом из нас сидит дух Тараса и каждый из нас отвѣтит его словами: „Слышу!“, когда родина при-

зовет его, как призывал Остап на смертном одре мученій: „Ты слышишь, батько?“ — Далеко заполночь затянулась наша бесѣда. Цикады вторили нам, заливаясь своим неумолкаемым треском в глубинѣ джунглей.

Чудная тропическая ночь окутала землю и яркая луна бросала свои серебристые лучи сквозь перистые листья пальм и банановых деревьев на песчаные дорожки сада и красивые газоны с цветами. В комнату вливался пряный, насыщенный ароматами, береговой муссон.

Слушая своего неутомимаго рассказчика, я обратил вниманіе на изящное чучело маленькаго звѣрька мунго, стоявшее на письменном столѣ, под стеклянным колпаком. На черном мраморном пьедесталѣ его была врѣзана серебряная табличка с англійской надписью.

Воспользовавшись минутой молчанія, я попросил объясненія этой надписи, и любезный хозяин с охотою удовлетворил мое любопытство.

— Как вы знаете, начал мой собесѣдник: — в каждом европейском домѣ в Индіи держат этого милаго и симпатичнаго звѣрька из породы мангуст. Индузы называют его мангус, а англичане мунгос. Он ненавидит змѣй и истребляет их во множествѣ. Особенно здѣсь опасны кобры, которые заползают во дворы европейцев из джунглей, а также древесные змѣи, ютящіяся в листвѣ и даже в садовых цветах. Надо быть очень осторожным и крайне внимательным, иначе неминуемая смерть грозит вам здѣсь на каждом шагу. Во избѣжаніе этого, в каждом европейском домѣ держат одного или нескольких мунго, которые очищают дом от крыс и мышей, а также от змѣй, которые от времени до времени появляются не только в садах, но и в домах жителей. Случай укушенія очень часты и нѣредко со смертельным исходом.

Конечно, наибольший процент укушеній падает на дѣтей, которых по природѣ ~~свѣей~~ не могут проявить должной осторожности, хотя дѣти индусов, в силу унаследованных привычек, не так часто подвергаются опасности как дѣти европейцев. Моя дочь, три года тому назад, едва не погибла от кобры, которая заползла к нам в сад и случайно не была замѣчена нашим любимцем мунгосом, носившим имя „Микки“. Он почти всегда находился около ребенка во время прогулок в саду, равно как и няня индуска, но в один несчастливый день, няня как - то отлучилась на кухню, за молоком для ребенка, и возвратясь, осталась на мѣстѣ, пораженная кошмарным видѣніем. Дѣвочка сидѣла на кучѣ песка на дорожкѣ сада и строила домики и бабки деревянной лопаточкой. Около нея поднималась страшная голова кобры, выползавшей из куста. Змѣя была раздражена и готовилась броситься на ребенка, которого забавляла красивая „змѣйка“, раздувшая свой шейный щит и глухо шипѣвшая от негодованія и злости. Не подозрѣвая смертельной опасности, ребенок смѣялся и отгонял от себя опасную гадину ударами лопаточки по ея головѣ. Послѣ каждого удара, змѣя отстранялась и, напрягая мускулы тѣла, извивалась, выбирая удобный момент для укуса.

Няня стояла в пяти шагах, боясь шевельнуться и крикнуть, так как тогда змѣя укусила бы ребенка в мгновеніе ока.

Дѣвочка видѣла няню и звала ее, посмотреть „красивую змѣйку“. Но индуска, не смотря на всю свою опытность, ничего не могла предпринять и стояла, ни жива-ни мертвa, сознавая свое полное безсиліе. Каждую секунду кобра могла нанести смертельный удар, так как раздраженіе ея достигло высшаго предѣла.

Индуска готова была уже броситься на защиту ребенка, как вдруг совершенно неожиданно, откуда

ни возьмись, с быстротой молнии, выскочил из кустов „Микки“ и впился в тело змеи своими острыми зубами. Картина сразу изменилась. Кобра и мунгос в смертельной борьбе сплелись в один клубок, катаясь по песку у ног девочки, которая, не понимая в чем дело, хлопала в ладоши и зливалась смехом, въроятно предполагая, что приятель Микки вздумал поиграть с красивою змейкой.

Тогда только пришла в себя старая индуска и, бросившись к ребенку, подхватила его на руки и убежала с ним на кухню, где подняла тревогу. Когда прибежали слуги, то все было кончено: мертвая кобра лежала на песке с перекусенной головой и около нея вертелся мунгос, с взъерошенной шерстью и окровавленными боками. Въроятно в борьбе он был укушен несколько раз, так как вскорѣ же почувствовал себя дурно, с жадностью пил воду, шатался, не находил себѣ нигде места, затѣм отполз в темный угол комнаты и там околел.

Меня и жены в это время не было дома, мы узнали о происшествіи только спустя два часа послѣ смерти нашего дорогого Микки. Нечего и говорить, что жена и дочь были в большом горѣ, от потери любимца. Конечно, не обошлось без слез и тоски о потерянном другѣ и товарищѣ детских игр.

На семейном совѣтѣ было решено сдѣлать из Микки чучело на мраморной подставкѣ, которое вы видите на моем столѣ.

На серебряной табличкѣ вырезана такая эпитафія:

„Наш славный маленький Микки, отдавшій жизнь за своего друга!“

Мунгос, обыкновенно, легко справляется с ядовитыми змеями, даже с коброй, и очень рѣдко подвергается укусам, но в данном случаѣ наш Микки должен был действовать быстро и решительно, без принятия необходимых мер предосторожности,

договор, засвидѣтельствованный в консульствѣ САСШ. Через двѣ недѣли они были уже на мѣстѣ и приступили к исполненію своих каторжных обязанностей, не в качествѣ надзирателей, а в видѣ чернорабочих, по срѣзыванію стеблей тростника, под палящими лучами тропического солнца, втечение 10 часов в сутки.

Протесты их ни к чему не привели, т. к. контракт был ими подписан на англійском языке, о котором они не имѣли понятія. Гаваец их попросту обманул, за что, вѣроятно, получил компенсацію от предпріятія. У американцев это называется „бизнесом“.

Бѣжать с острова нельзя, т. к. всюду находится тайная полиція. Попытка к бѣгству наказывается жестоко, поэтому наши бравые воины должны были смириться и отбарабанить на американской каторгѣ, в качествѣ рабов, 12 мѣсяцев.

По окончаніи этого испытанія, имѣя уже нѣкоторый заработок в карманѣ, наши пріятели попадают в Калифорнію, гдѣ знакомятся с мексиканскими ранчеросами, т. е. помѣщиками, предложившими им работать в ранчо, по выѣздкѣ молодых лошадей.

Нечего и говорить, что молодые люди обрадовались этому предложенію и вскорѣ - же стали объѣзжать диких коней на одной из богатѣйших мексиканских ферм. В русской арміи они служили в кавалеріи, а потому это дѣло давалось им легко и в короткій срок они завоевали себѣ прочное положеніе, как спеціалисты конского спорта и вообще коневодства.

Их хозяин, ранчero, был человѣк просвѣщенный и родовитый, ведущій свое происхожденіе от испанцев, первых завоевателей Мексики. Женатый на мексиканкѣ, он имѣл единственную дочь, красавицу Розиту, которая только что вернулась к родителям из Англіи, гдѣ она окончила колледж.

Пріятель моего харбинского знакомаго, был высокій стройный блондин, плѣнявшій сердца женщин и не раз имѣвшій из-за этого кровавыя столкновенія с горячими, необузданными мексиканцами.

Но благодаря своей силѣ, ловкости и умѣнью владѣть навахой, т. е. ножом, он выходил побѣдителем из многочисленных поединков и неожиданных нападеній.

Васко (Василій) пользовался обаяніем среди темпераментных мексиканок и уваженіем у мъщин.

Прошло пять лѣт. Из простого объездчика он превратился уже в управляющаго конским заводом и имѣл неограниченное довѣріе Дона - Хуареца, хозяина ранчо.

Замѣтив, что дочь его Розита неравнодушна к русскому эмигранту, гордый испанец сначала и слышать не хотѣл о ея замужествѣ, но, впослѣдствіи, убѣдившись, что дочь его непреклонна в своем рѣшеніи и зная темперамент мексиканок, дал свое согласіе на брак, имѣя в то же время в виду, пріобрѣсти молодого, красиваго и дѣльнаго человека, в качествѣ зятя.

Ни для кого не было секретом, что в Васко влюблена одна из служанок ранчо, креолка Нинья, одна из красивых девушек в области. Всѣ прекрасно знали, что между молодыми людьми были отношения болѣе, чѣм дружескія; но мексиканскіе нравы в этом отношеніи довольно свободны, и на это обстоятельство Дон - Хуарец не обратил никакого вниманія, а донья Розита, конечно, простила своему жениху его прежнее увлеченіе.

Дон - Хуарец был уже стар и в лицѣ Васко видѣл своего замѣстителя и преемника.

Психологія русскаго эмигранта, бездомнаго скитальца, была вполнѣ понятна: он не мог даже и мечтать найти такое благополучіе и из нищаго превратиться в богатаго мексиканскаго ранчero!

Такую метаморфозу можно увидѣть только во снѣ, или на экранѣ кинематографа! Но это была дѣйствительность и притом самая реальная!

Чтобы задобрить обиженную Нинью и лишить ее права на месть, старый ранчero предложил ей солидную сумму денег, в видѣ отступного, но гордая креолка отказалась от денег и ушла из ранcho, унеся с собой, яко-бы на память, нижнюю рубашку своего возлюбленного, Васко. Кромѣ того, она унесла с собой непреодолимую и жгучую жажду мести.

День свадьбы был уже назначен, послѣ окончанія жатвы. Всѣ необходимыя приготовленія, согласно обычаяв и по ритуалу католической церкви, были уже сдѣланы. Донья Розита была счастлива и не могла дождаться обряда вѣнчанія. Васко по-видимому также был на седьмом небѣ и влюбленными глазами пожирал свою прелестную невѣсту.

О Нинѣ он не вспоминал, как и о других своих многочисленных увлеченіях.

Наконец настал день свадьбы. Послѣ вѣнчанія в церкви ближайшаго города, всѣ гости были приглашены на свадебный пир, который прошел, согласно обычая, с изумительной пышностью и великолѣпiem.

Послѣ свадебной трапезы, гдѣ присутствовали всѣ родственники и друзья Дона Хуареца, молодые удалились к себѣ в дом, для них специально отстроенный со всей роскошью и комфортом. Родители были особенно довольны тѣм, что Нинья до сих пор ничѣм себя не проявила и даже не была на свадьбѣ. На этом основаніи они рѣшили, что с этой стороны опасность миновала, т. к. обычай Мексики допускает месть со стороны оскорблennой женщины только до обряда вѣнчанія, послѣ этого женщина теряет всѣ права на资料а бывшаго возлюбленного. Таковы нравы, таков обычай и таков

закон, основанный на древнейших бытовых традициях.

Женщина, убившая своего возлюбленного до свадьбы, находится под защитой общественного мнения и даже закона, но если она убьет его послѣ свадьбы - ее ждет общее презрение и кара закона. На другой день, молодая жена проснулась поздно и с нежной любовью взглянула на своего красавца мужа, лежавшаго рядом с ней на роскошной широкой кровати.

Он был неподвижен и мертвенно-блѣден. Глаза полуоткрыты. На безкровных губах застыла улыбка.

Дотронувшись до его лба и полуопущенных век, Розита убѣдилась, что муж ея мертв. Ее объял ужас и отчаяніе.

Вскрикнув нечеловѣческим голосом, она рванулась с кровати и замертво упала на шкуры ягуаров, разостланные на полу.

Этот крик был услышан прислугой. Поднялась тревога, прибѣжали родители и ночевавшіе гости.

Васко был мертв. На его груди нашли небольшого чернаго паука, укус которого почти всегда бывает смертелен. Около ключицы, у горла, замѣтыны были глубокія ранки. Тѣльнаяочная рубаха на мертвом издавала какой-то особый прянный аромат.

Дальнѣйшее разслѣдованіе показало, что Нинья пропитала рубаху Васко соком растенія, особенно любимаго пауком.

Это была лучшая шелковая рубаха, которую Васко надѣл в свою послѣднюю брачную ночь. Нинья принесла ее наканунѣ и передала прислугѣ при домѣ жениха.

Окно спальни молодых выходило в сад, откуда, по предположенію, заполз страшный паук, привлеченный запахом рубашки. Остальное понятно.

Розита, от нервнаго потрясенія, лишилась раз-
судка, ей всюду грезились черные пауки, убийцы
Васко. Ниная цвѣток таинственного растенія, она
пѣла свои любимыя свадебныя пѣсни и по цѣлым
дням сидѣла на могилѣ своего мужа, погребеннаго
в роскошном саду ранчо. Убитые горем родители
не знали, что дѣлать, и также были близки к по-
мѣшательству.

Виновница всѣх этих несчастій, красавица
Нинья, удовлетворив свою месть, скрылась неиз-
вестно куда. Ходили слухи, что она утопилась, но
это не подтвердилось.

Perpetuum mobile.

— Ну! Будет тебе ерундой заниматься! Складывай свои иероглифы и ступай спать! Уже поздно! 12 часов!

Эти слова прозвучали в низкой и тесной землянке, именуемой блиндажем, в одном из участков наших позиций в Галиции. на Золотой Линии.

— Слышишь! Я тебе говорю! Несчастный Архимед! Я туши лампу! Последнего света погас и в абсолютной темноте наступила тишина, нарушающаяся только дыханием двух людей, обитателей этого первобытного жилища, и глухими звуками орудийных выстрелов, еле проникавших в эти земные недра, на глубину пяти метров. Прошла минута гробового молчания. Затем чиркнула спичка и, приехав тусклом светом из темноты, выплыло широкое лицо и тупой нос, освещенный огромными золотыми очками.

Вскоре на ящике, замынявшем стол, затеплился огарок, освещив всю внутренность убогой землянки.

— Не мешай, Геннадий! У меня тут что-то начинает выходить, и кажется моя формула возвращена! Вот только надо найти величину АС и тогда я сделала величайшее открытие в механике! — Так говорил, сидевший за столом, уставленным книгами и чертежами, один из обитателей, а другой в это время лежал на своей походной койке, повернувшись лицом к земляной стени и нервно подергивая плечами.

— Ну, ладно! Завтра я тебе не дам спать до обеда! Подыму в 6 часов! А если ты не уймешься, то, ей Богу, брошу в печку всю твою галиматию!

Такие разговоры происходили ежедневно между двумя приятелями, молодыми армейскими прaporщиками, случайно встретившимися на фронтѣ и сведенными волею судьбы в одну землянку на позиціях. Один из них, Геннадій Хрущов, был цветущий жизнерадостный юноша, студент юрист, призванный на войну по мобилизации. Другой, его сослуживец и сожитель, Анемподист Базаров, также мобилизованный студент математик, увлеченный философией математики, не оставлял своих научных занятий и на позиціях. Весь погруженный в математическую выкладки, по нахождению закона „Perpetuum mobile“, он забывал все на свѣтѣ, и, случалось, что во время ураганного огня и самого жаркого боя, его видѣли сидящим на трупѣ убитаго австрийца с записью книжкою в руках, за сложными математическими вычислениями. В ротѣ и в полку, его иначе не называли, как „Perpetuum mobile“.

— Анемподист! Берегись! Попадешь ты, наконец, в дом умалишенных! — говорил ему не раз Геннадій, стараясь увлечь своего приятеля другими темами, кроме сухой механики.

— Ты не понимаешь, Геннадій! Математика — это все! На ней держится весь мир! Без математики нет жизни, нет движенья! Даже твоя поэзия и юриспруденция построены на математикѣ! — Так обыкновенно оппонировал своему другу юный Архимед, отстаивая свою теорію философіи.

Молодым офицерам до сих пор везло: не смотря на многочисленные и кровопролитные бои, в которых они принимали участіе, они не были ни разу ранены. Состоя в одной ротѣ субальтернами, они были всегда вместе и даже в бою дрались рука об руку, не раз выручая друг друга из бѣды.

Долгое отсутствие раненій считалось дурным признаком. „Чѣм больше раненій, тѣм меньше шансов быть убитым!“ — так говорили старые ветераны, умудренные боевым опытом.

— Милые мои Яксы! — наставлял своих субальтернов, убѣленный сѣдинами, ротный — Не хорошо, что до сих пор никто из вас не ранен! Чует, мое сердце, что это не ладно!

А Яксы, между тѣм не унывали, вели себя в боку примѣрно и получали боевые награды.

Но вот наступили великие дни Брусиловского наступления. Наши арміи Юго-Западного фронта стремительной атакой сбили австрійцев и погнали их на запад, готовясь на их плечах войти в предѣлы Венгрии.

В одном из боев наши Яксы дрались, как львы, взяв в рукопашном бою нѣсколько линій непріятельских окопов.

С нашей стороны потери были значительны. Все поле было усѣяно убитыми и ранеными.

Старый ротный командир обходил с фельдфебелем поле битвы. В одном мѣстѣ, у проволочных загражденій австрійцев, среди убитых, находились оба наши Якса.

Богатырская фигура красавца Геннадія выдѣлялась среди груды тѣл убитых им мадьяр. Рука его сжимала эфес шашки с алым анненским темляком. На бѣлом мраморном лбу, над правой бровью темнѣло пулевое отверстіе. На лицѣ у него застыла улыбка и ясные голубые глаза смотрѣли в небесную лазурь, по которой неслись перистая облачка. Его неразлучный друг лежал тут-женичком. Записная книжка с вычисленіями виднѣлась около него, очевидно она выпала из бокового кармана при паденіи.

— Полюбуйся Ерофеич! Чѣм не богатыри наши полуротные командиры! произнес старый служака,

обращаясь к фельдфебелю и преклоняя колѣна для безмолвной молитвы.

Издалека доносилась рѣдкая ружейная перестрѣлка. Раскатистое „ура!“ глохо рокотало в раскаленном воздухѣ полей и замирало в синѣющих далах Золотой Липы.

К вечеру слѣдующаго дня поле битвы было убрано и убитые богатыри нашли упокоеніе в братских могилах-курганах, коими пестрѣла вся, дважды завоеванная нами, Прикарпатская Русь.

На одном из этих курганов, на простом сосновом крестѣ, я прочел слѣдующую надпись:

„Здѣсь покоятся прах прaporщиков запаса, Геннадія Хрущова и Анемподиста Базарова, павших в бою за Вѣру, Царя и Отечество“.

Кромѣ того, сбоку этой надписи, химическим карандашем была сдѣлана приписка:

„Perpetuum mobile“.

Эта приписка была для меня непонятна и я долго и тщетно ломал себѣ голову, в поисках разгадки, пока, совершенно случайно, не встрѣтил бывшаго ротнаго командира, тогда уже командира баталіона этого полка, который повѣдал мнѣ всю эту исторію и разъяснил значеніе странной приписки на братской могилѣ „Аяксов“.

-- Да, батенька мой! говорил мнѣ старый вояка, смахивая непрошенную слезу со своей смуглой щеки — Это были прекрасные офицеры и жили, как братья, не только друг с другом, но и со всѣми солдатами роты, которые готовы были идти за ними в огонь и в воду! С ними моя рота дѣлала чудеса храбрости! Только им я обязан своим Георгіевским крестом! А они бѣдные получили один деревянный! Кто написал на нем „perpetuum mobile“ - не знаю, но, вѣроятно, какой нибудь шутник, товарищ по полуку, такой-же прaporщик запаса.

МАЙОР БУТЛЕРОВ.

Послѣ появленія въ печати моихъ литературныхъ произведеній, ко мнѣ въ Маньчжурію часто стали пріѣзжать любители природы и охоты не только изъ Россіи, но и изъ заграницы. Всѣ они, прочтя мои описанія охот по крупному звѣрю, въ особенности по тиграмъ, мечтали о встрѣчахъ съ этимъ прекраснымъ царственнымъ хищникомъ въ его родной стихіи, дикой первобытной тайгѣ. Къ числу такихъ увлекающихся людей принадлежалъ и мой другъ, Юрій Михайловичъ Бутлеровъ, который, будучи еще студентомъ Петровско-Разумовской академіи, провелъ у меня охотничій сезонъ и увезъ къ себѣ въ Москву значительное количество трофеевъ, въ видѣ шкуръ, роговъ и череповъ дикихъ звѣрей маньчжурской тайги.

Послѣ этого мы переписывались. Послѣдній разъ я видѣлъ его въ Москвѣ въ 1914 г., передъ отправленіемъ на фронтъ, затѣмъ потерялъ его изъ виду, и только въ 1938 г. совершенно неожиданно получилъ отъ него письмо изъ далекаго Парагвая. Онъ нашелъ меня по моимъ книгамъ, которыя я высыпалъ своему знакомому въ Асунсьонъ, генералу Н. Ф. Эрн.

Ю. М. Бутлеровъ является типичнымъ представителемъ русской коренной интеллигенціи, не пріявшей ученія Маркса и догматовъ коммунизма и предпочевшей эмиграцію и тяжелую жизнь бѣженца на чужбинѣ. Благодаря своей несокрушимой волѣ, энергіи и природнымъ способностямъ, пройдя тяжелую школу жестокой борьбы за существованіе, онъ до-

бился не только личного благополучія, но и возможности быть полезным своему же соотечественнику, русскому эмигранту в экзотической полудикой странѣ. Біографія этого человѣка настолько замѣчательна и поучительна, что я счел своим долгом привести ее здѣсь и ознакомить с ней своих читателей.

Окончив академію и будучи очень богатым человѣком, он не нуждался в службѣ и занялся хозяйством в своих имѣніях. Вспыхнула Великая война и Ю. М. вступил добровольцем в армію, и за отличіе был произведен в офицеры в гвардейскую артиллерию. За время войны он получил восемь боевых наград, в том числѣ 2 Георгіевских креста и 2 Георгіевских медали, а эти знаки отличія доставались не даром. Послѣ революції Ю. М., как убѣжденный монархист и патріот, становится в ряды бѣлой арміи на Кавказѣ, поднимает восстание против большевиков в станицах Терского казачьего войска, вмѣстѣ со Шкуро. Здѣсь, командуя сотней, а затѣм дивизіоном, имѣл 13 конных атак в шашки. Послѣ взятія Ставрополя и присоединенія к Добрарміи, участвует в красивом и опасном рейдѣ в тыл красных и в захватѣ Могилева Подольского. Затѣм, перейдя в пѣхоту, командует дивизіоном. „Эта служба в пѣхотѣ“ — пишет он— „мнѣ больше всего по душѣ! Вообще, стыдно сказать, может быть я авантюрист по натурѣ, но очень люблю войну!“ В этих словах сказалась его неугомонная, кипучая натура, не переносившая покоя и бездѣйствія, что видно и из его послѣдующей жизни.

„Всего до Парагвая, — пишет он дальше — „у меня было 104 активных боя в шашки и в штыки!“

По окончаніи гражданской войны, эвакуація в Константинополь, гдѣ ему пришлось испить горькую чашу тяжелых испытаній в борьбѣ за суще-

ствованіе. Здѣсь был он и грузчиком в доках, и косильщиком и чернорабочим на бетонных работах по постройкѣ мостов в теченіе 6 лѣт. Наконец падает на тяжелыя водопроводныя работы в Азіатскую Турцію. Но всѣ эти испытанія не сломили желѣзный организм русского человѣка, еще болѣе закалив его волю и настойчивость.

Как раз в это время он получает письмо от своего бывшаго начальника по Добрагрміи, генерала Н. Ф. Эрн, и, по его приглашенію, уѣзжает в Парагвай. Это было в 1926 г. Как ученый агроном, он скоро устроился на землемѣрныя работы в Гран-Чако, гдѣ, между прочим, много охотился в необозримых пампасах и сильvasах. Оттуда, зарекомендовав себя прекрасным хозяином и организатором интенсивнаго земледѣлія, он был приглашен на съвер Парагвая, в качествѣ агронома одного из больших имѣній края. В это время умерла его жена в Асунсіонѣ, что отразилось на его психикѣ и настроеніи, но не сломило его бодрости и жизнедѣятельности. Вскорѣ-же началась здѣсь война между Боливіей и Парагваем из-за обладанія нефтеносными землями в Чако. В началѣ парагвайцы успѣха не имѣли, т. к. боливійцам помогали нефтяные короли оружием и золотом, но, впослѣдствіи, когда в войнѣ приняли участіе русскіе, во главѣ с генералом Н. Ф. Эрн, боевой успѣх перешел на сторону парагвайцев и в концѣ концов войны, продолжавшаяся около трех лѣт, закончилась полным разгромом боливійской арміи и взятием спорной територіи Чако.

В эту войну русскіе, дравшіеся в рядах парагвайцев, поддержали свою боевую славу старой императорской арміи и многие из них оказали чудеса храбрости и героизма даже перед парагвайцами, прирожденными воинами и смѣлыми ковбоями.

Само собой разумѣется, Юрій Михайлович не мог оставаться в сторонѣ от войны и вскорѣ-же принял в ней дѣятельное участіе. С ним вмѣстѣ поступило в армію много русских, бывших военных, во всѣ роды оружія, как спеціалисты и инструктора. В самое короткое время парагвайская армія стала неузнаваемой и превратилась в первоклассную, как по своей организаціи, так и по воинскому духу.

Война, была очень тяжелая, как вслѣдствіе обоюдного упорства, так и по причинѣ тяжелых климатических и мѣстных условій.

Много русских сложили здѣсь свои головы, в том числѣ маіор Салазкин, атаковавшій в конном строю со своим полком укрѣпленныя позиціи противника, за что послѣ смерти награжден высшею боевую наградой; кромѣ того, его именем назван один из новых мостов в столицѣ Парагвая, Асунсіонѣ.

Юрій Михайлович в началѣ войны командовал эскадроном во 2-м кавалерійском полку, затѣм через 8 мѣсяцев, за отличіе, был произведен в маіоры и получил в командованіе 4-й кавалерійской полк, которым командовал непрерывно 2 года. С этим полком он продѣлал всю кампанію и награжден двумя орденами: „Крестом Чако“ и „Крестом Защитника Парагвая“.

„Свою службу в Россіи,—пишет он—, я кончил подъесаулом, здѣсь-же начал капитаном кавалеріи и произведен за боевые отличія в маіоры. Дрались все время в пѣшем строю, в лѣсных боях очень тяжелых, благодаря насыщенности боевых линій пулемѣтами. В тылу ни в одной войнѣ не был, но, удивительно, Бог хранил все время! В 16 году отравлен газами, в гражданскую контужен в голову и ранен в бедро и в Чако пуля пробила фуражку и срѣзала волосы на головѣ. Очень доволен, что продѣлал чакскую войну, во первых, очень интересно

было и приятно воевать. вмѣстѣ с такими солдатами, как парагвайцы. Боливийцы тоже хороши, но их офицеры не на высотѣ.

Уже под конец войны, Ю. М. со своим полком зашел в глубокій тыл непріятеля; взял его укрѣпленные позиціи, а также болѣе тысячи плѣнных и много пулеметов.

Парагвайцы не только уважали и цѣнили своего командира полка, но боготворили его, видя в нем свой идеал безупречной честности, храбрости и благородства. За ним они шли на явную смерть и проявляли высшую степень воинской доблести. В арміи он пользовался заслуженою славой и получил название „Русского льва“, за свою беззавѣтную смѣлость, граничащую с геройством.

По окончаніи войны, Ю. М. был назначен Директором канцеляріи агрикультуры провинціи Энкарнасіон. В его веденіи находится административная власть и завѣдываніе всѣм хозяйством и колонизаціей провинціи, в которой поселено около 3 тысяч семей русских эмигрантов, преимущественно выходцы из Польши. Имѣя такого покровителя и администратора, как Ю. М. Бутлеров, русскіе чувствуют себя прекрасно и живут зажиточно, т. к. климатическая и почвенная условия этой части Парагвая не заставляют желать лучшаго.

Свой обширный район Ю. М. обѣзжает верхом, с карабином за плечами, и входит во всѣ мелочи жизни поселенцев, помогая им словом и дѣлом.

Но и здѣсь не обходится без интриг и козней со стороны завистников и темных элементов, но безукоризненная репутація „Русского льва“ дѣлает их попытки безрезультатными.

Здѣсь Ю. М. обзавелся семьей и женился на парагвайкѣ, с примѣсью благородной индѣйской крови „Гуарани“. У него уже трое ребят, старшему Георгію 8 лѣт, среднему 4 года и младшему

2 года. „Всѣ они у меня православные и большие русские патріоты, как и моя жена. Мой брак счастливый и в семье я отдыхаю. Язык дома испанскій, но всѣ понимают по — русски. Построил свой домик. Копаемся в саду и огородѣ. Кругом слышна русская и украинская рѣчъ. Мы с женой мечтаем поѣхать в Россію, когда там не будет большевиков; хотѣлось-бы проѣхаться по Волгѣ и послушать звон колоколов“. Так пишет мнѣ Ю. М. в одном из своих послѣдних писем.

Кромѣ Бутлерова в Парагваѣ ведет большую культурную и религіозно - просвѣтительную работу генерал Н. Ф. Эрн, стараніями которого в Асунсіонѣ построен православный храм, больница, пріют для престарѣлых, библіотека и клуб.

Вообще надо сказать, что русскіе внесли в Парагвай свой предпріимчивый колонизаторскій дух и способствуют культурному развитію края.

От первой жены Ю. М. имѣет взрослого жена-таго сына, живущаго в Югославії.

Заканчивая краткую біографію нашего соотечественника, считаю необходимым упомянуть, что не только в Парагваѣ, но и во многих других странах нашего разсѣянія русскій дух, русскій талант и геній сдѣлали и дѣлают свое большое общечеловѣческое дѣло.

Мы вправѣ гордиться тѣм, что мы русскіе!

У ТИГРОВОЙ ГОРЫ.

Будучи десятником на лѣсной концессії Ковальского на ст. Яблоня в 1924 г., я получил от конторы порученіе, провѣрить правдивость слухов о хищнической порубкѣ, производившейся в верховьях рѣки Хамихеры, в самой южной части концессії, верстах в 50 от линіи желѣзной дороги.

Порученіе было на столько деликатно и опасно, что контора, не давая в мое распоряженіе конвоя, в видѣ охраны, дала мнѣ в проводники, бывшаго хунхуза Ван - де - лина, служившаго на концессії в качествѣ переводчика и „чиновника особых порученій“. Это был коренастый, довольно пожилой китаец, с обрѣзанными ушами и тяжелым взглядом больших косо расположенных глаз. Прошлое этого человѣка было очень темно и вся внѣшность его не внушила ни малѣйшаго довѣрія, но, тѣм не менѣе, я должен был покориться своей участіи и всецѣло отдать себя в руки бывшаго разбойника. Дальнѣйшее показало, что лучшаго выбора контора сдѣлать не могла и только, благодаря содѣйствію этого проводника, я мог справиться со своей трудной рискованной задачей. Без него я не только не выяснил - бы размѣров хищнических порубок, но рисковал - бы сложить свою голову в тайгѣ, так как хищникам было хорошо известно, зачѣм я послан конторой и какія цѣли имѣет регистрація лѣсных заготовок.

Взяв с собой продуктов на три дня и вооружившись карабинами Маузера, мы вышли со ст. Яблоня ранним утром 3 декабря.

Жестокій мороз подгонял нас, и к вечеру мы достигли уже темной стѣны кедровника, покрывавшаго съверные склоны Лго - э - Лина и верховья Хамихеры. Здѣсь нам пришлось заночевать в бараках рабочих дровосѣков. Это был послѣдній этап заготовок концессіи, дальше шли уже нетронутые лѣса концессіи, гдѣ, по донесеніям рядчиков, производились хищническія порубки. Мнѣ надо было выяснить раіоны этих порубок, количество и качество заготовленных матерьялов, фамиліи хищников-подрядчиков и число рабочих каждого из них.

Принимая во вниманіе, что все это приходилось дѣлать тайно, не возбуждая подозрѣній со стороны хищников, станет понятной трудность возложенной на меня задачи.

Для отвода глаз и маскировки моей настоящей миссіи, пришлось прибегнуть к симуляціи. Я объявил рядчикам и рабочим, что пришел сюда на охоту с Ванделином. Это было правдоподобно, так как я не раз уже охотился в верховьях Хамихеры и с помощью рабочих вывозил убитаго звѣря из глубины кедровника.

Едва только забрезжил разсвѣт, на слѣдующее утро, мы с Ванделином отправились в раіон хищнических заготовок, откуда доносились звуки топоров и грохот падающих лѣсных великанов.

Вскорѣ-же мы достигли первых партій хищников, рабочих, рубивших гигантскіе кедры. Десятки, сотни обтесанных смолистых кедровых бревен разбросаны были по тайгѣ, и мертвяя бѣгатырскія тѣла их бѣлѣли среди куч наваленной хвои, красноватых вѣтвей и щепы.

Жалко было смотрѣть на это варварское истребленіе великколѣпных представителей растительного царства, выращенных с такою заботой матерью-природой! Мнѣ казалось, что я вижу перед собой поле битвы, с тѣлами павших воинов-богаты-

рей, и, невольно, мнѣ пришла на память пѣсня Руслана из оперы „Руслан и Людмила“: „О поле, поле! Кто тебя усѣял мертвыми костями“?...

Рабочіе, увидѣв нас, насторожились, но Ванделин поспѣшил их успокоить, объясняя наше прибытіе, желаніем поохотиться на звѣря.

Таким образом, обходя всѣ мѣста лѣсных заготовок, мы выясняли количество срубленных деревьев, приблизительный их обмѣр и качество.

Входя в довѣріе рядчиков, Ванделин узнавал их фамиліи и всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя не могли сообщить нам рабочіе.

Во время ночевок в бараках хищников, мы принимали необходимыя мѣры предосторожности и ложились всегда поближе к выходу, имѣя под рукой заряженный карабин.

В три дня мы обошли весь раіон контрабандных заготовок и удалились от линіи желѣзной дороги верст на 70.

Зная, что я состою десятником лѣсной концесії, рядчики относились ко мнѣ недовѣрчиво, но присутствіе Ванделина успокаивало их, внушая им нѣкоторую долю страха перед хунхузами.

Так или иначе, я выполнил свою миссію и мы собирались уже возвращаться домой на ст. Яблоня, но на послѣдней ночевкѣ в отдаленном баракѣ, у подножья Тигровой Горы, Ванделин вызвал меня на двор в то время, когда рабочіе ужинали в баракѣ, и, с таинственным видом, сообщил мнѣ непріятную новость.

— Капитан! Дѣло плохо! говорил он, оглядываясь по сторонам — Я послушал разговор двух рабочих сегодня утром! Рядчики догадались о цѣли нашего прихода и, кажется, рѣшили тебя и меня прикончить! Надо быть осторожным и готовым ко всему! Оружіе всегда имѣть при себѣ и не ночевать в бараках! Сейчас-же послѣ ужина мы

уйдем из барака и наведем их на ложный слѣд, иначе они в концѣ концов убьют нас из - за угла! .

Послѣ этого мы возвратились в барак и, как ни в чем не бывало, принялись за ужин, состоявший из чумизной каши и лапши с соей.

Предупрежденный своим проводником, я замѣтил рѣзкую перемѣну в отношеніях к нам китайцев. Куда дѣвалась их всегдашняя любезность и гостепріимство! Они стали грубы, накальны и дерзки. Нѣкоторые из них даже умышленно задѣвали нас, вызывая на ссору, но мы сохраняли прежнее спокойствіе и выдержанку, стараясь не обращать вниманія на поведеніе китайцев.

Поужинав и напившись чаю, мы быстро собрали свои монашки и, никого не предупреждая, вышли из барака, при напряженном вниманіи всѣх рабочих, видимо готовых броситься на нас с топорами, по сигналу своего старшинки.

Но никто из них не шелохнулся и не издал ни одного звука! Мы прошли через их безмолвные ряды, причем нас провожали угрожающими, полными ненависти, взглядами! Мы сознавали, что малѣйшее проявленіе нерѣшительности и малодушія с нашей стороны, влекло за собой нашу гибель, а потому, стараясь „сохранить лицо“, мы совершали свое отступленіе медленно и хладнокровно.

Мы знали, что у хищников имѣется оружіе, но пустить его в дѣло они не рѣшались, будучи уверены, что это обошлось - бы им очень дорого. Выйдя из барака, мы круто повернули в сторону от тропы и двинулись напрямик, по глубокому снѣгу, к сѣверо - западу, держа направленіе на высокій перевал через сѣверный отрог Тигровой Горы.

Черный, как могила, кедровник принял нас в свои объятія, и мы подвигались вперед, преодолѣвая невѣроятныя трудности пути, в видѣ каменных розсыпей, зарослей бурелома и глубоких снѣжных сугробов.

Только к утру мы добрались до перевала, откуда открывался большой кругозор к востоку и западу. Отсюда до самаго горизонта, на сколько хватал глаз, как волны застывшего моря, простирался сплошной темный кедровник, покрывавший хребты, долины и вершины гор. Только на югѣ, в синевѣ неба, розовѣла под лучами восходящаго солнца ажурная скалистая вершина Тигровой Горы, а за ней, в туманной мглѣ облаков, просвѣчивали пирамидальныи пики Татудинцы. Отдохнув здѣсь и закусив, чѣм Бог послал, мы спустились в долину рѣчки Вейшахэ и почувствовали себя в безопасности, так как вышли из раіона хищнических порубок.

К полудню мы вышли уже к баракам рабочих сосѣдней лѣсной концессіи и здѣсь рѣшили заночевать, так как до линіи желѣзной дороги было не менѣе сорока верст.

Рабочіе, узнав во мнѣ десятника концессіи, приняли нас с радушіем и свойственным им гостепріимством. Угостив нас вкусными пельменями из молодых щенят и, напоив ароматным китайским чаем, уложили на теплых канах, гдѣ мы и проспали до поздняго утра, когда солнце стояло высоко в небесной лазури и, недавно выпавшій снѣг, искрился цвѣтами радуги.

В баракѣ оставались только рядчики; рабочіе с ранняго утра ушли в тайгу на заготовки. Ванделин, пѣшивая чай из маленькой фарфоровой чашки, долго бесѣдовал с одним из рядчиков; о чём они говорили, я не зналъ, но, по окончаніи бесѣды, старый хунхуз заявил мнѣ, что он дальше не пойдет и останется здѣсь. На мой вопрос почему именно, он сказал:

— Я ручался за твою безопасность перед конторой, а между тѣм, только благодаря случайности, ты не погиб! Я оставить этого так не могу, иначе я „потеряю свое лицо“. Я должен найти виновнаго

и ему отомстить! Таков наш старый закон тайги. Завтра отправляется обоз на Яблоню и ты можешь ъхать с ним, а я пойду в обратную сторону, по своим дѣлам. Передай в конторѣ, что я свое дѣло сдѣлал!

В его словах видна была рѣшимость и твердая воля.

Сказав это, Ванделин попрощался со мной и с рядчиками и, закинув карабин за спину, вышел из барака.

К вечеру слѣдующаго дня я, вмѣстѣ с обозом, прибыл на ст. Яблоня, гдѣ меня считали уже погибшим.

На основаніи моего доклада, через день, в раіон хищнических порубок, была послана воинская команда, которая встрѣтила со стороны порубщиков вооруженное сопротивленіе. Послѣ непродолжительного боя, хищники разбрѣжались и их старшина был арестован. Бараки были сожжены и весь заготовленный лѣсной матерьял зарегистрирован и заклеймен десятниками Ковальского.

Через нѣдѣлю послѣ этого, рабочіе концессіи нашли Ванделина убитым недалеко от барака у Тигровой горы. Рядчики были увѣрены, что это была месть со стороны порубщиков: „око за око и зуб за зуб“ — таков жестокій и безпощадный закон дикой пустыни.

Контора концессіи позаботилась о его семье, выдав его женѣ жалованье за полгода и значительную сумму, в видѣ наградных.

ГРАФСКІЙ ОСОБНЯК.

Послѣ сжесточенных боев под Равой Русской и на фронтѣ Золотой Липы, австрійцы очистили свои позиціи и, поспѣшным отступленіем, облегчили русской армії занятіе Львова и большей части території Галиції.

Находясь тогда в резервѣ, мы имѣли дневку в Злочевѣ, гдѣ нам было отведено помѣщеніе в роскошном особнякѣ - палаццо командира 13 гусарскаго Франца-Іосифа полка, полковника графа Спаноки.

Сам по себѣ этот факт не представляет особаго интереса, но нѣкоторые черты бытового характера, в связи с нашей стоянкой, заслуживают вниманія читателей.

Стремительное наступленіе нашей доблестной арміи и не менѣе стремительное отступленіе австрійцев, застало врасплох не только обывателей, но и высшее командованіе непріятеля.

Командир гусарского полка успѣл захватить с собой только собственную конюшню из нѣскольких кровных лошадей, все остальное было оставлено в обширном особнякѣ, состоявшем из 10 огромных комнат, обставленных с поразительной роскошью и комфортом. В столовой на столѣ остался даже недоѣденный обѣд и черный турецкій кофе не успѣл остить.

Но надо отдать справедливость изысканному вкусу и художественным наклонностям владѣльца! Вся обстановка и вещи представляли собой шедевр

красоты, изящества и стиля! Ничего не было лишнего, кричащего и вульгарного! Во всем, даже в мелочах, виден был ум, воспитание и вкус, выработанный поколениями.

Я не буду утруждать читателя описанием всей обстановки палаццо и укажу только те характерные детали, которые поразили наших „чудо-богатырей“ солдат, не подозревавших о существовании такого богатства, роскоши и жизненного комфорта.

В обширных гардеробах графа, состоявших из зеркальных шкафов красного дерева, находилось до сотни ассортиментов всевозможных костюмов, штатских и военных, сшитых из первоклассных матерьялов лучшими портными Парижа и Вены.

Ботинок, сапог и туфель было не меньше 60 пар.

И все это добротное, изящное и почти новое!

Белье отличалось тонкостью полотна и несметным количеством!

В голубом будуаре, в стиле „Ренессанс“, огромный туалет с венецианскими зеркалами изобиловал всевозможными косметиками, начиная от французских духов и маникюрных приборов и кончая таинственными препаратами Востока! Буадар этот съелал - бы честь любой красавицы-кокетки!

Рядом со спальней находилась ванная комната, отделанная розовым мрамором. Она напоминала собой римские термы времен Нерона и мнѣ казалось, что сам граф был похож на Петрония из романа Сенкевича „Камо грядеши“. Над ванной и над широким турецким диваном, покрытым великолепным персидским ковром, висѣли картины самого соблазнительного содержания, изображавшія голых женщин кисти знаменитых художников.

По всѣм признакам, граф был холост, т. к. в его appartamentах не было замѣтно признаков присутствія женщины.

Несомнѣнно, этот человѣк любил жизнь и умѣл жить, беря от жизни все, что она может дать ! Но был - ли он счастлив ? Это вопрос, подлежащий большому сомнѣнію.

Мнѣ было тоскливо одному в обширных палацах и я помѣстил часть своих солдат в особнякѣ, оставив себѣ кабинет графа с библіотекой.

Чудо - богатыри расположились со всѣм своим походным снаряженiem на богатѣйших коврах, на мягкой шелковой мебели, на изразцовом полу, в голубом будуарѣ и спальнѣ графа и даже в оранжерѣ, примыкавшей к столовой, гдѣ цвѣли лимоны и апельсины. Не смотря на полную свободу дѣйствiй, мои солдаты вели себя безукоризненно и не позволяли себѣ никаких грубых выходок и вольностей. К вещам они относились бережно и старались даже по паркету ходить на носках, чтобы не испортить его гвоздями своих сапог, а главным образом, чтобы не упасть на скользкой его поверхности. Они напоминали мнѣ медвѣдей, выпущенных на лед, до того комичны были их фигуры на фонѣ богатѣйших художественных gobеленов и бархатных портьер !

С собой они принесли сюда свой „Русскій дух“! Вмѣстѣ с запахом тончайших духов, слышался крѣпкій запах здороваго пота, дегтя и портянок, вывѣшенных для просушки на китайских ширмах, на золоченых рамках картин знаменитых мастеров, на рѣзной мебели из орѣхового налѣва !

Ароматы Коти заглушались Ѣдким дымом из коротких трубок, набитых табачными корешками и канупером !

Под сводами старого замка, гдѣ раньше звучала нѣмецкая рѣчь и концертный рояль розового дерева торжественно пѣл рапсодіи Листа, веселые вальсы Шумана и ноктюрны Шопена, раздавались удалыя пѣсни русской арміи, с присвистом и гиком; звѣнѣли струны балалайки; смѣялась и плакала

„гармонь“ и крѣпкія, забористыя' словца сыпались, как горох из дыряваго мѣшка.

Присутствіе офицеров нисколько не стѣсняло солдат и они вели сѣбя непринужденно, соблюдая в то-же время воинскую дисциплину и не выходя из рамок почтительности и уваженія. За время боев и походов, солдат сблизился с офицером и видѣл в нем не только начальника, но и старшаго брата, а подчас и „отца-командира“. Это наблюдается только в русской арміи, по существу самой демократичной.

— Да! Видать, что жили тут великіе паны! говорили солдаты, раскуривая свои „коzы ножки“ из газетной бумаги, — Все здѣсь не по нашему! И паны другie! Наши паны живут все-же по настоящему, по Божески! А это что! Развѣ так можно! На одного человѣка сотня штанов и мундиров! На что это похоже! Здѣсь можно обмундировать роту солдат! А туvalет у него, как у дѣвки! И как ему не стыдно?! А еще командир полка! Нѣт, у нас не так! Наш командир как простой солдат, ъст, пьет и спит с нами, и одежа на нем солдатская; а как в бой идти - всегда впереди, как курица с цыплятами! Нѣт! Наши офицеры орлы! Куда австріякам до них! И солдаты их такіе- же! Не даром бѣгут от нашего духа без оглядки! Хлипкій народ! Тонка у них жила! Храбости - геройства настоящаго в них нѣт! Откуда у них храбрость? Жрут всякую дрянь: щиколад, кофей да галеты! С этого храбрости не наживешь! Вот как наш брат напрется аржаного хлѣбушка, да каши с салом, откуда и храбрость возьмется, и с этого самого геройскій дух в тебя войдет! Щиколад никогда не устоит против каши!

Такіе разговоры часто приходилось слышать среди наших чудо-богатырей. Геройскій дух аржаного хлѣбушка и каши, в особѣнности послѣ обѣда, давал себя знать и чувствовать обоняніем,

так что приходилось открывать окна и двери, но и эта крайняя мѣра не достигала цѣли.

Чмыхая носами, солдаты говорили между собой:

— Ну и диколон! Ажно в носи свербит и в грудях давит!—выражая этим высокую степень „атмосферного давленія“, о котором они слышали еще в ротной школѣ.

О нѣмцах они отзывались иначе и называли их „правильными солдатами“.

— Вот нѣмец ничего! — говорили они — Это настоящій солдат, и воюет хорошо, не то что австріак! Командиры их тоже не плохіе, но все же далеко им до наших! А все отчего? От пищи! Нѣмцы жрут гороховую колбасу, а какой в ней толк? Она не даст того духу, как наш аржаной хлѣбушко!

Такія оригинальныя заключенія часто слышали мы в бесѣдѣ с солдатами. По их понятіям, дух человѣческій зависит от „нутра“, т. е. брюха; если оно в порядкѣ и сыто, то больше ничего и не требуется. Человѣк живет „нутром“ и всѣ его дѣйствія координируются физическим состояніем организма. Это положеніе имѣет глубокій смысл и в своей основѣ базируется на непреложной истинѣ: „*Mens sana in corpore sano!*“

В кабинетѣ графа я нашел небольшую шкатулку чернаго дерева. В ней очевидно хранились документы, которых на лицо не оказалось, но оставлены были визитныя карточки многих известных дипломатов европейских держав и Россіи; так среди них виднѣлись карточки Извольского, Кокошева, Фредерикса, Виттэ, Редигера и других. Граф был раньше военным атташѣ при Русском Дворѣ, откуда к нему и попали эти карточки.

В одном из потайных ящиков письменного стола я нашел большую связку фотографій, красиных

женщин. Она была перевязана розовой лентой и вспомыках была забыта.

Просматривая этот синодик женских побѣд, я обратил вниманіе на нѣкоторые надписи на всевозможных языках Европы и Азіи; между ними попадались и на русском языкѣ. Большинство из них были интимнаго содержанія, из чего можно было сдѣлать заключеніе, что граф пользовался успѣхом у женщин и представлял собой типичнаго свѣтскаго „льва“ или „Дон-Жуана“. Карточки самого хозяина найти не удалось, но, судя по всему, это был красивый, высокій, стройный брюнет южнаго типа. К кабинету примыкала библіотечная комната, где, в стильных шкафах краснаго дерева, стояли на полках тысячи книг в богатых кожаных переплетах.

Преобладали изданія нѣмецкія, но было много книг и на французском, итальянском, польском языках. Русскій отдѣл состоял из 400 томов, причем представлены были всѣ наши классики, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевскій, Гоголь и другіе.

Много было книг военно-политического содержанія, из них обратила на себя мое вниманіе небольшая книжка, под названіем „Статистика Россіи“ на нѣмецком языкѣ, изданіе германского генеральнаго штаба. Это была самая полная исчерпывающая статистика всей Российской Имперіи, т. е. вся Россія со всѣми ея потрохами. Я думаю, что такой книги не было даже в самой Россіи, и не удивительно, нѣмцы знали о нас больше, чѣм мы сами о себѣ! Русскій человѣк беспечен и довѣрчив, что многіе приписывают его геніальности, но так-ли это?

Послѣ вечерней зари, ложась спать, я услышал пѣвучіе звуки беккеровскаго рояля. Это меня поразило и в первое мгновеніе показалось слуховой галлюцинаціей, но потом, вслушиваясь в мастерское исполненіе чудных произведеній Шопена,

я убедился в реальности звуков и, недолго думая, вышел в гостинную, где стоял рояль.

Удивительная картина представилась моим взорам!

За роялем сидел один из наших солдат в одном нижнем белье с папиросою в зубах и извлекал чудные звуки из „старого Беккера“. Вокруг него на полу, на диванах, в креслах и на стульях расположились „чудо-богатыри“ в самых непринужденных позах и, конечно, полуодетые, а другое и совсем раздетые, т.е. в одних портах.

Музыкант сидел ко мне спиной и, не замечая моего появления, продолжал играть. Некоторые солдаты, увидев меня, пытались подняться, как полагается при входе офицера, но я знаками приказал им не беспокоиться и сел на ближайший свободный стул. Артист продолжал играть и вся аудитория слушала его с затаенным вниманием.

Исполнив несколько nocturnes Шопена, он перешел на „Scerzo“ и закончил бравурным венгерским танцем Шумана.

Он играл по нотам, которые лежали тут- же на стуле возле него.

Заметив мое присутствие, музыкант смущился и, захлопнув крышку рояля, вытянулся передо мной со словами:

— Виноват, Ваше Высокоблагородие! Я не знал, что Вы здесь, и позволил себе эту вольность!

— Ничего, ничего, садитесь и продолжайте! Ваша прекрасная игра доставляет нам всем огромное удовольствие! Сыграйте чтонибудь русское из репертуара народных мотивов! — Ответил я ему, открывая крышку рояля и заставляя его сесть.

И снова из под его пальцев полились чудные звуки лучших произведений Чайковского, Глинки и Римского-Корсакова.

Солдаты, слушая родные мотивы, вспоминали родину и многие втихомолку, чтобы никто не видел, вытирали кулаками слезы.

Под конец, по нашей просьбе, пианист сыграл с большим подъемом „Боже, царя храни!“, причем вся аудитория стояла и грубыми голосами подтягивала торжественным звукам национального гимна.

Было уже далеко за полночь, когда музыкант перешел на легкую музыку и сыграл „комаринскую“ и „казачка“.

Надо было видеть, с каким увлечением и захватывающим экстазом наши чудо-богатыри, почти полуголые, отхватывали различные коленца и выкрутасы, то в одиночку, то парами, причем удивительно верно копировали деревенских баб и девок, танцующих „русскую“.

Долго еще под сводами графского особняка гремела музыка; откуда-то появилась балалайка и гармошка и русские солдаты, забывая все на свете, „откалывали“ трепака!

От музыки и танцев перешли к песням; состоялся хор, под руководством того же пианиста, и только под утро, уставшие и довольные, мы разошлись спать.

Музыкант, услаждавший наш слух, оказался лауреатом петербургской консерватории, ушедшими на войну в качестве добровольца. Грудь его была уже украшена георгиевским крестиком и он мечтал „дослужиться до офицера“.

Думал-ли граф Спаноки, что в его палаццо раздадутся удалые русские песни и на роскошных коврах „москали“ будут отплясывать залихватского „комаринского“!

Если-бы старый рояль Беккера был живым существом и мог ощущать и мыслить, то наверное был-

бы крайне удивлен, что русскій солдат ударял по его клавишам с таким-же, если не большим, искусством, как и титулованный хозяин!

На слѣдующее утро, едва только забрезжил разсвѣт, раздались призывные звуки „утренней“ и сонные солдаты, с котелками в руках, бѣжали через широкій двор к сарайм, гдѣ кашевары раздавали завтрак.

Через час объявлено было выступленіе.

~~СУ.З.~~

ГОЛГОФА ЖЕНЩИНЫ.

Пароход наш медленно поднимался вверх по Сунгари. Дивная погода выгнала немногочисленных пассажиров на палубу. Мимо нас, как в движущейся панорамѣ, проплывали берега рѣки, слѣва гористые, пересѣченыне отрогами Лао-э-линя, а справа низменные, покрытые поемными лугами, в перемежку с тучными полями, зеленѣющими разноцвѣтными полосами и грядами дозрѣвающих хлѣбных злаков. Воздух был тих и прозрачен и наполнен прѣяными ароматами цвѣтующих растеній и теплым дыханіем влажной земли.

Среди китайцев и маньчжур, пассажиров третьяго класса, расположившихся живописными группами в носовой части, обращали на себя вниманіе двѣ женскія фигуры, одѣтыя в китайское платье, но, судя по типу лица и сложенію, русскія. Они сидѣли отдѣльно от всѣх, на мѣшках с углем, и задумчиво глядѣли в рѣчную даль, искрящуюся под лучами заходящаго солнца.

Лица их, обвѣтренныя и загорѣлья, носили печать страданія и забот и в сѣрых глазах их можно было прочесть безысходную тоску и отчаяніе.

В это время подошел ко мнѣ капитан парохода, симпатичный толстяк, старый рѣчной волк, пробѣгавшій почти весь свой вѣк на амурских пароходах. Заинтересованный присутствіем на пароходѣ странных женщин, я пресил его выяснить эту загадку.

— Эти таинственные женищины, — отвѣчал он — не представляют собой загадку, т. к. являются са-

мыми обычновенными зайцами, ёдущими на нашем пароходѣ без билетов!

Увидя на моем лицѣ два знака препинанія, вопросительный и восклицательный, он сдѣлал небольшую паузу, а затѣм продолжал:

— Вы удивитесь еще больше, когда я расскажу вам всю их грустную и трагическую исторію. Когда мы отошли от Сахаляна верст на пятьдесят, эти двѣ женщины были обнаружены в трюмѣ, среди пассажиров китайцев, без билетов. Пароходная китайская администрація хотѣла высадить их на ближайшей пристани, передав полицейским властям. Онѣ бросились ко мнѣ, как единственному русскому на пароходѣ, и, стоя на колѣнях и цѣлюя мои руки, умоляли меня заступиться за них и довезти до Харбина, гдѣ онѣ обѣщали заплатить за свой проѣзд. Видя их отчаяніе и слезы, я не мог оставить их на произвол судьбы и дал свое поручительство за женщин. Но это стоило мнѣ больших усилий и затраты энергіи. В концѣ концов администрація согласилась везти их бесплатно до Харбина, за моей гарантіей. Они были голодны и с собой не имѣли никакой провизіи, поэтому я отдал распоряженіе накормить их и довольствовать во время всего пути, за мой счет.

Когда их обнаружили на пароходѣ и собирались высадить на берег, онѣ категорически заявили, что готовы лучше броситься в рѣку, чем возвращаться назад. Их намѣреніе и рѣшимость были так убѣдительны, что, не только я, но и китайцы поняли неизбѣжность пріема их на пароход. Я увѣрен, что в противном случаѣ они утопились бы на наших глазах.

— Ну, хорошо! Откуда-же они взялись и почему на них китайская одежда? — переспросил я капитана, сгорая любопытством.

— Если вас это интересует, так слушайте! — отвѣтил добродушный толстяк, усаживаясь рядом

со мной в кресло. — Вам вѣроятно извѣстно, как живут граждане СССР в своем, свободном пролетарском отечествѣ! Здѣсь на Дальнем Востокѣ, в виду милитаризаціи всей приграничной полосы, все мѣстное населеніе выселено, или же отправлено на каторжныя, иначе „принудительныя“, работы, причем исключеніе дѣлается только молодым и красивым женщинам, согласившимся поступить „в прислуги“, или подруги к мѣстным видным коммунистам, или агентам ГПУ. Сопротивляющихся разлучают с мужьями, или семьями, и ссылают в отдаленные концлагеря. Большинство женщин, конечно, смиряются с этой жалкой участью и навсегда остаются в этом вертепѣ, но нѣкоторые, волевые и неиспорченные натуры, не могут помириться с таким положеніем и предпочитают бѣжать заграницу, что также сопряжено с громадным риском и опасностью для жизни. Другія же кончают самоубийством. Но не завидна была судьба и тѣх, которые перешли через границу! В большинствѣ случаев они оставались в китайских деревнях, в качествѣ наложниц, жен, или иными словами бѣлых рабынь у мѣстных китайцев. Вырваться из этого положенія почти не было возможности в особенности когда от этого сожительства появлялись дѣти. Китайцы охотно брали себѣ в жены русских и предпочитали их своим китаянкам, так как русская женщина болѣе трудоспособна, физически здорова и хозяйственна. Во всѣх поселках и деревнях по правому берегу Амура много наших русских женщин! Они вели хозяйство, наплодили ребят, болѣе похожих на китайчат, чѣм на русских, и постепенно ассимилировались, теряя свой русскій облик. Так было при гоминдановской власти в Маньчжуріи.

Наблюдая с капитанского мостика за погрузкой парохода и смотря на толпы любопытных мѣстных жителей, пришедших поглазѣть на рѣдкое зрѣлище, я все чаще и чаще вижу среди китайской дѣтворы бѣлокурыя и рыжія головки, сѣрые и го-

лубые глаза, в которых свѣтится наша русская душа и родственая нам природа.

Очень немногим женщинам удавалось добраться до линіи КВЖД или до Харбина, где почти всегда можно было найти подходящую работу, или занятие; но это счастливый случай, не болѣе.

— Так вот, дорогой мой, вы теперь видите, как трагична судьба русской женщины в СССР и какую драму она переживает, прежде, чем решится бѣжать из совѣтского рая.

Там в СССР ее распинали на крестѣ, а здѣсь на чужбинѣ она становилась рабой и, в лучшем случае, влачила жалкое существование...

Вдруг, внезапно, рѣчь его была прервана пронзительным свистком парохода: мы подходили к пристани Мулань, свѣтившейся в темнотѣ наступившей ночи огнями.

Любезный капитан, с легкостью балерины, взбѣжал на свой мостик и оттуда послышался его звучный голос, отдававшій приказанія в машинное отдѣленіе через рупор.

Здѣсь предполагалась ночевка.

Не смотря на теплую ароматную ночь, пассажиры очистили палубу и отправились на покой в душное и смрадное подполье трюма, откуда доносился их горянный, оживленный говор.

Ушли туда и русскія женщины, судьба которых послужила темой нашей бесѣды с добряком капитаном.

Я долго еще оставался на палубѣ, прислушиваясь к плеску набѣгавших волн на песчаный берег и к звонким голосам водяных птиц, доносившимся из невидимых рѣчных далей.

Через полчаса я снова услышал голос капитана. Окончив свою „вахту“, он подсѣл ко мнѣ и заговорил:

-- Вы еще не спите! Вот и хорошо! Я не успѣл тогда окончить свой рассказ о русских бѣженках. Теперь могу это сдѣлать без помѣхи. Из разспросов этих женщин, мнѣ удалось выяснить нѣкоторыя подробности, характеризующія эпоху. Они оказались сестрами-близнецами из Благовѣщенска. Отец их, богатый золотопромышленник, был разорен большевиками и погиб гдѣ-то в застѣнках ГПУ. Семья осталась на улицѣ. Впослѣдствіи дочери вышли замуж и обзавелись своими семьями. Как окончившія гимназію, онѣ получили мѣста учительниц в совшколах. Милитаризация и выселеніе разбили их семейную жизнь: мужья были отправлены на принудительныя работы в тайгу; дѣтей забрали в пріют, а им предложили поступить на службу в ГПУ. Зная, что это равносильно поступленію в публичный дом, они бѣжали в Сахалян и рѣшили пробираться в Харбин, но по дорогѣ были захвачены хунхузами, которые продали их в жены китайским новоселам. Их протесты и сопротивленіе были сломлены пѣбоями и голоданіем. В концѣ концов они очутились женами двух пожилых зажиточных китайцев, которые обращались с ними хорошо, представив им полную свободу. Одна из сестер вскорѣ произвела на свѣт ребенка, мальчика, за что хозяин, в благодарность, подарил ей золотой гребень. Так прожили они полтора года у китайцев, и узнав, что в Маньчжуріи старая гоминдановская власть пала и в Харбин пришли ниппонцы, рѣшили снова бѣжать. Золотой гребень пригодился и был продан; на эти деньги они кое как добрались до Сахаляна и там сѣли на наш пароход без билетов. Остальное вы знаете.

Вот вам вся печальная исторія этих двух несчастных женщин, на в чём не повинных, ни перед Богом, ни перед людьми! За что-же они несут свой тяжелый крест? За чью вину судьба втащила их на Голгофу нечеловѣческих страданій и там распинает их на глазах у всего міра, который равнозначает

душно взирает на это злодѣйство и умывает свои грязные руки, как это дѣлает пресловутая Лига Наций?

Я, ничтожный капитан Сунгарійского флота, рѣшил оказать посильную помощь этим несчастным женщинам и сдѣлаю все, что могу, чтобы не восторжествовало зло, хотя времена теперь другія, мы под защитой Ниппонцев! Ну, теперь я кончил! Пора спать! Завтра чуть свѣт мы продолжаем плаванье! — С этими словами старый капитан, грузно шлепая ночными туфлями, удалился в свою каюту.

Величественная рѣка, тихо катя свои мутные волны к востоку, плескала в песчанные берега и искрилась тысячами огней, отражая на своей широкой глади купол бездонного неба, с миріадами звѣздных міров.

ТАЙНА БУТЫЛКИ.

В 1936 году, американская китобойная шкуна „Св. Фока“, вблизи Алеутских островов, выловила закупоренную бутылку, в которой оказалась рукопись на русском языке, написанная карандашем на простой писчей бумаге. Она состояла из восьми листов, пожелтевших от времени. В некоторых местах карандаш стерся и бумага, покрытая пленкой, почти совершенно истлела. Так как на корабль нашелся только один человек, знающий русский язык, то ему и было поручено прочитать рукопись. Это был матрос, русский эмигрант, попавший на китобойное судно волею судьбы и российской революции. Рукопись представляла собой дневник русского беженца из советского рая, писанный им на одном из многочисленных островов северной части Тихого Океана, куда забросила буря группу эмигрантов, состоявшую из четырех человек.

Капитан корабля, узнав в чем дело, не согласился идти на поиски этого острова, т. к. судно возвращалось с промысла, будучи нагруженным до отказа китовым жиром.

Дневник этот так и остался на руках у русского матроса, которому пришлось еще помыкаться по белу свetu. В конец концов этот дневник, случайно, попал ко мне и я решил опубликовать его, в надежде, что когданибудь содержание его станет известно русским людям и они узнают судьбу своих близких.

ДНЕВНИК.

3 июня 1934 г. Вчера нас прибило к неизвестному острову, послѣ трехдневной бури, носившей наше утлое суденышко по волнам Тихаго Океана. Мы рѣшили писать дневник на тот случай, если всѣ мы погибнем; может быть, послѣ нас останется какой нибудь слѣд и наши родные узнают нашу страшную судьбу. С общаго согласія, вести дневник поручено мнѣ, как старшему.

Ровно мѣсяц тому назад, в ночь с 3 на 4 мая, мы отплыли от берегов Камчатки на небольшой парусной лодкѣ, в надеждѣ, держа курс на юго-восток, дойти до группы Алеутских островов, принадлежащих Америкѣ.

Нас четверо: пишущій эти строки - Александр Сергеевич Скальский; Иван Михайлович Михайлов; Дмитрій Иванович Кузнецов и Семен Андреевич Войтенко. Только я один пожилого возраста: мнѣ перевалило за 50, остальные - молодежь от 25 до 30 лѣт. Всѣ мы служили в рыболовном колхозѣ на южном берегу Камчатки втеченіи двух лѣт и, в концѣ концов, рѣшили бѣжать в Америку, для чего воспользовались казенным парусником, на котором обыкновенно выходили в море на промысел. Нам удалось пробраться незамѣченными и выйти в океан. Провизіи и прѣсной воды мы взяли с собой на мѣсяц и теперь все это уже на исходѣ. Если нас не выручит какой нибудь мимо идущій пароход, то мы погибнем. Лодка наша, и без того ветхая, пришла в окончательную негодность и почти развалилась. Остров, к которому нас прибило, совершенно необитаем и пустынен. В длину он не болѣе полукилометра, а в ширину до 260 метров. Это одинокая скала, возвышающаяся над океаном на 10 - 15 метров. Растительности никакой, воды также. На наше счастье идут частые дожди и мы собираем воду в парус, который приспособили для

этой цѣли. Продукты изсякли и мы скучно питаемся рыбой, которую ловим на удочки, устрицами и крабами. Щдим все в сырому видѣ, т. к. спички залило водой и они пришли в негодность. Живем под лодкой, которая спасает нас от дождя и непогоды.

Судя по времени нашего плаванія и по температурѣ воздуха, мы находимся приблизительно к юго-востоку от Камчатки, под 45 гр. сѣв. широты и 150 гр. зап. долготы от Ферро, на одном из островов в сѣв. части Тихого Океана. У нас нѣт никаких средств, дать о себѣ знать міру. Мы отрѣзаны от него сотнями километров водной пустыни.

13 іюня. Сегодня к острову приплыла большая стая сивучей и начала располагаться на береговых камнях на отдых, но увидѣв нас, звѣри с ревом кинулись в море и ушли на сѣверо-запад к Командорским островам. Мы смотрѣли им в слѣд с завистью. Мои молодые спутники что-то пріуныли. Веселье как рукой сняло. Ходят угрюмые и почти не разговаривают друг с другом.

20 іюня. На горизонтѣ не видно ни одного дымка, ни одного паруса: вѣроятно, наш остров находится вѣхъ морских дорог и мы обречены долго еще сидѣть на нем, пока случай нас не спасет. Но мы не сожалѣем, что уѣхали из СССР! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы чувствуем свободу и никто не давит нашу душу. Если даже нам суждено здѣсь умереть, мы не сожалѣем, т. к. предпочитаем смерть свободную и естественную, на лонѣ прекрасной природы, а не под вонючим и грязным сапогом коммуниста.

14 іюля. Давно уж не брался за карандаш. Не было настроенія писать. За это время мы лишились одного товарища, самого младшаго из нас, Дмитрия Кузнецова. Он погиб на наших глазах, стараясь вплавь достичь маленькаго островка, находящагося в 200-х метрах от нашего берега. Мы

предполагали, что на нем гнѣздятся морскія птицы и птенцы их могли бы послужить нам хорошим питанием. Кузнецов был отличным пловцом и, дождавшись отлива, бросился в волны. Мы наблюдали за ним и видѣли как он почти достиг острова, но внезапно голова его погрузилась в воду, затѣм, на мгновеніе, показалась опять и снова исчезла. Больше мы его не видѣли.

Он утонул. Вѣроятно его схватила акула, которая постоянно подходила к нашему острову, чуя добычу.

Послѣ этого происшествія настроеніе наше было отвратительно.

26 юля. Одежда истрепалась. Мы ходим почти голые. Волосы отросли и висят космами. Голодаем, т. к. сырая пища отбивает аппетит, к тому же вода сильно пахнет ворванью от паруса. Мы отощали и выглядим скелетами. Разговоры между нами прекратились. Мы надоѣли друг другу. У меня является подозрѣніе, не хотят ли мои спутники убить меня, чтобы воспользоваться моим мясом, котораго осталось уже мало. Надо быть на сторожѣ.

6 августа. Сегодня утром показался дымок на горизонте, но мы не могли дать никакого сигнала и пароход исчез в туманной дали океана. Мы готовы были плакать от досады и горя. Питаемся только устрицами, т. к. сырая рыба в рот не лѣзет: противно. У нас осталась одна надежда — на милость Божью. Мы очевидно боимся друг друга, опасаясь внезапного нападенія. Под лодкой остался я один. Мои товарищи спят на камнях в разных мѣстах острова. Самочувствіе отвратительное.

11 августа. Сегодня исчез неизвѣстно куда Иван Михайлов. Когда мы проснулись и обошли весь остров, его нигдѣ не было. Куда он дѣлся, сказать трудно. Мы с Войтенко рѣшили, что он в умоизступленіи бросился в море и утонул. Он очень

скучал за своим другом и отправился вслѣд за ним в морскую пучину.

17 августа. Опять показался на мгновеніе дымок на горизонтѣ, но он уж не произвел на нас никакого впечатлѣнія. Мы смотрѣли на него равнодушно. Войтенко производит странное впечатлѣніе. Глаза его дико блуждают и он бормочет про себя какія-то непонятныя слова. Кажется он близок к помѣшательству. Я не спускаю с него глаз и стараюсь не подпускать к себѣ сзади.

29 августа. Вѣт уже третій день Войтенко ничего не ъѣст, лежит на скалистом берегу и под шум прибоя поет слабым голосом пѣсни. О чём он поёт, трудно сказать: то о родинѣ и своих близких, то о красотѣ мірозданія, то о невѣстѣ, оставленной гдѣ-то в Россіи. Пѣсни его хватают за душу и хочется рыдать, но я крѣплюсь, т. к. еще не потерял надежду на спасеніе. Сейчас, под вечер, Войтенко затих и голоса его не слышно, но за то слышен вѣчный шум морского прибоя, от которого некуда дѣться! Он проникает в мой мозг и сверлит его до боли, до отчаянія и умоизступленія.

1 сентября. Желая узнать гдѣ Войтенко, я обошел весь остров и нашел его тѣло на берегу у самаго обрыва. Чайки, буревѣстники и крачки уже выклевали ему глаза. Слышался трупный запах. Я сбросил его с высокаго утеса в море и остался один на островѣ. На сотни километров вокруг безбрежный океан, надо мной глубокое голубое небо днем и невѣдомая пучина звѣздных міров ночью! В воздухѣ стоит вѣчный неумолчный шум морского прибоя. Плачут чайки, кричат буревѣстники. Неужели и мнѣ суждено погибнуть на этом необитаемом островѣ? Жалѣю-ли я, что покинул СССР? Нѣт, ни капли! Я здѣсь свободен, хотя может быть и погибну, но погибну не рабом, а человѣком вольным.

8 сентября. На днях разразилась буря. Огромные волны обрушивались на остров, потрясая его до основания. Ураган налегал с такой силой, что мнѣ казалось, что я вмѣстѣ с лѣдкой буду унесен в море. Сейчас тихо. Температура понизилась. Холодно. Часть палатки я изрѣзal на рубаху. Старая свалилась с плеч. Буря выкинула на берег массу всякаго добра, в видѣ рыбы, устриц, крабов и морских водорослей. Стол мой обогатился всякими деликатесами. Щем с жадностью все это, как дикарь, насыщая голодную утробу. Прибой по прежнему шумит и не дает покоя ни днем, ни ночью. Чтобы избавиться от него, я затыкаю уши чѣм попало, но это не помогает. Тоска на душѣ.

11 сентября. Рано утром, к острову подплыло огромное стадо сивучей. Я спрятался за камни, чтобы их не пугать, и цѣлый день наблюдал этих величественных животных, их жизнь, движенія, игры и ссоры. Крики их, похожіе на рев, наполняли воздух и заглушали ненавистный шум океана. Смотря на этих звѣрей, я знал, что не одинок в этом мірѣ. Я чувствовал свою кровную связь с этими животными. Я жил вмѣстѣ с ними одной жизнью.

12 сентября. Встав на разсвѣтѣ, я не услышал голосов сивучей. Стадо исчезло. На мѣстах их лежек, остались пучки шерсти и груды экскрементов. Они ушли к югу, к болѣе теплым берегам. Вот уже нѣсколько дней вокруг острова плавают киты. Их черные гигантскія туловища появляются на поверхности океана и часто бѣльют фонтаны густого пара, выбрасываемаго из дыхал. Среди шума волн и прибоя слышится их сопѣніе и тяжелые вздохи. Я люблю этих звѣрей, они всегда величаво - спокойны и, кажется, равнодушны ко всему окружающему міру. Они также совершают какое-то передвиженіе к югу, вѣроятно, в виду наступленія зимы в сѣверных широтах.

24 сентября. Сегодня опять показался дымок на горизонтъ и начал увеличиваться. Я надѣялся, что пароход приблизится к острову, но это просто был обман зрѣнія. В послѣднее время я вообще начинаю чувствовать нервное, а может быть и психическое разстройство. Я иногда вижу то, чего нѣт в дѣйствительности, напримѣр, на-днях я видѣл своих спутников. Как будто они шли ко мнѣ, звали меня и манили с собой. Я пошел к ним навстрѣчу и убѣдился, что это галлюцинація. Другой раз мнѣ показалось, что к острову подошел пароход и спускает шлюпку с матросами. Это было так реально, что я бѣгал по берегу и махал своей единственной рубахой, которую снял на этот случай. Все это оказалось воображением. Шум прибоя сводит меня с ума! Он сверлит мою душу и давит на мозг! Я не могу больше терпѣть таких мученій.

1 октября. Эту ночь я не спал. Мнѣ казалось, что я вижу сон, а может быть это был бред большого воображенія. Я видѣл себя на родинѣ в Москвѣ, сначала гимназистом, потом студентом. Видѣл отца, мать и братьев. Как-будто они здѣсь со мной. Затѣм появился большой корабль и мы отправляемся на нем в плаваніе. Под впечатлѣніем сна я весь день хожу, как помѣшанный. Я понимаю свое положеніе и боюсь сойти с ума. Стараюсь развлечься и думать об отвлеченных предметах, но это еще хуже. В шумѣ океана я слышу голос природы, который издѣвается надо мной. Мнѣ жутко и страшно. Я боюсь самого себя!

6 октября, а может быть и 10 октября. Я потерял счет дням и теперь не могу ориентироваться. А впрочем не все - ли равно, какое сегодня число! Это понятіе относительное и не измѣнит моего положенія. Почему - то я вспомнил Наполеона! Он также, как и я, томился на островѣ св. Елены, был одинок, хотя и окружен стражей, и душа его рвалась во Францію. Я также одинок, меня сторожит

бездельный океан и душа моя страдает невыразимо. Но все же, если бы мнѣ предложили вернуться в СССР, в лапы ГПУ, я отказался бы. Здѣсь тюрьма и одиночное заключеніе, а там настоящій ад для души и тѣла. Предпочитаю тюрьму на свободном островѣ. Океан шумит и поет свою грозную пѣсню...

Октябрь, но какого числа-не знаю. Наполеон не выходит у меня из головы. Я даже видѣл его фигуру, в сюртукѣ и в треуголькѣ, на самом высоком береговом утесѣ острова. Скрестив руки на груди, он смотрѣл в морскую даль, гдѣ должен показаться корабль из Франціи, т. е. вѣроятно с Алеутских островов. Я долго смотрѣл на императора, пока его фигура не слилась с ночным мраком.

Октябрь, а может быть и ноябрь. Числа 26-го, а может быть и 62-го. Впрочем, это безразлично. Сегодня только я постиг истину! Остров, гдѣ я нахожусь, называется островом Св. Елены, а я — „Наполеон Бонапарт“, а не Скальскій! Это все выдумка и происки моих врагов! Они боятся, что я их разоблачу и открою міру всю их діавольскую работу! Они заточили меня на остров, чтобы лишить возможности вредить им. Они убили русского Царя, но Императора французов убить побоялись! Но это им не поможет и не спасет их! Скоро меня освободят вѣрные мои легіоны! Каждый день я выхожу на берег и жду прибытія моих вѣрноподданных. Теперь я спокоен и не боюсь за будущее. Они думали, что я здѣсь сойду с ума в одиночествѣ, но ошиблись! Я все тот-же Великій Наполеон, Император французов, который освободит мір от рабства. В шумѣ морского прибоя я слышу боевой клич моей арміи и побѣдную пѣснь моего народа.

Кажется 18 декабря сего года. Сегодня день был тревожный. В полдень на горизонтѣ появился дымок и вскорѣ к острову подошел пароход, по

виду военный. К своему ужасу я увидѣл на кормѣ красный флаг, с серпом и молотом. Когда я увидѣл, что с него спускают шлюпку, я сразу сообразил, что это за мной. Надо было спасаться. Я залѣз в подводный грот на южной оконечности острова и просидѣл там до вечера. Выйдя оттуда, я не видѣл больше ни парохода, ни шлюпки.

Они, очевидно, искали здѣсь меня и, нѣ найдя, сожгли мою лодку и парус для сбора воды. Слава Богу, бѣда миновала. Но они могут прийти вторично. Я рѣшил дать о себѣ знать моим друзьям посредством бутылки, куда вложу этот дневник. Они найдут бутылку и спасут меня. По моим расчетам, теченіе должно отнести бутылку к Алеутским островам, или к берегам Аляски. Потом, постепенно, брошу еще нѣсколько бутылок, хоть одна из них достигнет цѣли. Я увѣрен, что меня выручат и мои мученія окончатся!

На этом прерывается дневник. Выручили кто нибудь невольного отшельника или нѣт, неизвѣстно. Тайна бутылки осталась неразгаданной.

ESTE LIBRO
PERTENECE A
V. PONTOVICH
CHIANGAI-B.A.R.E.S.

ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА.

Однажды, послѣ отбитія ожесточенной атаки на наши укрѣпленныя позиціи, мы захватили в плѣн нѣсколько нѣмецких офицеров и солдат, которые зашли слишком далеко и были окружены подоспѣвшими подкрѣпленіями из полкового резерва.

Солдат под конвоем отправили в глубокій тыл, в распоряженіе коменданта, а офицеры, в числѣ трех человѣк, были приглашены в полковой резерв, в офицерское собраніе, гдѣ их угостили походным ужином, причем они были удивлены обилием и питательностью подаваемых блюд и с аппетитом уничтожали солдатскій ржаной хлѣб, гречневую кашу с салом и вкусный ароматный борщ, в изобиліи приправленный перцем. Изголодавшіеся бургеры, насытив свои тощіе желудки, воздали должное русской водкѣ и крѣпкому квасу, от котораго пришли в неистовый восторг.

Сытная пища и обильное возліяніе разморили почтенных нѣмцев, и куда дѣвались их чопорность и обычнаѧ выдержанка!

Видя радушіе и сердечное отношеніе русских, они превратились в самых обыкновенных людей, поддаваясь общему настроенію, царившему в полковом собраніи.

Двое из них прекрасно говорили по-русски, так как подолгу жили в Россіи, а третій, вслѣдствіе незнанія языка, только мычал и добродушно улыбался на шутки окружающих и замѣчанія своих товарищей.

Послѣ ужина закурили, и плѣнныя тевтоны вынули свои портсигары и кисеты, наполненные скверным табаком.

Задымили трубки и папиросы.

Голубоватый дым наполнил низкіе своды блиндажа и пополз тонкими струями к досчатой двери.

Нѣмцы похваливали русскій табак и с удовольствіем затягивались его ароматом. Один из них вынул красивый серебряный портсигар и хлопнул по его крышкѣ, отчего она открылась. На нижней сторонѣ ея был вдѣлан портрет Императора Вильгельма, в гусарской формѣ.

В бесѣдѣ с русскими офицерами нѣмецкій лейтенант сознался, что он соціалист и призван на войну по мобилизациі.

Когда-же мы выразили свое удивленіе по поводу присутствія портрета Кайзера у соціалиста, нѣмец разсмѣялся и, передавая свой портсигар для общаго обозрѣнія, отвѣтил:

— Вас русских удивляет, что соціалист имѣет у себя портрет Императора и относится к нему с должным уваженіем и почтеніем?! Мы нѣмцы, всѣ без исключенія, патріоты, и ставим интересы націи выше всего, даже выше интересов партіи, не говоря уже о своих собственныхъ. Кайзер Вильгельм для нас является представителем націи и олицетвореніем могущества Германіи, а потому каждый нѣмец, без различія политических убѣждений, въдает ему должное и почитает его, как идею государственности германского народа. В этой общности взглядов и солидарности заключается непобѣдимая сила германского народа и залог его процвѣтанія в будущемъ. В этом мы нѣмцы радикально отличаемся от вас русских. Мы соціалисты считаем себя прежде всего нѣмцами, а ваши соціалисты, отрицая націю, порывают связь с родиной и дѣлаются отщепенцами, лишенными наиболѣе жизнен-

ных услоўй существованія. Вы русскіе слишком идейны и радикальны; мы практичнѣе вас и стоим ближе к жизни. Ваши соціалисты из за идеи готовы сломать все, даже собственное государство, т. е. тот-сук, на котором сами сидят. Мы нѣмцы проводим свои идеи систематически, не разрушая налаженного государственного устройства. Наш соціализм рѣзко отличается от вашего по существу. Ваши соціалисты недалеко ушли от анархистов, поэтому в Россіи соціализм не может быть осуществлен и проведен в жизнь. Если у вас падет монархія, то ее замѣнит анархія, а затѣм коммунизм. Вот в чем разница между русским и нѣмецким соціализмом. Я соціалист, но прежде всего нѣмец и горжусь своим Кайзером, котораго буду защищать до послѣдней капли крови!

Так говорил плѣнnyй лейтенант германской арміи и слова его производили большое впечатлѣніе. При провѣркѣ, у всѣх германских офицеров оказались портреты Кайзера, в том или другом видѣ, русскіе-же офицеры похвастаться этим не могли, так как портрет царя оказался только у одного старого полковника, призванного из ополченія.

САМУРАЙ.

Это было в концѣ Русско-Японской войны. С командой пѣших разведчиков, состоявшей из десяти человѣк, я был командирован в Нингутинскій раіон, для освѣщенія мѣстности и провѣрки слухов, о появленіи японцев.

Ввиду серьезности полученного заданія, я выбрал в свою команду лучших солдат из Заамурцев. Все это были отборные люди, лихіе охотники, сибирские стрѣлки привыкшіе с дѣтства к тайгѣ и ея первобытным условіям жизни. За старшаго среди них был старый чернобородый охранник, прапорщик Чайка, имѣвшій два солдатских Георгія и множество раненій, полученных в стычках с боксерами.

В свѣтлую Рождественскую ночь прибыли мы в Нингуту, гдѣ расположена была передовая застава, состоявшая из конной Заамурской сотни, под командой ротмистра Озолинга. Здѣсь, от начальника заставы, я получил свѣдѣнія, что японскіе разведчики бродят по тайгѣ, к востоку от Нингуты, постепенно подвигаясь к сѣверу, в раіон КВжд, между станціями Эхо-Мулин.

Надо было дѣйствовать осторожно и скрытно, не выдавая своих намѣреній и цѣли движенія отряда.

Взяв с собой надежного проводника и переводчика из мѣстных китайцев, рекомендованного начальником заставы, на слѣдующую ночь, я, со своим отрядом, выступил из Нингуты к востоку, направ-

вляясь в горные хребты Кентей-Алина, покрытые первобытными хвойными лесами.

К утру мы добрались до первых предгорий, заросших дубняком и орехником, и в одном из узких темных распадков расположились на отдых.

Отсюда надо было двигаться по тайгѣ, которая, по мѣрѣ удаленія в хребты и приближенія к перевалу, становилась темнѣе, непроходимѣе и глушѣ. Дорог здѣсь никаких уже не было. Изредка попадались звѣриныя тропы, пробитыя в снѣгу стадами кабанов, и узкія тропинки звѣроловов, идущія по ловушкам и соединяющія рѣдкія убогія фанзы, расположенные в самых диких горных трущобах. В этих фанзах ютились звѣровщики маньчжуры, занимавшіеся своим промыслом зимою, а лѣтом добывавшіе драгоценный жэнъ-шэнъ и золотой песок.

По моим предположеніям, если здѣсь действительно скрывались японцы, то они должны были находиться в этих фанзах, так как другого пристанища для них в тайгѣ не было. Для выполненія задачи, надо было обойти всѣ фанзы этого района и осмотрѣть всѣх их обитателей.

Так как эти фанзы разбросаны были на огромной площади и требовали для своего обхода значительного времени, мы с Чайкой рѣшили разделиться на два отряда и каждому действовать самостоятельно.

Всѣх встрѣчавшихся на тропах китайцев мы задерживали и подвергали допросу, причем всѣ они точно сговорились и отвѣчали стереотипною фразой:

—Во - ды пу - чи - до ! Бу - тун - ды ! Жибень - жэнъ мэю - ла !—т. е., я ничего не знаю ! Японцев нѣт !

От них ничего нельзѣ было добиться, но по всему было видно, что они что - то знают, но боятся говорить.

Продуктов мы взяли с собой очень мало, так что приходилось питаться охотой, главным образом на кабанов, которые держались большими стадами в дремучих кедровниках.

Ночевали обыкновенно в фанзах звѣроловов, причем для предосторожности предупреждали хозяина, что, в случае нападенія, первая пуля будет ему. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы обезпечить себѣ безопасную ночевку. Вслѣдствіе обилия кабанов, в этом раіонѣ держались тигры и мы постоянно находили их слѣды и лежки, и также остатки их кровавой трапезы среди непролазных зарослей.

По ночам, в тишинѣ тайги, слышались грозные голоса этих гигантских кошек и горное эхо вторило этим звукам, подобно отдаленным раскатам грома. В эти „Звѣриныя ночи“ рѣдкіе китайцы прятались в свои убогія фанзы и молились Горному Духу, Великому Бану, прося его о пощадѣ и защите от грозного „Царя тайги“.

Не раз мы находили печальные остатки человѣка, съѣденного тигром, это вѣроятно были звѣроловы или рабочіе китайцы, возвращавшіеся в свою фанзу с промысла.

Мы ни разу не встрѣчались здѣсь с этими „Царями тайги“, т. к. хитрые звѣри инстинктивно чуяли опасность подобной встречи с невѣдомыми пришельцами.

Осматривая таким образом фанзы, мы постепенно подвигались к линіи КВжд, до которой на прямую было не менѣе шестидесяти верст.

Оба наши отряда, не связанные друг с другом, но имѣя свои опредѣленные раіоны, самостоятельнно двигались, пересѣкая горные отроги главного хребта, и направлялись к сѣверу, разсчитывая выйти к станціи Даймагоу, гдѣ должны были встрѣтиться.

Около одной фанзы, лежащей в верховьях рѣки Мурени, нам оказали сопротивление, обстрѣляв нас ружейным огнем из за засѣки, устроенной поперек тропы, по которой мы двигались гуськом, слѣдя друг за другом. По счастью, огонь открыли слишком рано и мы успѣли разсыпаться в цѣпь и, в свою очередь, обстрѣлять их в лоб и с флангов.

Послѣ непродолжительной перестрѣлки, китайцы бѣжали, оставив на мѣстѣ боя одного убитаго и одного тяжело - раненаго. В отрядѣ было шесть человѣк. С нашей стороны потерь не было.

Убитый китаец лежал ничком у тропы, пораженный пулей в сердце.

В руках его зажата была японская винтовка. В зубах он держал свѣжую обойму с патронами, очевидно намѣреваясь зарядить винтовку.

Немного в сторонѣ, у самой фанзы, мои молодцы нашли другого китайца, который пытался еще стрѣлить из револьвера, когда они к нему подходили.

Выбив у него из рук оружіе, они связали его кушаком и тогда только обнаружили, что он тяжѣло ранен в правую ногу, с раздробленіем кости.

Будучи принесен в фанзу и положен на теплый кан, он лежал со стиснутыми зубами и не произносил ни слова.

Приказав его развязать, я приступил к перевязкѣ его раненой ноги и тогда только обнаружил, что это японец, как по тонким, благородным чертам лица, так и по нѣкоторым деталям одежды.

Пока я дѣлал ему перевязку, он упорно молчал. По его блѣдному осунувшему лицу, видно было, что он переносил сильныя страданія.

На его сломанную в голени ногу пришлось наложить четырѣ бинта и взять ее в лубки, сдѣланыя из березовой коры.

Выпив предложенного мною коньяку, он пришел в себя и, пожимая мнѣ руку, сказал по - русски: „Спасибо, спасибо! капитан!“ Больше он не знал ни одного слова по - русски и заговорил по - китайский с моим переводчиком.

Бесѣда их продолжалась довольно долго и прерывалась только небольшими паузами, во время которых японец отдыхал и жадно пил холодную воду, принесенную из проруби.

Окончив свою рѣчь, он закрыл глаза, глубоко вздохнул и забылся тяжелым сном. Переводчик передал мнѣ слова японца, которые я тогда-же записал в свою записную книжку и привожу их здѣсь почти без измѣненій. „Я офицер японской арміи. Командирован в тыл непріятеля, с цѣлью подрыва моста через реку Муданцзян. Вышел из Кореи myself тому назад и был уже почти у цѣли, но китайцы меня подвели, открыв стрѣльбу ранѣше времени. Если-бы не это, всѣ русскіе были бы перебиты и я выполнил-бы свою задачу и долг перед отечеством. Но судьба рѣшила иначе. Китайцы измѣнили мнѣ и бѣжали! Я тоже мог-бы бѣжать с ними, но честь Самурая не позволила мнѣ сдѣлать это. Я сражался до конца и, к сожалѣнію, не убит, а только ранен. Я знаю свою участъ! Как шпіон я должен быть разстрѣлен! Это справедливо и так должно быть! Я умру за свою родину и за нашего обожаемаго Императора и николько не сожалѣю об этом! Моя смерть принесет каплю счастья родинѣ! Сожалѣю только, что мнѣ не удалось выполнить возложенного на меня порученія! Передай русскому офицеру, что я прошу, как милости, разстрѣлять менѣ здѣсь-же. Снисхожденія не может быть! Я заслужил смерть и прошу не отказать мнѣ в этой милости! Перед смертью я напишу письмо на родину, которое прошу отправить хотя-бы послѣ войны. Я хочу, чтобы там знали, что я умер, как Самурай!

Слова эти произвели гнетущее впечатлѣніе, как на меня, так и на моих развѣдчиков. Они молчали и были угрюмы. Очевидно, одна и та-же мысль сверлила наш мозг и не давала ему покоя.

Я не высказывал своего мнѣнія и присматривался к своим подчиненным, ожидая от них открытия выраженія затаенных мыслей.

Я вышел из фанзы. Вечерѣло. Солнце зашло уже за лѣсистый гребень ближайшаго хребта и в тайгѣ легли густыя тѣни сумерек. Гдѣ-то в далеких падях кричал филин и его звучное „угу“ нарушило тишину засыпавшаго лѣса. Дойдя до засѣки, я увидѣл там застывшее тѣло убитаго китайца. Он, как живой, лежал на боку и в зубах его блестѣла обойма с мѣдными патронами. Это было олицетвореніе смерти на лонѣ прекрасной природы. Ея отвратительная гримаса изображалась на мраморно безжизненном лицѣ мертвѣца. Вскорѣ же проснулся японец и попросил пить. Судя по его раскрасневшемуся лицу, у него был жар; глаза его горѣли лихорадочным огнем и он о чём-то возбужденно толковал с переводчиком.

На мой вопрос, о чём идет рѣчь, переводчик объяснил мнѣ, что японец просит поскорѣе привести в исполненіе приговор.

— Скажи японскому офицеру, — передал я китайцу, что я его не считаю преступником, а честным воином, а потому не могу исполнить его просьбу.

Переводчик перевел мои слова.

Японец с большим трудом приподнялся на локти и горячо заговорил. Рѣчь его, прерываемая продолжительными передышками, тянулась долго. Под конец ея он замолк, застонал и откинулся на полу-шубок, положенный ему под голову.

— Я очень благодарен русскому офицеру за его гуманное отношеніе ко мнѣ — говорил он: — Но принять от него эту милость не могу, т. к. это

угрожает ему самому суровым наказанием. Я Самурай и не могу допустить этого! Если меня не казнят завтра - же, то я сам совершу эту казнь, как это принято у самураев, т. е. я совершу харакири. Я так сказал и это мои последние слова!

Вслед за тем жар его, очевидно, усилился и он начал бредить. Его японскую речь никто не понимал и она лилась свободно из разгоряченных уст.

Весь мы прислушивались к этим звукам в ночной тишине и невыразимая жалость к этому одиночному герою заползала в наши сердца.

Мои бравые сибиряки прёрнули и молча покрывали свои трубки, изредка перекидываясь словами.

—Тигры ходят близко около фанзы! произнес один из них, входя со двора и впуская за собой клубы пара.

Мы вышли из фанзы и, действительно, слышно было около засеки, как возились и дрались между собой хищники, из-за трупа убитого китайца. Заснули мы только под утро, когда раненый успокоился и затих в тревожном лихорадочном сне.

Проснулись поздно, когда яркое солнце пробивалось своими золотыми лучами сквозь щели и дыры в бумажном оконце фанзы.

Японец пришел в сознание и не спал, наблюдая за нами своими выразительными глазами. Жар его усиливался и нога распухла, обнаруживая явные признаки заражения крови. Я сдал ему вторую перевязку, которую он стойчески перенес и от боли скрипел зубами.

Последнюю с ромом он крепко заснул.

Труп китайца был растерзан тиграми и около засеки виднелись только клочки его одежды и сгустки крови.

Японец не приходил в сознание. Было очевидно, что не только дни, но и часы его сочтены, а потому я решил оставить его в фанзе, под наблюдением переводчика. Взять его с собой не было возможности за неимением перевозочных средств.

Через три дня мы выбрались из тайги на ст. Даймагоу, где нашли гостепримный прют у Заамурцев и отдыхали послѣ утомительного перехода по дебрям лѣсной пустыни.

Чайка со своим отрядом прибыл на эту же станцію еще через три дня и от него я узнал, что фанза, где мы оставили японца, подверглась нападению тигров, что можно было заключить по многочисленным слѣдам хищников. Двери и бумажное окно ея были выломаны. Умер-ли японец до появленія тигров, или был ими растерзан, установить не удалось, так как выпавшій обильный снѣг скрыл многіе слѣды и признаки.

Злополучная фанза была сожжена Заамурцами и тайна благородного самурая осталась погребенной в дремучей тайгѣ.

Через два года я снова побывал в том районѣ с Заамурцами. Мы охотились на кабанов и случайно набрѣли на то мѣсто, где стояла фанза. От нея остались только глиняныя стѣны и каменная лежанка-кан. Вокруг разрослись густыя заросли бурьяна и полыни.

В сторонѣ, под вѣковым кедром, возвышался небольшой холмик из диких камней, сооруженный чьею-то заботливою рукой. На дощечкѣ, прибитой к кедру, виднѣлась надпись китайскими іероглифами слѣдующаго содержанія:

„Прохожий! Остановись! Зажги свѣчу молитвы и поклонись Великому Духу гор и лѣсов! Здѣсь окончили свое земное странствованіе и ушли в страну тѣней люди, чистые сердцем и помыслами.

Положи свой камень и продолжай путь без страха!"

Нас было трое и мы, согласно обычая, положили по камню и, сдѣлав затес на стволѣ кедра, написали свои фамиліи.

Отсюда по тропѣ мы двинулись к западу и через два дня вышли на Муданьцзян против Нингуты.

НА ГРАНИЦЪ.

Скоро граница. Бѣглецы в изнеможеніи опустились на траву, в глубинѣ распадка, спускающагося с крутого хребта, на гребнѣ котораго стоят пограничные столбы с надписями, с одной стороны по-русски „СССР“, а с другой, китайскими іероглифами, „Маньчжу - ди - го“.

Группа бѣглецов из совѣтского рая состояла из пятнадцати человѣк мужчин, женщин и дѣтей, расположившихся в тѣни березовой рощи, на берегу таежного ключика, весело журчавшаго по камням и сбѣгавшаго тонкою струйкою по крутому склону.

Два проводника китайца сидѣли тут-же на корточках и покуривали свои длинныя трубки с равнодушным видом истых сынов Востока.

Соблюдая возможную тишину, бѣглецы говорили между собой шепотом и старались укрыться в травѣ от возможных преслѣдователей, солдат погранстражи и агентов ГПУ.

Партия из Никольска оставила за собой уже болѣе ста верст и благополучно достигла границы. Трудный путь по тайгѣ и болотистым низинам был продѣлан в двѣ недѣли. Ночевки под открытым небом; проливные дожди, мириады мошек и комаров, не дававшиѣ покоя ни днем, ни ночью; плохая обувь, скучная пища и постоянная тревога преслѣдованія—в конец истощили физическія и духовныя силы бѣженцев, и у самой границы, перед крутым перевалом, пришлось сдѣлать передышку

и набраться сил, для дальнѣйшаго похода. Особенно страдали дѣти и женщины интеллигентнаго класса, не привыкшія к физическому труду и походной жизни. Многих из них сильные мужчины несли на руках, что значительно задерживало движеніе и увеличивало опасность преслѣдованія.

Погранохрана здѣсь расположена тремя линіями, послѣдняя линія состоит из чинов ГПУ и у них имѣются собаки - ищѣйки, для преслѣдованія бѣглых. От бдительности людей еще можно уйти, но от звѣринаго чутья четвероногих сыщиков ускользнуть чрезвычайно трудно. Собаки, из породы нѣмецких овчарок, обыкновенно, находят бѣглецов и своим лаем дают знать ближайшему посту о том, что добыча найдена. Люди с поста, в числѣ пяти, шести человѣк, спѣшат на этот лай и, обыкновенно, открывают стрѣльбу по бѣгущим. Кто имѣт еще достаточно сил для бѣга, тот иногда уходит невредимым заграницу, кто-же потерял силы и убѣжать не может, - погибает под пулями пограничников, или сдается в плѣн. Но пограничники предпочитают убивать бѣглецов, чтобы не возиться с ними, а также не имѣть свидѣтелей грабежа и насилия.

Жаркій и душный юльскій полдень. Земля, насыщенная влагой, дышала аромотными испареніями. В зарослях тайги неистово трещали кузнечики и цикады, наполняя воздух неумолкаемым шумом.

Бѣженцы, томимые жаждой, прильнули к холодным струям горнаго источника, забыв обо всем на свѣтѣ и не принимая никаких мѣр предосторожности.

Русскій человѣк по натурѣ безпечен и даже легкомыслен, что объясняется особенностями всей его психики и образа мыслей, свойственными всей славянской расѣ.

Только китайцы, сохранявшиѣ наружное спокойствие, чутко прислушивались ко всѣм звукам, доно-

сившимся из глубины тайги и дѣлились между собой впечатлѣніями. Они знали русских и на них не надѣялись, довѣряя только своим ушам и острому зрѣнію.

В этой тишинѣ и видимом спокойствіи таилась грозная опасность. Притаившійся враг готов был броситься на свою беззащитную жертву.

Собаки-ищейки давно уже уловили в воздухѣ подозрительные запахи и искали его источники, обыскивая кусты, траву и заросли дремавшей тайги. В концѣ концов слѣд бѣглецов был найден и пара остроушек пустилась за ними в погоню.

Зная по опыту, что преслѣдуемый звѣрь близко, умныя собаки вскорѣ обнаружили становище людей и осторожно начали его скрадывать, чтобы не обнаружить своего присутствія.

Дойдя до крайней группы бѣглецов и выяснив всю обстановку, четвероногіе сыщики рѣшили дѣйствовать и лаем давали знать своим хозяевам о своей находкѣ.

Среди невозмутимой тишины вблизи становища неожиданно раздался собачій лай. Этот звук, как удар грома с безоблачного неба, поразил партію бѣженцев. В первое мгновеніе всѣ растерялись и не знали, что предпринять. Раньше всѣх опомнились проводники китайцы и с криками: „Гоу! Цу лай-ла! Кокайды!“, пустились бѣжать, во всю прыть своих тонких мускулистых ног, наверх в сопку, стараясь как можно скорѣе достичь границы, которая находилась на горном перевалѣ, в разстояніи одного километра. Вскорѣ их темныя фигуры замелькали на косогорѣ и скрылись в густых зарослях дубняка.

Большинство бѣженцев, побросав свои вещи, кинулись вслѣд за китайцами. Маленьких дѣтей пришлось посадить на плечи и бѣжать с ними, не отставая от остальных.

Одна из собак осталась на месте и лаем своим давала знать о местонахождении беглецов. Другая же побежала на пост, сообщить о происшествии. У поста она встретила четырех пограничников, на ходу надевавших патронташи и винтовки и спешивших к границе, откуда доносился неистовый лай собаки.

Повернув обратно, ищейка повела солдат кратчайшим путем к месту действия.

Когда агенты ГПУ добывали до границы, все беженцы успели уже ее перейти и были недосягаемы, но одна семья, состоявшая из трех человек, задержалась, не доходя до границы, и была остановлена подбившими собаками.

На траве, под вязовым дубом, лежала пожилая женщина, с бледным, но красивым лицом, одетая, как и все остальные беглецы, в простое и даже бледное платье, сшитое из мешков и лоскутков матери. Около нея, держа ея голову на своих коленях, сидела молодая девушка, имевшая поразительное сходство с лежавшей.

Возле них, стоя в оборонительной позе, виднелась высокая могучая фигура старика, стараясь отогнать собак палкой.

— Друзья мои! — говорила лежавшая мягким разслабленным голосом — Бегите скорее через границу! Сейчас придут сюда чекисты и заберут нас всех! Вы еще успеете уйти от них! А я останусь! Видно уж такая судьба! Из-за меня вы можете пострадать и погибнуть! Это напрасная жертва! Скорее-же, скорее! Не теряйте времени!

— Нет, мама! — отвечала дочь, глядя ее по седьмой голове — Мы с папой тебя не бросим ни за что! Что бы ни случилось — мы будем вместе! Если нам суждено умереть, то умрем вместе! Ты не волнуйся и нас не уговаривай! Это вопрос решенный! Видно, такова наша судьба! Собаки надрываясь лаяли,

насѣдая на старика и стараясь вѣпиться ему в ноги.

Вскорѣ из зарослей тайги на поляну вышли четыре фигуры, в формѣ красноармейцев, и, взяв винтовки на руку, приблизились к группѣ бѣженцев, окружив их кольцом.

Умные собаки, считая свою роль законченной, отошли в сторону и улеглись в тѣни дуба, высунув красные, смоченные обильною слюной, языки, и тяжело дыша.

— Ну что, граждане! Не удалось вам бѣжать заграницу из нашего пролетарского отечества! — Проговорил один из солдат, высокій, корявый блондин, с суровым, звѣрским выражением некрасиваго лица.

Это был начальник поста, агент ГПУ. Остальные-простые солдаты пограничной стражи, молодые люди призываного возраста, с глуповатыми и добродушными физіономіями новобранцев.

Граждане молчали и на их печальных разстроенных лицах написано было тупое отчаяніе и покорность судьбы.

— А жаль, что упустили вѣю партію! — продолжал начальник поста, присаживаясь под тѣнь дерева и вытирая мокрый лоб красным платком, с изображеніем „серпа и молота“. — Там можно было бы поживиться, а у этих голодранцев навѣрное в карманах, кромѣ вшей, ничего, нѣт. А ну-ка ребята! Пошарьте у них! Может быть найдем что нибудь полезное для нашего брата! Да баб не бойтесь! Они смиренныя и не кусаются!

Исполняя приказаніе начальника, пограничники начали обыскивать бѣглецов, причем ничуть не стѣснялись тѣм, что перед ними женщины, и, по привычкѣ, обращались с ними безцеремонно и с утрированным вульгарным цинизмом. Граждане, вѣроятно, привыкли к таким пріемам и подчинялись

всѣм требованіям безпрекословно, зная, что малѣй-шій протест повлечет за собой жестокіе побои и даже разстрѣл.

Отобрав от них все цѣнное, в видѣ денег, золотых вещей и всѣх документов, чекист приказал им подниматься и двигаться на пост.

— Стариков нам не надо, а дѣвченка пригодится! проговорил начальник поста, торопя своих подчиненных и понукая граждан поскорѣе двигаться.—Ты, Софронов, пойдешь со мной! — обратился он к одному из солдат.—Я хочу пройти к границѣ и провѣрить секреты! А вы оба отведете граждан на пост. Стариков сплавим в тыл, а дѣвченку оставим у себя! Больно уж хороша бабенка! Жаль отдавать такую чужому дядѣ!

С этими словами чекист свистнул собаки, в сопровожденіи одного пограничника, направился в сторону границы и вскорѣ исчез в зеленых зарослях лѣса.

К тому времени старуха уже оправилась и готова была идти на пост.

— Граждане! Вы не особенно торопитесь! — предупредил один из солдат, располагаясь отдохнуть на мягкой гравѣ лужайки и закуривая папиросу — Наше начальство нескоро вернется на пост, и мы успѣем поспать и отдохнуть, как слѣдует! Иванов! — обратился он к своему товарищу — Подсаживайся ко мнѣ! Я хочу с тобой поговорить по одному дѣлу! На, покури и слушай, что я тебѣ буду говорить! Да не перебивай!

Оба пограничника отошли в сторону, прилегли на траву и, дымя папиросами, стали бесѣдовать, стараясь, чтобы бѣженцы не услышали их разговора. Старик со старухой и их пригожая дочка, приглянувшаяся начальнику поста, сидѣли поотдалѣ и дѣлились впечатлѣніями. Ничего хорошаго они не ждали и готовы были покориться своей участіи.

— Знаешь что! — говорил тём временем пограничник своему товарищу — Всёдь наш-то звёрь мётит на эту самую дёвицу! Натёшится ею, а потом выгонит от себя, как собаку, или прикончит ее, как и ейных стариков! Не впервой вёдь! А жаль стариков! Видать, что хорошие, добрые люди! Да и дёвку жаль! За что пропадать им! Всёдь это наши русские люди, даром что буржуи! Наш-то звёрь не русский, должно быть латыш! Ему конечно не жаль русских! Надо их как-нибудь спасти от лютой смерти! Вот что! Я придумал: мы отпустим их через границу, а начальству доложим, что они бежали и мы их поубивали во время бёга!

Довольный своей изобретательностью, оратор с торжеством взглянул на своего товарища, прищурив глаза.

— Нет, брат! Эта махинация не подходит! — возражал Иванов, послё нёкотораго раздумья — Наш звёрь захочет посмотреть на трупы убитых и что тогда мы ему покажем? Нет, это не подойдет! Мы, как русские, конечно должны их спасти! Неужели отдать их на растерзание этому извергу! Знаешь что! Давай и мы сами махнем с ними за границу! Там хуже не будет! Все равно, кончим службу и посадят нас на голодный паек! В колхоз загонят, а там, чуть-что и на каторгу! Размышлять тут нечего! Вставай, да собираяся заграницу! —

— Ты хорошо придумал, товарищ! — с восторгом подхватил его мысль солдат, и вскочив на ноги, быстро направился к группе бёглецов, сидевших невдалеке под дубом.

— Слушайте! — обратился он к ним, подтягивая свой ременный пояс потуже — Мы с товарищем порешили бежать вместе с вами за границу! Скорее собирайтесь и айда! Времени терять нечего! Неровен час нагрянет наш звёрюга, тогда крышка нам всем! Не удивляйтесь! Поговорим потом, а теперь с Богом в путь-дорогу!

Наши бѣженцы сначала не хотѣли вѣрить своему счастью, но затѣм, убѣдившись в искренности солдат, не могли сдержать своей радости и бросились друг другу в объятія, благодаря Бога за помощь и избавленіе от неминуемой смерти.

— Ну, буржуй! Будет вам цѣловаться и плачать с радости! Кончайте, да скорѣй пойдем к границѣ! Не то плохо будет!

Не прошло и пяти минут, как группа бѣженцев, в сопровожденіи пограничников, взбиралась по крутыму косогору, подымаясь на хребет, гдѣ находилась государственная граница и обѣтованная земля, куда в своих тайных помыслах стремятся многие и многие из граждан СССР, жителей счастливаго совѣтскаго рая.

Больная старуха не могла идти самостоятельно и ее вели под руки поочередно, то муж с дочкой, то солдаты, для которых это путешествіе доставляло одно удовольствіе и развлеченье, послѣ скучной, монотонной казарменной жизни на пограничном посту. Они все время шутили и подтрунивали над бѣженцами, пугая их собаками и грозным чекистом, который может пуститься за ними в погоню.

— Ну, Васька! — обращался один из них к своему товарищу, поддерживавшему слабую старушку, еле передвигавшую ноги. — Чего ты смѣешься! Вѣдь мы с тобой теперь такие-же бѣженцы, как и они! И дорога наша одна, или под пулю чекиста, или на чужбину!

Дойдя до самой границы, которая проходила по горному водораздѣлу, бѣглецы услышали за собой дружный лай собак, и вскорѣ их окружила цѣляя свора овчарок.

За ними слѣдовали солдаты со всѣх ближайших постов, во главѣ с агентами ГПУ. Погоня приближалась и надо было напрягать всѣ силы, чтобы углубиться в предѣлы чужой страны, т. к. преслѣ-

дователи не постыняются нарушить международное право и перейдут границу. Зная это, бѣглецы пустились бѣгом вниз по косогору, увлекая за собой еле живую старуху, которую пришлось взять на руки одному из солдат.

Собаки, почувяв своих среди бѣглецов, постепенно отстали, что значительно облегчило скрадываніе слѣдов и быстрое движеніе.

Но все-же погоня настигала бѣглецов и уже слышны были голоса преслѣдователей. Надо было на что нибудь рѣшиться, чтобы выиграть время.

— Вы, буржуи, бѣгите вниз, что есть духу, а мы с товарищем заляжем здѣсь и дадим чекистам отпор. Потом, если уцѣлѣем, вас догоним!

С этими словами оба пограничника залегли за большие камни, в ожиданіи появленія непріятеля. Они рѣшили дорого продать свою жизнь, но не сдаваться в плѣн живыми.

Буржуи, поблагодарив своих спасителей, продолжали свой стремительный бѣг под гору и быстро скрылись в таежных зарослях.

Погоня была уже близко. Показались в кустах собаки, а за ними, держа винтовки на перевѣс, солдаты пограничной стражи. Лица их раскраснѣлись от быстрой ходьбы и боевого пыла. Впереди, держа револьвер в правой руцѣ, шагал по кустам грузный чекист, начальник поста.

Подпустив их на близкое разстояніе, бѣглые пограничники открыли стрѣльбу из винтовок и первыми жертвами боя пали чекист и двое ближайших к нему солдат. Остальные скрылись в кустах и разсыпались в цѣпь, разсчитывая окружить бѣглецов.

Лѣс застонал от звуков учащенной перестрѣлки и глухо зарокотали каменные нѣдра дремавших сопок.

Под натиском наступающих, бѣглые должны были отступать, отстрѣливаясь и прячась за камни и стволы деревьев.

Послѣ получасового боя, один из бѣглых солдат был убит и остался лежать под стволовом старого дуба, давшаго ему временный пріют и укрытие. Другой солдат, Иванов, замѣтив гибель товарища, поспѣшил ретироваться и, сначала ползком, а по-тот бѣгом, пустился вниз по косогору, догонять буржуев, опередивших его на три километра.

Пограничники, потеряв своего начальника и очутившись на чужой территории, рѣшили прекратить преслѣдованіе и ушли назад, за пограничную линію. В своих рядах они недосчитывались пяти человек и возвращались домой, на свои посты, мрачные и недовольные, и в молодых головах их бродили невеселыя, безотрадныя мысли. Многіе завидовали бѣглецам, и неясныя туманныя надежды на лучшее будущее зарождались в их темном малоразвитом мозгу. Они не могли разобраться во всем происходящем, но смутно чувствовали нелѣпость создавшагося положенія. Воля их была подавлена, но протест, помимо этой воли, созрѣвал в их подсознаніи.

К вечеру Иванов вышел на большую дорогу, соединяющую Дуннин с Пограничной и вскорѣ нашел фанзу маньчжурского поселянина, в которой собрались все бѣженцы из Никольска. Между ними была и та семья, ради которой он сам обратился в бѣженца. Все были искренно рады его возвращенію и благодарили за рѣдкое самопожертвованіе. Послѣ всѣх треволненій перехода чеरѣз границу, бѣглецы из соврая отдыхали на чужой землѣ, давшей им пріют и душевное спокойствіе.

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ.

Это было наканунѣ Ниппоно - Русской войны.

Хотя никаких конкретных данных приближавшейся военной грозы еще не было, но жители Дальнего Востока чувствовали напряженность политического положенія и с тревогой рассматривались к ниппонцам, покидавшим Маньчжурию в спѣшном порядке, на основаніи секретного распоряженія своих властей. Назрѣвали события и слухи о войнѣ пріобрѣтали достовѣрный характер.

Как раз в это время я провожал своего сослуживца, донского казака, есаула Кузнецова, в Россию. Он окончил службу в Охранной Стражѣ и возвращался к себѣ на Дон.

В Харбинѣ мы обходили с ним магазины, гдѣ закупали подарки и сувениры, на память о далекой Маньчжурии.

Как-то зашли мы в ниппонский магазин, гдѣ мой пріятель накупил массу всяких вещей и бездѣлушек, вродѣ альбомов, зонтиков, шкатулок и других издѣлій из слоновой кости.

Пока приказчики заворачивали всѣ эти покупки в пакеты, мы разговорились с хозяином ниппонцем, очень вѣжливым, любезным и интеллигентным человѣком.

Он был небольшого роста и рядом с Кузнецовым казался еще меньше, так как послѣдній отличался богатырским сложеніем.

Разговор зашел о тревожных слухах и отъездѣ ниппонцев из Маньчжуріи, причем на вопрос: „Почему ниппонцы уѣзжают?“ — хозяин, любезно улыбаясь, отвѣтил: „Это нам неизвѣстно! Я думаю, что у каждого есть свои дѣла, и на это не стоит обращать вниманія!“.

— Как не стоит! — возразил мой пріятель, смотря на своего собесѣдника с высоты своего роста? — Это первый признак близкой войны! Ниппон хочет воевать с Россіей! Ну, что-же, повоюем! Вѣдь мы вас шапками закидаем!

— Нѣт, господин офицер! — отвѣтил ему хозяин, задѣтый за живое — Ниппон войны не хочет! Мы защищаем только свои жизненные государственные интересы и никому не позволим их нарушить! Ниппон с Россіей может жить в дружбѣ, т. к. им дѣлить нечего! Россія велика и очень богата. Ниппон мала и бѣдна! Мне кажется, что Великая Россія не станет обижать своего сосѣда и отнимать у него кусок хлѣба!

Сказав это, хозяин зашел за прилавок и, облокотившись о contadorку, уставилъся на казака своими строгими выразительными глазами.

Приказчики, слыша наш разговор, видимо волновались, задѣтые в своих лучших патріотических чувствах. Они молча исполняли свою работу, но черные глаза их краснорѣчиво выражали их мысли.

— Какіе-же это жизненные интересы Ниппон в Маньчжуріи? Возразил Кузнецов, спокойно закуривая папиросу — Ее заняла Россія и Ниппон не имѣет на нее никаких прав!

— Вы ошибаетесь, г. офицер! отвѣтил на это хозяин — Маньчжурія для Россіи не нужна, у нея и своей земли черезчур много! А для Ниппон это вопрос жизни и смерти!

— Как-бы там ни было, — проговорил мой пріятель — но Маньчжуріи вам не отдадим! Если-же

Ниппон захочет драться с Россіей, то она погибнет! Вот возьмем, напримѣр, меня с вами! Если-бы мы вступили с вами в борьбу, то я раздавил-бы вас одним пальцем! Так и Россія раздавит Ниппон!

Эти слова, очевидно, вывели из себя сдержанного и корректнаго ниппонца, он поблѣднѣл, как полотно, и дрожащим голосом, стараясь сдержать волненіе, произнес:

— Да, это вѣрно! Россія велика и могуча, а Ниппон мала! Меня, конечно, нельзя сравнивать с вами! Вы Голіаф, а я Давид! Но Вам вѣроятно извѣстно, что Давид побѣдил Голіафа! В борьбѣ побѣждает не тот, кто велик тѣлом, а тот, кто велик сердцем! Вы большой человѣк, а я маленький, но у кого из нас сердце больше,-еще вопрос! Ниппон мала, но сердце у нея Великое, и нѣт той силы, которая побѣдила-бы это сердце! Народ Ямато высоко несет свое знамя самураев и гордится тѣм, что не знал до сих пор пораженій! Меня не удивляет, г. офицер, что вы так говорите! Вы не знаете Ниппон, а потому жестоко заблуждаетесь в своих заключеніях!

Сказав это, ниппонец смолк и больше не вступал в разговоры с нами.

Расплатившись и забрав свои покупки, мы вышли из магазина.

Через два дня, проходя по той-же улицѣ, мы остановились около ниппонского магазина, но он был уже пуст. Вывѣска была снята. На дверях магазина красовалось объявление: „Магазин здаецца“.

Очевидно, ниппонцы выѣхали и помещеніе сдавалось в наем.

Мой пріятель вскорѣ укатил в Россію и на прощанья подарил мнѣ, на память о нашем разговорѣ с ниппонцем, изящную шкатулку с инкрустацией, гдѣ изображено было большое сердце, пылающее внутренним огнем.

В январѣ слѣдующаго года грянула война, которую Россія проиграла.

Изящная шкатулка, подарок моего пріятеля, всегда напоминала мнѣ наш разговор в магазинѣ и пророческія слова ниппонца, который говорил о Большом Сердцѣ, пылающем огнем неугасимой вѣры и патріотизма.

Тогда только я понял их сокровенный смысл.

Того - же автора :

I. На русском языке:

1. „В горах и лесах Маньчжурії“. СПБ. 1915 г.
2. „Маньчжурскій тигр“. Харбин. 1925 г.
3. „Изюбрь и изюбреводство“. Харбин. 1925 г.
4. „Корень жизни—Жэнь - Шэнъ“. Харбин. 1926 г.
5. „Медведи Дальнего Востока“. Харбин. 1928 г.
6. „Озера долины Муданцзяна“. Харбин. 1929 г.
7. „Охота в Маньчжурії“. Харбин. 1930 г.
8. „Зверевой промысел в Маньчжурії“. Харбин. 1931 г.
9. „В дебрях Маньчжурії“. Харбин. 1934 г.
10. „Великий Van“. Харбин. 1936 г.
11. „По белу свету“. Харбин. 1937 г.
12. „Тайга шумит“. Харбин. 1938 г.
13. „Тигрица“. Роман. Харбин. 1940 г.

II. На других языках:

1. „Big Game Hunting in Manchuria“. London. 1936 г.
2. „Le Grand Van“. Paris. 1938 г.
3. „Mes chasses dans la Taiga de Mandchourie“. Paris. 1938 г.
4. „Les bêtes sauvages de la Mandchourie suivies par le Ginseng ou Racine de vie“. Paris. 1939 г.

